НАДИН МОНФИС
ГРЕЗЫ ВАВИЛОНА

НАДИН МОНФИС

ГРЕЗЫ ВАВИЛОНА

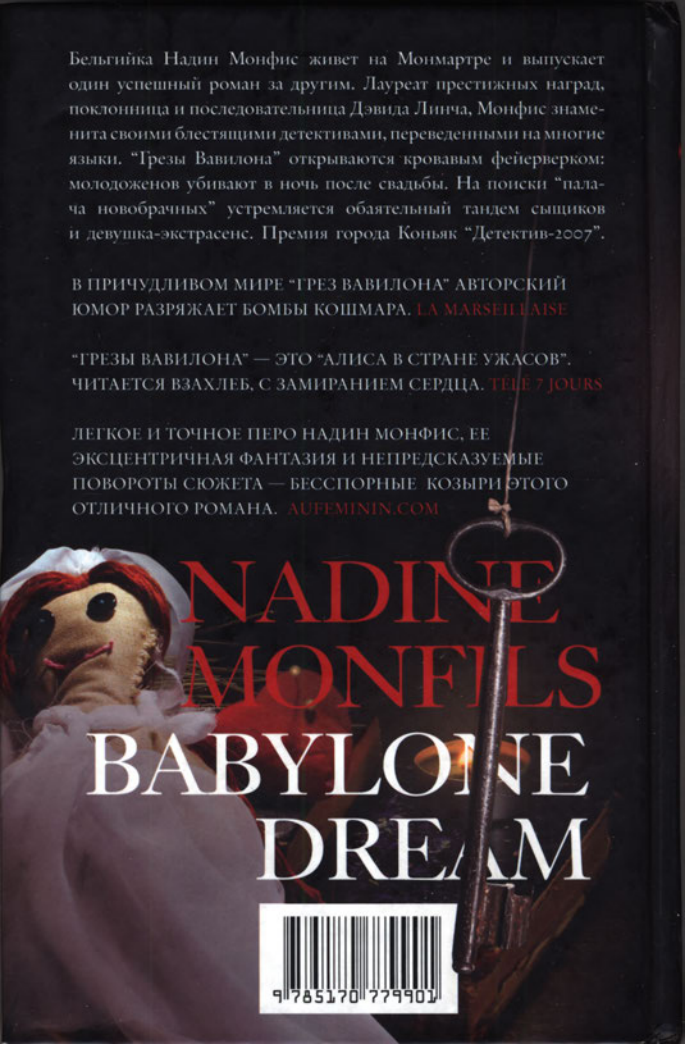
КРОВАВЫЙ УБИЙЦА ОХОТИТСЯ
НА НОВОБРАЧНЫХ

Бельгийка Надин Монфис живет на Монмартре и выпускает один успешный роман за другим. Лауреат престижных наград, поклонница и последовательница Дэвида Линча, Монфис знаменита своими блестящими детективами, переведенными на многие языки. "Грезы Вавилона" открываются кровавым фейерверком: молодоженов убивают в ночь после свадьбы. На поиски "палача новобрачных" устремляется обаятельный тандем сыщиков и девушка-экстрасенс. Премия города Коньяк "Детектив-2007".

В ПРИЧУДЛИВОМ МИРЕ "ГРЕЗ ВАВИЛОНА" АВТОРСКИЙ ЮМОР РАЗРЯЖАЕТ БОМБЫ КОШМАРА. LA MARSEILLAISE

"ГРЕЗЫ ВАВИЛОНА" — ЭТО "АЛИСА В СТРАНЕ УЖАСОВ". ЧИТАЕТСЯ ВЗАХЛЕБ, С ЗАМИРАНИЕМ СЕРДЦА. TELE 7 JOURS

ЛЕГКОЕ И ТОЧНОЕ ПЕРО НАДИН МОНФИС, ЕЕ ЭКСЦЕНТРИЧНАЯ ФАНТАЗИЯ И НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЕ ПОВОРОТЫ СЮЖЕТА — БЕСПОРНЫЕ КОЗЫРИ ЭТОГО ОТЛИЧНОГО РОМАНА. AUFEMININ.COM



9 785170 779901

НАДИН
МОНФИС

ГРЕЗЫ ВАВИЛОНА

NADINE MONFILS

BABYLONE DREAM

НАДИН МОНФИС ГРЕЗЫ ВАВИЛОНА

Роман

Перевод с французского
Оксаны Чураковой

издательство АСТ
Москва

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
М77

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Монфис, Надин
М77 Грезы Вавилона : роман / Надин Монфис ; пер. с франц. О. Чураковой. — Москва : АСТ : CORPUS, 2013. — 288 с.

ISBN 978-5-17-077990-1

Надин Монфис — популярнейшая бельгийская писательница, лауреат престижных наград, автор детективов, переведенных на многие языки. Роман "Грезы Вавилона" удостоен премии "Детектив–2007" на знаменитом фестивале приключенческой литературы в городе Коньяк.

Молодожены после свадьбы найдены мертвыми в своем доме. Жених зарезан, у невесты отрублены руки, а ее тело превращено в кровавое месиво. Преступник не оставил следов. Ясно одно: им движет нечеловеческая ненависть. Следствие ведет инспектор Линч, неисправимый любитель виски и женщин, и его помощник Барн, закомплексованный муж-подкаблучник. Им помогает очаровательная Ники, чья должность профайлера подразумевает способность воссоздавать психологический облик убийцы и проникать телепатическим путем в его подсознание. Но попробуй найди "палача невест" в городе Пандора, где, как следует из его названия, зло таится на каждом шагу...

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-077990-1

© Belfond, un département de Place des Editeurs, 2007. Tous droits réservés.
© О. Чуракова, перевод на русский язык, 2013
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2013
© ООО "Издательство Астрель", 2013
Издательство CORPUS ®

Моему отцу, подарившему мне красного слоненка,
которого я так и не смогла отыскать.
Разве что когда писала эту книгу.

1

Растерзанная подвенечная фата распласталась на залитом кровью полу, словно крылья разбившейся о скалу чайки. От тела остались лишь рваные клочья плоти, перемешанные с перьями подушки. Под кроватью инспектор Линч обнаружил руку. С красивой маленькой кистью и накрашенными ногтями. Почти кукольную. Прежде чем поместить ее в пластиковый мешок, он убедился, что на безымянном пальце нет обручального кольца.

— Она могла носить его на правой, — заметил Барн.

— А ты не так глуп для полицейского!

Линч пожал плечами. Как ни крути, а, учитывая, во что превратилось тело, обнаружить целую руку было просто чудом. Другую наверняка разнесло на куски, как и все остальное. Тут и там валялись обрывки белого платья, словно лепестки, усыпавшие комнату новобрачных среди кровавого месива. Несмотря на платок, пропитанный запахом эв-

калипта, которым Линч прикрыл нос, его затошнило. А ведь за долгое время службы он всякое повидал. Но с убийствами, подобными этому, ему редко приходилось сталкиваться. По правде сказать, такую мясорубку он видел впервые.

Жених лежал лицом к кровати, глаза вытаращены, в животе нож, руки и ноги связаны за спиной. Помощь подоспела поздно, и он истек кровью. Бедняга наверняка стал свидетелем кровавой расправы над женой. Его веки были приклеены скотчем, чтобы он не мог закрыть глаза.

Молодоженов оставили одних в брачную ночь, и только ближе к полудню мать невесты принесла им пирог с засахаренными насекомыми. Одно из ее фирменных блюд с тех пор, как ей подарили книгу рецептов азиатской кухни. Лорена жила за несколько домов от дочери, и у нее имелись запасные ключи. Днем она приходила кормить кота. Сначала она тихонько окликнула молодых, чтобы предупредить о своем приходе. Затем громче. Не дождавшись ответа, она забеспокоилась и поднялась наверх...

Сосед видел, как она выбежала из дома с воплями. Он-то и вызвал полицию. С тех пор она перестала говорить. Единственное слово, которое она без конца повторяла, было "кот".

Барн недоумевал. Линч объяснил, что иногда при потрясении человек цепляется за какую-то де-

таль и становится просто одержим ею. Чтобы пережить ужас. Дерево, за которым не видно леса.

— Шеф, правую руку нашли. Отрезана от самого плеча. Кольца нет... Похоже, ее тоже отрубили до того, как взорвали тело. Настоящий псих поработал!

Линч прикрикнул на Барна, который собирался развязать мужа:

— Не надо! Сейчас Ники Сливер приедет. Оставьте ей хоть это, а то будет злиться. Вы ее знаете...

Бог свидетель, он давно знал и терпел эту заразу Ники. Характер кассирши из супермаркета при ангельской девичьей мордашке. В общем, телепатические таланты с ее персоной никак не вязались. Господь словно ошибся телом. Однако приходилось признать: она была лучшим профайлером[1], каких он когда-либо знал. И вечно гадал, то ли эта пигалица наделена фантастическими способностями к дедукции, то ли действительно у нее дар ясновидения. При взгляде на это мышиное личико, эти джинсики и широченные свитера возникало желание ее защитить. Но стоило подойти к ней поближе и сделать сочувственное лицо, как она превращалась в гиену.

1 *Профайлер* — психолог-криминалист, воссоздающий психологический облик преступника. Некоторые считают, что это не столько профессия, сколько своеобразный дар, умение проникать в сознание и подсознание серийных убийц. *(Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, — прим. перев.)*

— А кота не нашли? — поинтересовался Барн, питавший слабость к животным.

— Нет. Наверняка убежал в окно. Ушел тем же путем, каким пришел убийца. Чего проще...

Окно спальни выходило в темный двор, скрытый стеной и высокой кованой оградой. Мало-мальски ловкому человеку забраться на второй этаж было проще простого.

— Хотя бы ясно, что убийца не безногий калека, — пошутил Барн, желая слегка разрядить обстановку.

Но шутка не сработала. От жуткой сцены всех мутило.

Тине было двадцать четыре года. С будущим мужем они познакомились еще в школе, и оба были единственной любовью друг друга. На фотографии, найденной у матери, девушка выглядела очень обаятельной, нежной и милой. Она работала медсестрой, а ее муж трудился в компьютерной фирме. Красивый парень, насколько еще можно было судить по его лицу, исказившемуся при виде адской сцены.

Его ногти вонзились в связанные руки. Линч невольно подумал про гвозди в ладонях Христа.

2

Линч плюхнулся в кожаное кресло, постаревшее от невзгод, которые он ему поверял. Только оно и осталось ему от деда. Для инспектора это было больше чем просто кресло. Он словно сидел на коленях обнимавшего его старика. И чувствовал себя под его защитой. Впрочем, ему частенько случалось с ним разговаривать. Вряд ли он выглядел при этом более странно, чем те зомби, что встречались ему на улице с наушниками в ушах, болтавшие будто сами с собой. Он раскурил косяк, самокрутку со вкусом шоколада, набитую табаком и травкой. Хотелось тихо воспарить. Ему нравилась эта смесь вкуса детства с чем-то запретным.

Он хорошо себя чувствовал в маленькой старой квартирке в самом центре злачного квартала Пандоры. Ему вполне по карману было бы жить и в другом районе, но его всегда манили подозрительные места, пустыри и закоулки, где бродят бездомные псы.

А с недавних пор новая соседка напротив около часа ночи каждый раз раздевалась возле окна. Это было истинным наслаждением! Линч с малолетства обожал подглядывать... В тринадцать, будучи мастером на все руки, он смастерил себе очки в форме замочных скважин, которые надевал, когда смотрел порнофильмы. Очки сохранились у него до сих пор...

В тот вечер соседки дома не было. И ему ее не хватало. Кажется, она жила одна. Он пока ни разу не видел у нее мужчин. Ревность была не по его части. Все те ужасы, с которыми он сталкивался на работе, научили его необычайно ценить настоящую минуту. Только это и есть истина. Прошлое и будущее всего лишь иллюзия. Он поднялся и встал у окна. На миг погрузился в мечты. Женщины его всегда возбуждали. По крайней мере, в мыслях...

Вдруг он увидел свет. Она появилась, мгновение смотрела на него, затем бретельки ее лифчика мягко скользнули с плеч. Одна грудь обнажилась. Линч видел лишь нечто округлое и манящее. Он не мог разглядеть лицо, и эта тайна разжигала его воображение.

Он ни разу не видел ее на улице. Намеренно обходил стороной ее дом. И очень надеялся никогда не встретить ее. Впрочем, он вряд ли смог бы ее узнать. Быть может, она существовала лишь в его воображении...

Линч снова уселся в кресло и нажал кнопку пульта. Продолжение "Клана Сопрано"! Ничто так не помогало ему расслабиться, как приключения этого мафиози, которого неплохо было бы иметь отцом или братом. Семья Тони Сопрано стала его семьей. Психолог сказал бы, что для него это субститут, поскольку он один на белом свете. Или почти один. У него остался только умственно отсталый младший брат. Вначале, когда Линч работал, как все люди, от звонка до звонка, у него была мысль взять брата к себе, но после перехода в уголовку это стало невозможным.

"Не советую, — сказал врач, — он может стать совершенно непредсказуемым и даже опасным. Неизвестно, как будет развиваться болезнь".

Фрэнки поместили в специальное учреждение, где больных обучали "создавать вещи своими руками". С тех пор он мастерил йглу, склеивая баночки из-под йогурта. Фрэнки обожал эскимосов. А еще снег. Никто не знал, откуда у него эта страсть к Северу. Только Линч. В детстве мать всегда читала им на ночь одну и ту же книжку с картинками "Юри, маленький эскимос". История о несчастном мальчике, который живет один, потому что потерял родителей. Когда он тонул в ледяной воде, его спас медведь. Но в конце книги выясняется, что мальчику все приснилось. Он просыпается у себя в комнате... а на его постель падает снег!

Линч корил себя за то, что не навещает брата чаще. Но на службе он и без того видел столько несчастий, что в конце дня хотелось хоть ненадолго рас-

слабиться. А возвращаясь от Фрэнки, он всякий раз испытывал желание пустить себе пулю в лоб. Эти встречи терзали его сильнее, чем все преступления, с которыми он сталкивался.

В этот вечер он никак не мог сосредоточиться на любимом фильме. Его не трогали любовные страдания Медоу, дочери Тони Сопрано. Картинку заслоняли клочья плоти, облеплявшие экран. А любая женщина в белом казалась ему лишенной рук.

Линч выключил телевизор и вышел. Ночные бары часто помогают прогнать ужасы дня. Погружаясь на дно бутылки, забываешь о том, кто ты есть.

Розовые неоновые блики струились по отполированному дождем тротуару. На углу тупичковых улиц витали запахи продажной любви. Все, что так нравилось Линчу. Его никогда не пленяла семейная жизнь и тихие радости отцовства. Когда ему хотелось ласки, он шел к проституткам. Никакого жеманства, все просто и ясно. Как в доброй сделке, выгоду получали обе стороны. Совсем не то, что в любви, которая одного — а то и обоих сразу — ранит и лишает жизненных сил. Да хотя бы из-за смерти одного из двоих.

У стойки Линч выпил несколько стаканов "Бильбао". Здесь его хлестали все подряд. Смесь спирта с маком и неким веществом из плотоядных растений-афродизиаков.

Затем он прихватил Коко, свою любимицу. Один час в ее квартирке, где пахло увядшей розой — ка-

ким-то бабушкиным составом, который она жгла над свечкой, чтобы прогнать запах гнили. Час абсолютной расслабухи и бездумного секса, когда он старался забыть все, кроме этого тела, готового на любые безумства в обмен на несколько банкнот.

Линч часто задумывался, почему шлюхи возбуждают его больше, чем все прочие женщины. Вероятно потому, что они созданы только для этого и ни для чего больше. При виде шлюхи никому не придет в голову сказать: "Милая, прогладь мне рубашку", или обругать ее за то, что она балует мальчишку и плюет на его отметки.

Коко легла сверху и принялась умело массировать то, что часто заменяет мужчине мозги. Линч расслабился, вкушая удовольствие, которóе ему нравилось считать запретным. Он стоял за свободу во всем. Кроме секса. Без запрета пропадает весь эротизм. Это так, мыслишка... Мелочь, возбуждавшая в нем желание. Он любил представлять себе, что у Коко есть муж и что он вот-вот войдет и устроит ей сцену.

Никак не получалось сосредоточиться. Вместо входящего мужа он видел невесту без руки... Интересно, убийца ее изнасиловал, прежде чем взорвать? И когда он отрезал ей руку, до изнасилования или после?..

3

Ники повидала немало страшных сцен, но эта была самой ужасной из всех. Как всегда, когда ее вызывали на место преступления, она брала с собой слоника из красного фетра, единственную вещь из детства, напоминавшую об отце. Как-то вечером под Рождество отец таинственным образом исчез. Именно он дал слонику имя Вавилон. Это было похоже на название конфеты. Она никогда не задумывалась, почему он наградил его этой странной кличкой, пока мать не сказала: "Вавилон символизирует все несбывшиеся мечты. То, что заставляет нас цепляться за жизнь".

Ники необходим был такой талисман. Чтобы не забыть детство, свою любовь к играм и удержаться на краю преисподней. Он успокаивал ее. Хотя Ники считала убийц чудовищами, она странным образом всегда испытывала к ним некое сочувствие. Возможно, оно помогало ей пережить все эти ужасы, ведь

на свете нет тяжелее ноши, чем ненависть. Всякий раз после осмотра места преступления в ее голове теснились жуткие образы. Ей не терпелось принять ванну, чтобы сбросить этот свинцовый груз. Она научилась прощать, чтобы не сойти с ума. А Бог? Просто добрый приятель. Что-то вроде летчика где-то там, наверху, которому она поверяла свои мечты, когда он изредка приземлялся в ее саду. Придуманном тайном саду, где росли лесные цветы и стояли пряничные домики. Когда на душе было грустно, стоило лишь толкнуть калитку...

Если полиции понадобилась ее помощь, значит, судя по извращенности преступления, они подозревали, что имеют дело с серийным убийцей. Но Ники не была в этом уверена. Взорванное тело — это все-таки нечто из ряда вон выходящее. Чтобы версия подтвердилась, нужны другие убийства, совершенные по тому же сценарию. Обычно мотивы, двигавшие убийцей, интересовали ее больше, чем совершенные им действия. Но на этот раз было иначе. Здесь все казалось взаимосвязанным.

С минуту Ники стояла посреди комнаты, которая больше походила на скотобойню, чем на любовное гнездышко, потом прошла и села напротив тела мужа. Разве могли эти двое вообразить, что в брачную ночь к ним заявится мясник. Прежде всего надо попытаться понять, мужчина он или женщина. Хотя первый вариант казался наиболее вероятным, второй

также не следовало исключать. Ревнивые женщины способны на самые страшные зверства.

Чтобы оставаться одной в этой комнате, нужна была хорошая закалка. Но Ники не боялась ничего, или почти ничего.

По данным полицейского отчета, ничего украдено не было. Преступление не с целью наживы? Или целью был некий пока неизвестный предмет? На какой бы почве оно ни было совершено — сексуальной или из мести, его жестокость свидетельствует о нездоровом рассудке. А для Ники это было самым страшным. Безумие может скрываться за разными масками, в том числе и за добротой. Такая маска опасней других, ибо не вызывает подозрений.

Она порылась в ящиках, надеясь отыскать фотографию или что-то, способное направить ее поиски. Под руку попался снимок Тины незадолго до свадьбы. Она улыбалась, стоя рядом со своим женихом. Оба загорелые и, вероятно, полные радости жизни. Красивая девушка с длинными темными волосами, забранными в конский хвост.

Ники нашла разные мелочи, ничего особенно интересного. Однако оставила себе одну ленточку, такую же, какой были завязаны волосы Тины на фотографии. Ники обвязала ею запястье. Она всегда оставляла себе какой-то предмет, принадлежавший жертве, убежденная, что он помогает установить с ней связь. Ники использовала все свои способности — от чистой дедукции до интуиции, иногда прибегая к методам, лежащим за гранью логики.

Она прошлась по дому и саду, принюхиваясь и присматриваясь к месту, как делают животные. Теперь она была готова...

Поджав ноги, Ники уселась напротив убитого. Его звали Дан. На его лице отразились все страдания, доставшиеся на долю его жены. Черты исказились жестокой мукой невообразимого ужаса. Нож, торчавший у него в животе, был, вероятно, тот самый, которым убийца отрезал невесте руки. На губах засохшая струйка крови. По тому, что к запаху крови примешивалась стоявшая в комнате нестерпимая вонь, было понятно, что несчастный, по всей видимости, испражнился от страха. Но эти запахи были указателями, позволявшими Ники проникнуть в мрачные глубины преступления. Она осторожно коснулась руки трупа и заглянула ему в глаза. Все было здесь, в этих маленьких серых шариках.

Ники долго сидела, погрузившись во взгляд мужчины, от которого осталась лишь пустая оболочка. Не более. Странно, но ей казалось, что его душа все еще здесь, в теле оставалось нечто неопределимое. Она это чувствовала...

Ники постаралась перестать думать, чтобы отдаться чувствам и слиться с глазами Дана. До того, чтобы перестать их различать. И не видеть ничего вокруг. Ощутить пустоту, чтобы суметь все прочесть, как в хрустальном шаре. И она стала ждать ветерка. Он появился во время ее первого дела. Едва уловимое дуновение, которое чувствовала только она. Ники

знала, откуда оно. Сверху. От всех ее друзей, умерших насильственной смертью... Может, именно потому она и выбрала себе эту профессию.

Ники всегда следовала своей интуиции. Единственную ошибку она совершила, когда ее не послушалась.

Мало-помалу истина начала проступать: убийца знал невесту. Доказать это невозможно, нужно, чтобы полицейские поверили ей на слово и следовали этой версии. Преступление имело свой скрытый смысл. И если этот зверь потрудился отрезать руки, значит, на то у него были причины. Грань между гениальностью и безумием подчас чрезвычайно тонка. Напрашивался еще один вывод: если жертва была изнасилована, — что трудно установить, учитывая состояние тела, — то руки ей отрезали раньше. Затем убийца, вероятно, пырнул мужа ножом, вставил Тине между ног гранату и сбежал.

Как и всегда, Ники не могла бы объяснить, родились эти видения у нее в мозгу или это плод телепатического общения с убитым. Или убитой.

Она коснулась ленточки на запястье. К горлу подступила тошнота. Ники привыкла к этому. Она встала и открыла окно. Что-то в саду привлекло ее взгляд. Что-то, чего она не заметила раньше, когда обходила дом. Вроде клочок бумаги. Наверное, из мусорного ящика прилетел. Ники верила в знаки. И пошла посмотреть, что это. Но в ту минуту, когда она наклонялась, чтобы подобрать бумажку, раздался душераздирающий крик, заставивший ее вздрогнуть.

4

Таксист был любимым клиентом Коко. Она прозвала его так, потому что он действительно был таксистом и потому что ей нравился этот фильм. Кто там его снимал?

— Скорсезе.

— А, ну да... Почему ты не хочешь сказать, как тебя зовут? Уже больше года ко мне ходишь, а я имени твоего не знаю.

— Не играет роли. Мы же неплохо проводим время?

— Что да, то да!

— А это главное.

Таксист был неразговорчив. Сразу переходил к главному. За это тоже он нравился Коко. Одни клиенты молчали, другие болтали слишком много. А этот говорил мало, но по существу. И притом оказывал ей знаки внимания, чего не делали другие. Он частенько приносил ей орхидею... И платил наличными.

И все же ей хотелось знать о нем больше. Есть ли у него жена, дети... На эти вопросы он неизменно

отвечал: "Я же тебя ни о чем не спрашиваю. Я не хочу ничего о тебе знать". А вот ей бы хотелось, чтобы он спросил. Она наврала бы ему с три короба. Просто чтобы его растрогать.

В конце концов Коко укротила свое любопытство. Поняла, что его это раздражает. Ее отец был такой же, мало говорил. Может, потом он так ей и нравился, этот парень с серыми глазами.

— Тебе небось много странных типов приходится обслуживать! — сказала Коко, сбрасывая короткое платье из красного атласа.

— Они не хуже тех, которых обслуживаешь ты.

— Да уж, работенки у нас похожи, — заключила Коко.

— С той разницей, что я не сплю с клиентами.

— Только не говори, что тебе ни разу не хотелось трахнуть какую-нибудь пассажирку! К тебе в тачку наверняка такие цыпочки садятся...

— Я не смешиваю работу и удовольствие.

— Я тоже.

Ей хотелось его задеть. Чтобы он сказал: "Так, значит, тебе со мной плохо? Ты притворяешься?" Но вместо этого он лишь буркнул:

— Прекрасно.

Коко была уверена, что это способ защиты, как у всех слишком чувствительных людей. Уж она-то людскую натуру знает, и почище какого-нибудь психотерапевта. Ремесло шлюхи позволя-

ет видеть других без лоска и блеска. Нагими душой и телом. Будь то министр или дворник, постельные причуды говорят красноречивее их поступков.

Но у Таксиста причуд не было. По крайней мере, не с ней. Он был простым мужиком. Смотрел, как она раздевается, обнимал, подолгу ласкал и доставлял истинное удовольствие. Настоящий джентльмен. Не то что Линч, который трахался, будто из пулемета строчил. Да еще вечно думал о чем-то своем. О своих преступниках.

Коко ни разу не видела Таксиста полностью обнаженным. Он никогда не снимал своей черной рубашки, но это не доставляло ей неудобств. Это даже казалось ей эротичным.

Сначала он не хотел, чтобы она раздевалась. Чтобы продлить тайну? Она стала раздеваться перед ним не так давно. А именно неделю назад. Это он ее попросил. С того дня он требовал, чтобы дальнейшее происходило в темноте. Эта стыдливость еще больше умиляла Коко, которая изо всех сил старалась в него не влюбиться. Но было уже поздно...

5

— Нож в животе жениха тот же самый, которым отрезали руки невесте.

— Ну, напоследок хоть что-то еще у них было общим... — заметил Барн.

Линч с раздражением покосился на своего коллегу.

— А что такого?

— Ничего. Юмор этот твой. Никак к нему не привыкну.

— Без него на этой паршивой работе свихнешься.

— Да, но у тебя он всегда не к месту. Брякнешь вечно! — фыркнул Линч и погрузился в досье.

Обиженный Барн отправился за кофе, не предложив шефу принести и ему чашечку. В конце концов, он ему не слуга. И если этому брюзге не нравятся его шутки, пускай сидит один у себя в углу. Неудивительно, что один живет! А еще Барн считал, что у шефа унылый вид в этом сером костюме. Зимой и летом одним цветом. Как пасмурный день.

Занятый своими мыслями, он не заметил Ники, которая толкнула его, когда он возвращался назад с чашкой кофе.

— Господи! Моя рубашка! Ее теперь можно только выбросить!

— Еще бы! Если одеваешься в ядовито-желтый, пятен не миновать.

— Ничего себе! — возмутился Барн. — Вы налетаете на меня, не глядя по сторонам, опрокидываете на меня кофе, и я же еще виноват!

— Надо было смотреть. И если б вы носили темные рубашки, ничего бы не было видно. А еще по статистике люди чаще опрокидывают кофе на белое, чем на черное. Но если охота быть похожим на канарейку...

Барн потерял дар речи. Просто неслыханной наглости девица. Не говоря уж о том, что эта дрянь даже извиниться не удосужилась!

Вернувшись в офис с новой чашкой кофе, Барн спрятался в своем уголке, решив не обращать внимания на то, что происходило напротив. Склонившись над материалами дела, Ники рассказывала Линчу о том, что почувствовала на месте преступления. Барн попытался огородиться воображаемой оболочкой, чтобы спокойно попить кофейку.

— Когда господин закончит трапезу, может, он присоединится к нам за десертом? — спросила Ники.

Барн встал и глубоко вздохнул.

— Ого, приятель! Что случилось? Надо бы тебе слюнявчик купить...

— Нет. Черную рубашку.

— Ладно... Ники считает, что убийца знал своих жертв, — сказал Линч.

— А на чем основано это утверждение?

— На интуиции.

— Ах вон оно что... железный аргумент! — поддел Барн. — А маятник что вам поведал?

— Так, положим, я ошиблась всего раз, и то когда не прислушалась к своей интуиции. И если вы такие крутые, вперед! Расхлебывайте это дело сами!

— Какие мы обидчивые!

— Все? Супружеская сценка закончилась? — прикрикнул Линч. — У нас два трупа, и, вероятно, скоро будет еще, если мы имеем дело с серийным убийцей.

— Не факт, — сказала Ники. — Этот тип должен иметь очень веские причины и безумно ненавидеть, чтобы устроить такую резню. Или же он просто буйнопомешанный. А что там с отпечатками на ноже?

— Ничего. Убийца наверняка был в перчатках. Единственная зацепка — на лезвии есть и кровь женщины. Соседей опросили, никто ничего не видел. Убитых все знали и хорошо к ним относились. Самые обыкновенные люди.

— Вот у таких чаще всего и бывают какие-нибудь тайны, — заметил Барн.

— Хоть в этом мы с вами сходимся, — улыбнулась Ники.

— Да это начало большой любви! — усмехнулся Линч.

— Не стоит преувеличивать, — отозвался Барн. — А мать допросили?

— Невозможно. Она все еще в шоке. Врачи ничего не обещают. Говорят, это может длиться годами.

— Я все-таки ее навещу.

— Если охота время терять...

— Интуиция бывает не только у женщин. Госпожа профайлер еще расскажет нам что-нибудь интересное? — ехидничал Барн.

— Если он изнасиловал невесту, то сделал это после того, как отрезал ей руки. Другими словами, он забавлялся с искалеченной женщиной.

— От чего вы отталкиваетесь?

— От стола. Вы начинаете меня раздражать.

— Первое правило, которому меня научили в полиции, — делать выводы, основываясь на чем-то конкретном, и избегать теорий на пустом месте.

— Прекрасно. Тогда нечего было меня приглашать, — рассердилась Ники и направилась к двери.

— Останьтесь! — крикнул Линч. — Я сыт по горло вашими детскими ссорами. Ты прав, Барн, но полиция всегда работала, совмещая логику с интуицией. Просто мы не кричим об этом на каждом углу. И в школе тем более не рассказываем. Не буду перечислять, сколько дел мы не сумели раскрыть с помощью логики, а прибегали к помощи гадалок.

— Ну, тут-то все ясно. У этих есть карты таро и стеклянный шарик. Тогда как здесь...

— У Ники есть дар. Она превосходный профайлер. Нужно ей доверять. В любом случае на данной стадии у нас нет выбора. И отчет медэксперта ничего здесь не прояснит. Сведения о том, что "воспалительные реакции, спровоцированные в наружной оболочке кровеносных сосудов, стали причиной их разрыва после латентного периода некоторой продолжительности" или что, согласно осмотру одежды, "мужчина получил только один удар ножом", следствию не помогут.

— Но все-таки это значит, что убийцу скорее интересовал не он, а его жена, что указывает на ненависть к женщинам, — сделал вывод Барн.

— Нужно понять, зачем ему понадобился зритель, — сказал Линч.

— Зрителем был он сам, — ответила Ники. — Убийца проецирует свои чувства как на жертву, так и на свидетелей преступления. Попросту говоря, он идентифицировал себя с мужем. Наверное, он пережил какую-то травму, связанную со свадьбой. А мужа потом убил, чтобы тот молчал. Только поэтому.

— По-вашему, он извращенец? — просил Линч.

— Тут все гораздо сложнее. Существуют какие-то более глубокие причины, учитывая крайнюю жестокость его поступка.

Ники поморщилась. У нее чертовски болела спина. В саду у молодоженов ей на спину прыгнул кот и вцепился когтями. Тоже, наверное, тронулся...

Она покинула полицейский участок, так и не рассказав про клочок бумаги, аккуратно сложенный в кармане. Венера Милосская в изображении Дали, с ящиками в теле. И без рук. Как убитая новобрачная.

6

Лорена, мать невесты, была единственным свидетелем. Если бы она столкнулась с убийцей в тот вечер, когда было совершено преступление, он наверняка убил бы и ее. Но возможно, она видела его накануне. Какой-нибудь приятель из тех, что способен подложить в брачную постель дохлую мышь, чтобы напугать голубков. Парень, которого никто не боялся... И кто знает, может, мать сумеет что-нибудь рассказать о дочери, какие-нибудь незначительные мелочи, которые иногда могут навести на след.

Барн прошел через зал психиатрической клиники. Если что-то на свете и внушало ему страх, то это безумие. Для него это было адом. Заблудившиеся души. Живые призраки.

Какая-то старуха схватила его за рукав и громко захохотала. Она никак не хотела его отпускать.

— Оставьте его в покое, — приказала сестра, беря ее за руку.

— Это Анри!

— Нет, это не он.

— Нет, это мой сын. Я же его узнала!

— Моя фамилия Барн...

— А-а-а... — разочарованно протянула она. — А когда же придет мой мальчик?

— Завтра, — сказала сестра. — Он придет завтра.

И она увела ее в общую комнату, где одни пациенты суетились возле телевизора, а другие спали, привалившись к большому обеденному столу.

Комната Лорены находилась в конце коридора, словно несчастную женщину хотели поместить подальше от остальных. Подальше от шума и криков. Она сидела у окна с видом на каменную ограду. В углу стояла кровать, маленький стол и стул. Больше ничего. Свои дни она проводила глядя на кирпичи.

— Добрый вечер, — поздоровался Барн.

Женщина не ответила. Даже не повернула головы.

— Я... друг вашей дочери Тины...

— Кот! Кот! — заволновалась Лорена.

Ее вид тронул Барна. Он ее не боялся. Она казалась маленькой девочкой в теле старухи. К тому же на ней были голубые носки и какие-то детские туфли с застежкой.

— С котом все в порядке. Я принес вам фотографию.

Он захватил снимок кота своих соседей, который сунул в портфель.

Лорена внимательно посмотрела на фото и вернула обратно, глядя Барну прямо в глаза. Ему стало не по себе. Заметила ли она, что он ее обманул?

— Вы... вы его узнаете? — пробормотал он.

Она отвернулась и села лицом к стене.

— Послушайте, я знаю, что это не кот Тины... Это кот моих соседей. Я хотел вас расшевелить. Хотел вам помочь. Найти убийцу вашей дочери и зятя. Я полицейский. Прошу вас, помогите мне...

Женщина медленно повернулась. Ее взгляд изменился. Он будто бы стал чужим. Словно ее телом завладело какое-то другое существо. И она произнесла, четко выговаривая каждый звук: КОТ. А потом снова отвернулась к стене.

Барн вышел в растерянности. Лорена тронулась умом, никаких сомнений. И в то же время у него было странное чувство, что она хотела ему что-то сказать. Но что?

Навстречу попалась медсестра, освободившая его от цепких рук пожилой дамы, и Барн кивнул ей.

— Если вы еще вернетесь, пожалуйста, скажите миссис Бансон, что вы ее сын. Она будет так рада. Это надолго ее успокоит.

— Он никогда ее не навещает? — спросил Барн.

— Ее сын давно умер. Он работал факиром, изрыгателем огня, и однажды, по ее словам, сильно обжегся. Она так и не оправилась. Наверное, он был вашего возраста, или вы чем-то на него похожи.

— Но ведь она может ко мне привязаться?

— Не волнуйтесь. Через час она уже все забудет.

— Не слишком красивые методы — врать людям... — проговорил Барн, хотя не ему было учить медсестру.

— Это единственный способ дать им еще хоть немного счастья. Представьте, что вас заперли в комнате без окон, а снаружи война. Все погибли. Если рассказать вам об этом, вы предпочтете умереть. Но если вам будут лгать и уверять, что за стеной светит солнце, вам захочется жить. Здешние пациенты заперты в собственных телах, как в глухой темнице. Для них нужны другие правила, нежели для вас. Нравственные принципы могут наделать столько же бед, сколько религия. Здесь только один метод. Сострадание.

И она оставила его среди сумасшедших, которые подходили просто затем, чтобы коснуться его, вдохнуть запах внешнего мира. И жизни.

Он не мешал им.

Когда он покинул больницу, по его лицу текли слезы.

7

Моргана обошла множество магазинов в поисках подвенечного платья. Безрезультатно! Ни одно не походило на то, о котором она мечтала. Но ведь нужно же что-то выбрать. Бабушка давала ей наставления: "В день свадьбы самым главным будет твое платье. Надо, чтобы оно воплощало в себе то, чего ты ждешь от своих отношений с мужем. Если хочешь спокойной жизни, покупай простое платье. Хочешь романтики, выбирай что-нибудь экстравагантное. Или сексуальное, если предпочитаешь эротику. Пусть оно будет цветное! Это приносит счастье".

В конце концов Моргана отыскала платье, расшитое жемчугом, в старом комиссионном магазине. Как ей сказали, оно принадлежало какой-то баронессе. Была ли она счастлива? Моргане хотелось бы это знать. А что, если она повесилась? Ну и пусть, платье ей понравилось, и она его купила.

Первое, что сделала бабушка, — покачала над платьем своим маятником.

— Нужно было купить новое. Старые вещи всегда чем-то отягощены! Смотри, маятник поворачивается в неблагоприятную сторону. Это платье принесет тебе несчастье...

— Бабуль, ты перегибаешь палку! Когда оно постирается, плохое поле смоется. Платье красивое и не похоже на другие. Как раз то, что мне нравится. Уверена, Джон будет в восторге.

— Только не показывай его до свадьбы...

— Знаю! Не беспокойся.

Моргана поцеловала бабушку и ушла. Она, как всегда, опаздывала. Джон ждал ее в бистро около школы, где преподавал историю искусства. Они познакомились два года назад. Довольно нелепо, в поезде ужасов, на ярмарке. Они сидели рядом, и она резко схватила его за руку, когда из темноты неожиданно возник скелет. Бутафорская смерть пугала ее сильней настоящей. Вероятно, потому, что она о ней никогда не думала. Моргана твердо верила, что если любишь жизнь, то с тобой вряд ли случится что-нибудь плохое. Счастье притягивает удачу.

Джон смотрел на жизнь более трезво, и невестина "болтовня", как он это называл, забавляла его. В этом было ее очарование. А вот старухи он опасался... Она смахивала на ведьму, и он старался с ней не встречаться. Хоть он и не очень верил в разные чары, но считал это нездоровым. Ему представлялось, как она пронзает иголками воско-

вые куклы с прядями волос тех людей, которые ей не нравятся.

— Опаздываешь!

— Уже упреки, — улыбнулась Моргана. — Хорошее начало!

— Ну, зная тебя, я бы скорее заволновался, если бы ты пришла вовремя. И потом, у меня было время поглазеть на девчонок.

— Не шути так. Не люблю.

— Ты же знаешь, я люблю только тебя.

— Ну да, ну да... Через несколько лет недостатки, которые, как ты выражаешься, составляют мое очарование, станут невыносимы, и ты будешь швырять-ся в меня тарелками!

— Нет! Не тарелками — кастрюлями! Так больнее!

— Садист!

— Ты ведь за это меня и любишь, правда?

Она нежно поцеловала его. Всякий раз, когда она целовала его в губы, ее охватывало какое-то огромное, непонятное, неодолимое влечение, от которого захватывало дух... Он был не первым мужчиной, которого она любила. Были и другие. Но к нему ее буквально притягивало. Словно магнитом. Такое объяснить невозможно. Он был для нее как наркотик, она уже не могла без него обходиться. Когда они занимались любовью, происходило то же самое. После она хотела его еще сильнее. Конечно, он был красив, но было в этом влечении и нечто необъяснимое.

Иногда Моргана боялась, как бы брак не убил это. И уже не раз переносила дату свадьбы, ссыла-

ясь на то, что у банка, в котором она работала, сейчас трудные времена. Но в конце концов любимому могло это надоесть, и ей пришлось согласиться. По правде сказать, опасность крылась не в самом браке, а в ежедневной рутине. И она будет стараться превратить каждый день в праздник!

Они отправились к двоюродному брату Джона, фотографу, не так давно вернувшемуся в город. Тот довольно долго где-то пропадал вместе с женой, кажется, в какой-то пустыне. Но точно неизвестно. Это был брак по любви с первого взгляда. Джона на свадьбу не пригласили. Прочих родных и друзей тоже. Так захотела Бетти, жена Тома. Семья мужа сразу приняла ее в штыки. Джон как-то видел ее в ресторане с Томом. Красивая женщина, слегка диковатая. Совсем неразговорчивая. Потом у них родилась дочь. На крестины тоже никого не позвали.

Но Джон любил Тома. Им было что вспомнить. Юность. Время, когда они ни в чем не знали удержу. Том уже тогда увлекался фотографией и, чтобы купить свою первую камеру, подрабатывал барменом. Они развлекались тем, что из-за кустов фотографировали парочки, которые уединялись в парковом гроте. Как-то ночью, поджидая "клиентов", они увидели отца Тома с какой-то девицей. С тех пор фотограф забросил подобные съемки и переключился на свадьбы, крестины и похороны... Он был мастером своего дела и имел наметанный глаз.

— У него точно хорошие снимки? — волновалась Моргана.

— Отличные. Правда, головы всегда обрезает. У него все безголовые. Зато ноги выходят прекрасно. Очень хорошо видны! Так что не забудь надеть красивые туфли...

Моргана засмеялась. Именно это ей и нравилось в Джоне. Его манера ответить шуткой на ее наивные и порой дурацкие вопросы.

Они вошли в стеклянную дверь маленького ателье, где работал Том. В дальней комнате у него имелась лаборатория, и он немного приторговывал аппаратурой, но его основной заработок составляли фотоальбомы семейных праздников. Несмотря на появление цифровых фотокамер, он держался на плаву, поскольку приобрел хорошую репутацию качественной и профессионально выполненной работой. А еще его альбомы были прекрасно оформлены.

Джон заметил, что волос у Тома поубавилось. Наверняка из-за всяких проявителей и прочей химии в лаборатории.

— Свершилось, — провозгласил он, — ей удалось меня заарканить.

— Вот еще! Сам меня замуж позвал! — возразила Моргана.

— Женщины очень ловко умеют нас побеждать, это всем известно... Ну как, Том, сможешь нас пофотографировать двадцать седьмого?

— Сейчас посмотрю в книжке.

Пока Том ходил в другую комнату, Моргана рассматривала снимки. Здесь были крестины, дни рождения, старики-пенсионеры с короной на голове — тихий ужас!

— А свадебных нет? — спросила она, когда Том вернулся с еженедельником.

— Есть, я недавно работал на первой свадьбе. До этого были одни похороны. Двадцать седьмого смогу, записываю. Вот, — сказал он, открывая альбом, лежавший на стойке. — Заказчики еще не приходили. От любви часто обо всем забываешь!

Оформление страниц отличалось оригинальностью, некоторые снимки окружала рамочка в форме медальона или разноцветных линий, подчеркивавших основные тона. Без очков Моргана не могла разглядеть все подробно. Она поднесла альбом к глазам и вскрикнула:

— Да ведь это молодожены, которых недавно убили!

— Что? — изумился Том.

— Вы газет не читали? О них даже по телевизору рассказывали.

— Нет, — признался фотограф, который большую часть времени проводил в своей раковине, вне окружающего мира, который казался ему безобразным.

— Это было зверское убийство. Ее нашли с отрезанными руками. И тело разорвано на куски. Вся комната уделана... А его с ножом в животе. Я была в шоке, потому что она похожа на медсестру из больницы, где я лежала, когда упала с лестницы. Она

была какая-то странная, все время смотрела в окно, как будто чего-то боялась.

— Наверное, это она, — сказал Том. — Она работала медсестрой...

— Тебе нужно рассказать об этом в полиции, — заметил Джон. — Им наверняка будет интересно. Малейшая подробность может помочь расследованию.

— Мой вам совет, — отозвался Том, — не лезьте вы в это дело. Полиция всегда начинает подозревать свидетелей. Лучше не вмешиваться.

Он закрыл альбом и сказал, что ждет заказчика, который должен прийти за фотографиями.

Джон и Моргана вышли из ателье и услышали, как в замке повернулся ключ.

8

— Очнись, Барн!

Он рассеянно поглядел на жену и заставил себя улыбнуться.

— Да на работе всякие заморочки, не волнуйся.

— Когда ты научишься оставлять свои рабочие неурядицы за дверью и немного побудешь здесь, с нами? Ты последнее время вечно где-то витаешь!

Нора не знала, в чем именно состоит работа мужа. Она думала, что в комиссариате он целыми днями раскладывает по папкам документы. Барн никогда не рассказывал ей о тех кровавых ужасах, с которыми ему приходится сталкиваться, — пусть семья остается его убежищем. Жена и две дочери были его земным раем. Грязь внешнего мира ни в коем случае не должна их касаться.

Обычно Барну вполне удавалось не думать о рабочих делах дома. Но на этот раз страшное воспоминание о невесте, разорванной на тысячу кусков,

не давало ему покоя. А еще этот жуткий взгляд Лорены, в котором отпечаталась дочь, превратившаяся в кровавую кашу на стенах. Казалось, эта картина застыла в ее глазах и она не видит ничего другого. Ничего, кроме кота.

Интересно, что с ним стало? Теперь, когда Лорена в психушке, кто о нем позаботится? Вряд ли кто-нибудь из соседей. Люди в этом квартале не славились добротой. Скорее жили по принципу "каждый у себя и за себя".

— К столу!

Нора приготовила спагетти с соусом песто. Свое коронное блюдо. С кедровыми орешками и чесноком. И еще чем-то таким, о чем она никому не рассказывала. Барн считал, что, помимо кулинарных, других тайн у жены нет. Нора всегда была безупречна, все у нее получалось, и она не забивала себе голову пустяками. Хорошая кухарка, нежная супруга и заботливая мать. Идеальная жена для полицейского вроде него, которому дома нужен только покой. Его дочери, еще не вступившие в подростковый возраст, были ласковыми и прекрасно ладили между собой. В школе успехами не блистали, но учились вполне прилично.

Нора никогда не расспрашивала Барна о работе. Разве что: "Ну как, сегодня все в порядке?" — и не более. Он неизменно отвечал: "Да". Даже когда случалось угодить в перестрелку. Так продолжалось двенадцать лет. Двенадцать лет подряд, каждый вечер, прежде

чем рухнуть на диван, он слышал от жены одни и те же слова. И давал все тот же ответ, который она наверняка уже не слушала. Барн был уверен, что, даже скажи он "нет", она бы не стала его расспрашивать.

Этот маленький ритуал его успокаивал. Он бы не выдержал, если бы его супружеская жизнь состояла из крутых виражей. И был убежден, что Нора — счастливая супруга. Она имела все, что необходимо, и он всегда отдавал ей свои премии, чтобы она могла купить то, что нравится. Не так давно он даже нанял уборщицу, приходившую раз в неделю.

— Девочки, вам бы хотелось завести кота?

— Да! — хором воскликнули обе.

— Ни в коем случае, — отозвалась Нора. — От кошек всюду шерсть, и кресла будет драть.

— Ну мама... — взмолились девочки.

— Я сказала нет.

Но Барн знал, как ее переубедить. Надо поставить ее перед фактом, и она растает, когда увидит пушистый комочек.

— Папа тоже имеет право голоса!

— Надо было ему сначала со мной поговорить.

— Да как-то случайно в голову пришло, — сказал Барн. — Есть тут один брошеный кот. Если никто его не подберет, он умрет с голоду.

— А мыши? Ты не думал о мышах, у которых нет ни кусочка сыра? Барн, невозможно заботиться обо всех брошенных животных на свете!

— Это точно, но я всегда считал, что если на пути встречаешь беду, надо остановиться и помочь.

— Ладно, мать Тереза, давай ешь! Макароны остынут.

Барн ел через силу. Он был не голоден. Ему не просто было жаль кота, он хотел отыскать его и по другой причине, довольно неясной. Чтобы понять бессвязные речи Лорены. Вся полиция потешалась бы над ним, стань это известно. Слушать бред сумасшедшей, у которой лишь одно слово на языке. Он не мог объяснить почему, но был уверен, что этот кот выведет его на след. И потом, разве сейчас есть другие зацепки? Почему бы не попробовать эту, какой бы нелепой она ни казалась...

От мысли, что кот, возможно, все видел, ему делалось не по себе. А его ведь еще изловить нужно!

— Барн... Даже не думай, — сказала Нора, точно прочитав мысли мужа. — У меня аллергия на кошек.

Что это она? Раньше никогда об этом не говорила, наоборот, всегда рассказывала, что выросла в деревне среди животных.

Барну это не понравилось.

9

Том расположился в лаборатории, чтобы рассмотреть фотографии новобрачных. С людьми, которых он фотографировал, его нечто связывало. Словно их тени оставались с ним. Ему часто случалось подолгу разглядывать снимки, пытаясь отыскать какие-то черточки, раскрывающие скрытые стороны каждого. Особенно на групповых фотографиях. Обязательно найдется кто-нибудь, кто выделяется, стремится отмежеваться от общей массы.

И на этих снимках, на заднем плане, был человек, который не улыбался. Один среди всех. Шляпа на его голове частично скрывала лицо. Все приглашенные сияли улыбками, в которых светилась радость от праздника и предвкушение того, что вскоре можно будет наброситься на закуски.

Том увеличил одну из фотографий жениха и невесты. Эти двое любили друг друга, сразу видно. И все же во взгляде невесты сквозила какая-то грусть.

Даже можно сказать — боязнь. Будущей жизни, быть может? Насколько он знал, эта пара уже год жила вместе. Но что говорить, кольцо на пальце всегда остается символом несвободы.

Том невольно подумал о собственной женитьбе. Это тоже был брак по любви, но без приглашенных. Только они вдвоем. Ему бы хотелось устроить праздник и пригласить тех, кого он любит. Хотя бы маму, которая осталась одна с тех пор, как умер отец. Но Бетти упросила его не делать этого. Она ни за что не хотела очутиться среди толпы. Впрочем, подруг у нее не было, а с собственной родней они давно стали чужими людьми. А поскольку Том хотел видеть жену счастливой, он уступил. И не пожалел об этом. Они провели волшебную брачную ночь.

За внешностью дикарки Бетти скрывала романтичную душу. Она знала, как околдовать мужа. Жизнь понемногу развеяла эту магию, но время от времени, когда Бетти позволяла себе выпить, она вновь превращалась в восхитительную любовницу с бархатными коготками. И всякий раз Том влюблялся в нее словно в первый раз.

Они полюбили друг друга с первого взгляда. Страстно и горячо. Поженились очень быстро, и она попросила его переехать подальше от родни. Они встретились как в кино. Каждый год в первый день зимы деревья в городе украшались разноцвет-

ными платками, на которых люди писали разные желания. По преданию, если платочек улетит, желание исполнится. Деньги, вырученные от продажи платков, тратились на птиц. Мэр придумал этот обычай, чтобы воробьи не умерли с голоду. Корм был развешан в тоненьких сеточках по всему городу. Поэтому на улицах всегда слышался веселый птичий щебет.

Бетти шла по тротуару, не видя, куда идет, и столкнулась с Томом, который смотрел в другую сторону. Он помог ей поднять сумки. В тот же миг, когда взгляды их встретились, он понял, что это женщина его жизни. Он пригласил ее в кафе, но она отказалась. Тогда он предложил встретиться завтра на этом же месте в то же время. Она ничего не ответила. Однако он был уверен, что она придет.

Она не пришла.

Позднее она призналась, что была там, но спряталась за углом, чтобы понаблюдать за ним.

— Ты был такой грустный, — сказала она ему.

На следующий день она пришла.

— А если бы я не пришел?

— Значит, нам не судьба была снова встретиться.

У Бетти порой рождались довольно странные мысли, и она часто играла со случаем. Она была очень замкнутой с другими и более открытой с Томом. Но стоило ему заговорить о ее прошлом, как она замыкалась в себе. Он чувствовал, что это причиняет ей боль. Коробку с дурными воспоминаниями лучше не открывать. Но, в конце концов,

его не очень волновало, что было в ее жизни до него. Женщина, которую он любил, родилась в тот день, когда он встретился с ней взглядом.

Том рассеянно пролистал остальные фотографии и захлопнул альбом. В горле стоял ком. При мысли о счастье, растоптанном до того, как оно расцвело в полную силу. Все равно что гибель ребенка. Он едва не выбросил альбом, не хотелось хранить у себя это страшное напоминание о смерти. Но потом спрятал на шкаф, на случай если за ним придет кто-нибудь из родных.

Погода стояла холодная, и он поднял воротник пальто. На улице еще было много прохожих. Том сел в машину и поехал домой. Их квартира была недалеко от парка с красными фонтанами, из которых лился маковый лимонад — подарок мэра детям Пандоры. В этой квартире они поселились с маленькой Алисой, которая родилась через несколько месяцев после их свадьбы и которой недавно исполнилось шесть. Тому не терпелось увидеть жену и дочь. Алиса была копией матери. Белокурые кудряшки, карие глаза и обворожительная улыбка.

Бетти с дочкой иногда уезжали провести несколько дней за городом, в доме, который достался Тому от бабушки. Дом напоминал ему о детстве. И ни о чем не напоминал его жене. Потому она так и любила туда ездить.

Пока Том ехал, перед его мысленным взором вспыхивали картинки из свадебного альбома, хлеставшие словно пощечины. Было смутное ощущение чего-то ненормального. Тревожное чувство, не поддающееся определению.

10

Вавилон смотрел на спящую хозяйку со шкафа, где сидел в компании с другими плюшевыми зверюшками. У красного слона были большие стеклянные глаза и задранный к потолку хобот.

Ники спала неспокойно. В сон вторгались страшные видения. Словно осколки зеркала, они ранили и терзали голову. Подобные кошмары преследовали ее часто — реальность вперемешку с картинами страны мертвых. Каждый раз, работая над делом об убийстве и проникая в то, что она называла "глаз циклона", Ники видела детали преступления. Но как понять, настоящие ли они?

Странно, но после пробуждения Ники всегда помнила эти видения. Она их записывала. Искала между ними связь. Иногда рисовала. Некоторые имели символический смысл. И ей приходилось тратить немало времени на его поиски.

Ники присела на край кровати и закрыла глаза. Чтобы запомнить как можно больше ночных видений, нельзя ни на что отвлекаться. Вновь погрузиться в этот кошмар. Отключиться от внешних звуков. К счастью, она жила в довольно уединенном месте. Машины проезжали по улице лишь изредка. Видения всплывали на поверхность памяти подобно фотографиям, брошенным в ванночку. Сначала мутные, потом четче и четче. В беспорядке.

Что-то красное. Наверное, кровь, забрызгавшая комнату новобрачных. Рука, которая сама ползет по стене, словно паук. Потом срывается и падает. Гниющие пальцы, а на ладони — рот с красными губами открывается, чтобы издать крик о помощи, которого никто не слышит.

Фата, изрезанная ножом. Крупные капли крови блестят на белом атласе. Сидя на кровати, невеста спокойно оглядывает место убийства. Равнодушная ко всему. Уже мертвая.

Плюшевые котята с отрезанными лапами кричат, словно младенцы. Некоторые пытаются ползти, похожие на огромных личинок.

Ники все записала, потому что, какой бы нелепой или попросту фантастической ни казалась иная ме-

лочь, она знала, что в ней есть смысл, который откроется позже.

Обычно Ники удавалось "влезть в шкуру" убийцы или жертвы. Но в данном случае она старалась смотреть глазами свидетеля. И те видения, которые только что ей являлись, происходили из мозга Дана. Из тех волн, которые он еще излучал, когда она сидела рядом с ним. Это было что-то вроде священного ритуала, когда она просила его помочь. Когда с момента смерти прошло уже много времени и тело было пусто.

Ники снова закрыла глаза и сосредоточилась, чтобы попытаться увидеть что-то другое. Она надеялась разглядеть что-нибудь, принадлежащее убийце. Какую-нибудь вещицу. Внезапно она увидела нож. Тот, которым отрезали руки невесте и убили жениха. Она почувствовала, что рядом кто-то есть. Открыла глаза. Нож навис прямо над ее головой...

11

Нелегко изловить кота, который стал панически бояться людей. Барн поставил на пороге блюдце с печенкой. У его тетки был кот, который обожал печенку. Барн уселся в сторонке и стал ждать. Прошло немало времени, когда наконец показалась кошачья мордочка. Было видно, как кот чутко прислушивается к малейшему шуму, готовый прыгнуть и убежать. Барн не шевелился. Дождался, пока кот начнет есть. Жадно проглотив половину еды, в которую была подмешана хорошая доза снотворного, кот рухнул на пол.

Барн забеспокоился, не переборщил ли он с лекарством. Взял кота на руки, почувствовал, как бьется сердце, и успокоился. Потом положил его в коробку на заднем сиденье машины и поехал домой.

Он и не думал заходить в дом, где произошло убийство. И вообще было страшновато идти туда

одному. Но в призраков он не верил. Так, по крайней мере, он всем говорил.

Девочки запрыгали от радости при виде кота, который все еще спал в своей коробке. Правда, старшая осталась немного разочарованной, приглядевшись к нему поближе.

— Да он уже совсем не молодой!

— А по-моему, он красивый, — заявила младшая, намереваясь взять кота на руки.

— Не надо! Не трогай, пусть он поспит. Не стоит его тревожить. С ним нужно обращаться ласково. Ему пришлось нелегко.

— Правда? А что с ним было? Он потерял маму, как Бэмби?

— Нет. Его бросили, — объяснил Барн, не собираясь вдаваться в подробности.

Но разве от почемучек так просто отделаешься!

— А почему его бросили?

— Девочки, я устал.

— Мама говорит, что ты вечно устаешь. И что ты диван любишь больше, чем ее.

— Глупости она говорит! — проворчал Барн. — Кстати, где мама?

— Сказала, что пошла в магазин, — ответила младшая.

— Тс-с-с! Слышите! На кухне кто-то есть...

— Это домработница, пап.

— Но ведь сегодня суббота, а она приходит по понедельникам, — заметил Барн.

— Это миссис Плим. Новенькая.

— Я и не знал, что прежняя ушла!

— Она не может прийти, с ней несчастье. Машина сбила, когда она улицу переходила.

— Надо же! Когда это было?

— На прошлой неделе, — пояснила старшая. — Тебе мама не говорила?

До Барна впервые дошло, что если жена и спрашивала его, как дела, то он никогда не задавал ей вопросов.

Миссис Плим выглядела женщиной энергичной. С Барном она едва поздоровалась, продолжая наводить чистоту, чтобы не терять времени, пока на кухне что-то готовилось. Она показалась Барну расторопной, некрасивой и неприветливой. Впрочем, ее ведь нанимали не для реверансов!

Барн не сказал ей про кота, который по-прежнему спал, и поставил коробку к себе в комнату.

Вскоре вернулась Нора с полными сумками. Барн сразу подступил к ней с вопросом:

— Как прошел день, дорогая?

Она посмотрела на него, слегка удивившись, что это он вдруг заинтересовался ее делами.

— Прекрасно. А у тебя?

— Да как обычно... Но есть маленький сюрприз.

— Серьезно? Хороший хотя бы? — с сомнением спросила она.

— Смотря как ты к этому отнесешься.

— Только не говори, что ты притащил кота.

Барн не успел ответить. Из комнаты раздалось жалобное мяуканье, что повергло Нору в неописуемую ярость.

— Так ты его все-таки притащил, несмотря на то, что я была против! Свинство какое!

— Да ладно! Девчонки так рады.

— Мне не нужно здесь это зверье. Или ты отнесешь его туда, где взял, или я ухожу.

Барн никогда еще не видел жену в таком гневе.

— Да ты что! Ты же мне говорила, что росла среди животных.

— Да, но я не говорила, что люблю их.

Барн не верил своим ушам. Какая-то новая черта открылась ему в жене, а ведь он думал, что знает ее как облупленную. Но что-то было от него скрыто...

Кот выскочил в гостиную, бросился на Нору, и та завопила. Барн попытался его оторвать, но кот уже вонзил когти в свитер и вцепился в него что есть силы. Пришлось разок ему врезать, и нокаутированный кот шмякнулся на пол.

Нора продолжала истошно кричать. Прибежали испуганные девчонки и бросились к матери, не обращая внимания на кота.

— Успокойся ты! — прикрикнул Барн. — Он же испугался, что непонятного. И наверно, почувствовал, что ты не любишь животных.

— Что? — закричала жена. — Это чудовище меня чуть не изуродовало, а ты его защищаешь? Да он мне свитер испортил!

— Я тебе новый куплю.

Кот забился в угол и сидел тихо-тихо. Одна из девочек попробовала к нему подойти. Кот зашипел, вздыбив шерсть.

— Иди сюда, — властно позвала Нора. — Ты видишь, что он совершенно дикий? Надо его усыпить.

— Дай ему освоиться денек-другой, — предложил Барн. — А если бы с тобой так? Ему столько пришлось пережить, бедняге...

— И что же он пережил? — Нора смотрела сурово.

— Ну, его бросили.

— И только? Откуда он? А? Из какой-нибудь лаборатории, да? А если у него вирус?

— Он не из лаборатории.

Куда подевалась милая, предупредительная жена, которую он любил за ее доброе сердце? Хотя так ли он в этом уверен? Нора всегда исполняла обязанности супруги и матери, как образцовый солдат. Да, а хоть что-нибудь еще она делала в жизни? Барн счел, что вел себя грубо. Она и так делала больше чем достаточно! И он решил, что в конце концов она успокоится.

Миссис Плим вышла из кухни с метелкой в руках. Кот почему-то не зашипел на нее и даже потерся о ее ноги.

— Он как будто вас знает! — заметил Барн.

— Наверно, от меня курицей пахнет. Как и от вас, — сухо ответила она.

Барн был заинтригован. Его дети любили животных, как и он сам. Однако кот на них зашипел. А вот на новую домработницу, которая ему не очень понравилась, — нет. Хотя она и не пыталась его погладить. Он вышел из гостиной и стал ждать, спрятавшись за углом прихожей. Может, оставшись с котом один на один, женщина его приласкает?

И тут послышался тихий голос:

— Брысь, Миднайт! Я на работе.

Откуда ей известно имя кота?

12

Линч стоял перед Ники, помахивая ножом в пластиковом пакете.

— А к вам тут заходи кто хочешь!

— Могли бы и позвонить...

— Я звонил. Кажется, звонок сломан. Битый час давлю на кнопку. Даже палец опух.

— Вы преувеличиваете!

— Ага. Люблю это дело. Я вам принес нож, который послужил орудием убийства Дана Остера, а его жене позволил носить свитера без рукавов...

— Обожаете шуточки, да? — отозвалась Ники, не любившая шутить со смертью.

— Так мне легче переносить эти ужасы.

— Есть и другие способы.

— Я пробовал верить в Бога. Не получилось. Если учесть, что он создал людей и большинство из них — чудовища, то мне этот парень не по душе.

— Вы же не можете винить мать, любящую своих детей, за то, что один из них стал убийцей! Такое иногда случается.

— Да, бывает... — согласился Линч. — И все равно не могу с этим смириться. Чем дольше я на этой чертовой работе, тем больше меня тянет к животным. Даже самые свирепые звери не так жестоки, как человек, чья фантазия при совершении преступлений не имеет границ. Кстати о фантазии, нож обследовали. На нем отпечатки пальцев Лорены, матери невесты...

— Убийца принял меры предосторожности, надел перчатки и...

— ...спокойно сходил за ножом в кухню Лорены, которая ничего не видела и не слышала! — закончил фразу инспектор.

Ники озадаченно посмотрела на Линча. Это усложняло дело. Либо Лорена была замешана, либо убийца действовал так, чтобы подозрение пало на нее, а следствие пошло по ложному пути. В любом случае Лорена внезапно стала подозреваемой. Даже если с трудом можно представить, чтобы мать совершила подобное зверство, все было возможно. Линч прав. В людских головах кроется ад, самый настоящий.

— Оставьте у себя, может, его запах вам что-то поведает, — сказал Линч и положил нож на тумбочку у кровати.

— Нет! — вскрикнула Ники, хватая пакет с орудием преступления. — Только не сюда!

Ее комната была ее священным убежищем. Сюда попадали только вещи, обладавшие свойством дарить покой. Не могло быть и речи о том, чтобы этот оазис был осквернен оружием, с которого не смыта кровь. По лицу полицейского было видно, что он не понял ее порыв. Не важно. Ники отнесла нож к себе в кабинет. Линч последовал за ней.

— Это что? — спросил он, указав на стену, куда она прикрепила картинку с Венерой Милосской, найденную в саду.

— Я коллекционирую предметы искусства.

— Нарисуйте ей подвенечное платье — и вот вам портрет жертвы.

— Послушайте...

Ники чуть было не сказала правду, но осеклась. Что он подумает, если она признается, что для нее эта мелочь была ключевым элементом? Тогда как на самом деле она, быть может, совéршенно не имела к этому отношения и Ники действовала чисто интуитивно.

— Я тоже люблю пошутить, — пояснила она. — Только у меня юмор более художественный, чем ваш.

— Я называю это снобизмом.

Ники не стала спорить, а лишь улыбнулась.

Линч исчез так же, как и появился — Ники даже не заметила. Она не отрываясь смотрела на нож. Хотела подойти ближе, но почувствовала что-то настолько страшное, что отшатнулась.

Она принесла палочки с благовониями и белую свечу, зажгла их и поставила у себя на столе. Пламя сделалось черным. Ники подумала о серийном убийце, Дональде Харви, больничном санитаре, который выбирал своих жертв в зависимости от того, задрожит ли пламя свечи.

Ники стало жутко, ей показалось, будто на стене появились следы огромных когтей.

13

— Тебе нельзя выходить замуж!

— Что?

Моргана смотрела на бабушку, не веря своим ушам.

— И ты думаешь, я тебя послушаю?

— Нет, но, по крайней мере, моя совесть будет спокойна. Я тебя предупредила, детка!

— Что ты говоришь? Тебе не нравится Джон, да?

— Нет, он милый.

— Тогда в чем дело?

— Этот брак принесет тебе несчастье...

— Бабушка, как ты можешь говорить такие ужасы! Ты соображаешь? Хочешь испортить лучший день моей жизни своими дурацкими предчувствиями. И вообще, с чего ты это взяла?

— Я это видела. Ты же знаешь, с тех пор как ты родилась, у меня бывают видения, как вспышки.

— Черт знает что! — разозлилась Моргана. — И все из-за платья, которое тебе не нравится, потому

что оно, видите ли, принадлежало нехорошей женщине.

— Эта женщина погибла в автокатастрофе.

— Ага, это ты тоже видела?

— Да, когда прикоснулась к ткани...

— И что с того? Она не первая умерла такой смертью.

— Ее смерть была очень страшной. В таких случаях душа может еще долго блуждать. Но дело не в этом. Не в платье причина того, что с тобой случится. Это просто знак, чтобы предупредить об опасности. Я тебе всегда говорила, нужно обращать внимание на знаки...

— Мне наплевать! Надоела вся эта чепуха, — огрызнулась Моргана. — Ты меня достала своими колдовскими историями. Я везде теперь только это и вижу. А мне нужна жизнь такая же нормальная, как моя работа в банке. Поняла?

— Как это, должно быть, скучно...

— Возможно, но так, по крайней мере, спокойней.

Моргана злилась. Из-за бабушки ее годами преследовали кошмары. Каждую ночь снились люди с вывернутыми ступнями и грубо зашитыми ртами, разгуливавшие по комнате, а из-под кровати выползали руки в черных перчатках. Словно большие кожаные пауки... Когда она встретила Джона, страхи немного рассеялись. Не стоит ей больше слушать эти бредни.

— По-твоему, я ерунду болтаю? Не держи меня за старую дуру, как другие. Только не ты... Ты же пре-

красно знаешь, что я никогда не ошибаюсь. Сколько раз я уже спасла тебе жизнь, милая моя?

Но Моргана больше не желала ничего слышать. Она хлопнула дверью гостиной и скрылась у себя в комнате. Как поступала всегда, когда бывала расстроена.

Приходилось, однако, признать, что бабушка обладала особым даром. Моргана помнила, как однажды собиралась поехать на каникулы с подружкой. Бабушка так ее напугала с тем самолетом... "Не лети на нем, — взмолилась она. — Поедешь позже". Внучка послушалась. И попыталась отговорить подругу, которая назвала ее суеверной. Самолет разбился. Никто не выжил.

Это началось, когда она была маленькой. Моргана сидела в коляске, а ее мать собиралась войти в магазин, как вдруг бабушка удержала ее силой. Послышались выстрелы. Неудачное ограбление. Моргана видела убегающих людей в масках. А через несколько секунд из магазина выбежали перепуганные люди в крови.

Но как объяснить родителям, будущему мужу и его родным, которые уже организовали торжество, заказали ресторан и, возможно, купили подарки по свадебному списку, что лучше все отменить, потому что у ее бабули дурное предчувствие! Чего-чего? Для некоторых это слово было синонимом сумасшествия. Да ей рассмеются в лицо! С ней боль-

ше не захотят иметь дела. Решат, что она какая-то вертихвостка. Ненормальная. Джон и так уже долго терпел. На этот раз он ей не простит.

Моргана легла на кровать и наугад достала из-под тумбочки книгу с картинками. Именно здесь прятались ее детские воспоминания. Она раскрыла ее и на картинке увидела Чеширского Кота, который, улыбаясь, смотрел на Белого Кролика.

Моргана давно знала, что Страны чудес не бывает. Но оказаться на чаепитии за одним столом с безумцами всегда можно. На свете их предостаточно.

14

— Что с тобой, Том? Ты почему не ешь? — забеспокоилась Бетти.

— Ничего, дорогая, просто не голоден, вот и все.

— Тебя как будто что-то тревожит...

— Да на работе дел много, ничего страшного.

Ему не хотелось портить вечер историей о кровавой свадьбе. Да и чего он вбил себе это в голову? Он-то тут ни при чем.

Вошла Алиса с медвежонком. Она была такой очаровательной, и Том не понимал, как другие отцы могут быть строгими со своими детьми. Он на это не способен. Но ему повезло, его дочка была послушной и некапризной. Наверное потому, что ее мать умела проявить твердость.

— Пап, поиграешь со мной?

Он посадил ее на колени и заговорил голосом медвежонка. Каждый раз, когда он так делал, Али-

са смеялась взахлеб. Том не знал, над кем она больше смеется, над ним или над медведем.

Бетти воспользовалась их игрой, чтобы сходить в кино. Это было единственным развлечением, которое она время от времени себе позволяла. В основном она предпочитала сидеть дома. Заниматься дочерью и домашним хозяйством. Ждать мужа по вечерам возле уютного огня в камине. Когда выдавалась возможность, она уезжала за город, в дом, который достался Тому в наследство. Бетти обожала копаться в саду. Сажать фасоль и мечтать, что один из побегов вырастет таким высоким, что по нему можно будет взобраться на небо и посмотреть, что там, над облаками. Быть может, она увидит там дом старого мудреца? Как в сказке про Джека и бобовое зернышко...

Машина завелась не сразу. Она была уже не новая.

Поиграв с дочкой, Том рассказал ей на ночь сказку. Крепко поцеловал и оставил включенным ночник. С раннего детства Алиса панически боялась темноты. Затем Том ушел в кабинет, включил компьютер и стал в последних новостях искать статьи о новобрачных. Жестокость преступления его потрясла, ему даже стало почти дурно. Он почувствовал какой-то странный привкус во рту. Привкус горя. Том хорошо помнил улыбку этой девушки. Когда он ее фотографировал, ему казалось, что она улыбается именно ему, а не для того, чтобы красиво выйти на фото. Но мо-

жет, это было всего лишь его собственным желанием ей понравиться? Том был очень счастлив с Бетти, но все еще любил нравиться другим женщинам. Это придавало ему уверенности.

Дан был специалистом по компьютерам. Том нашел его телефон в справочнике и пригласил его наладить неисправный компьютер в лаборатории. Так они и познакомились. Молодые люди сразу почувствовали друг к другу симпатию, и Дан предложил Тому быть фотографом на его свадьбе.

А теперь он здесь, на экране, с ножом в животе. Других снимков убийства не было. Только чудовищные и подробные описания.

В памяти Тома вставали другие фотографии счастливых новобрачных, а на них наплывали снимки их смерти. И он подумал, что жизнь похожа на американские горки.

Том долго сидел за компьютером, не подозревая, что уже поздно. Вдруг он заволновался, что жена до сих пор не вернулась. Бетти должна была быть дома уже час назад. Вечером машин мало, и кинотеатр недалеко. Может, он не услышал, как она пришла? Он сидел в кабинете, и она, наверное, не стала его беспокоить...

Он заглянул в спальню, потом в гостиную. Никого. Позвонил ей на сотовый и убедился, что она забыла его на столе.

Том посмотрел в окно. Светила полная оранжевая луна. Она была похожа на детский мяч в черном небе. Он посмотрел вниз, на входную дверь дома,

надеясь увидеть свет автомобильных фар. Услышать шум мотора. Но ни один звук не нарушал тишину ночи.

15

Большой стакан виски — нет ничего лучше, чтобы расслабиться после паршивого дня, думал Линч. Он несколько часов просидел над делом об убийстве новобрачных и не нашел ни единой зацепки. Он чуть ли не по минутам изучил жизнь обоих погибших. Всё как у всех. Ничего такого, за что их можно было бы возненавидеть настолько, чтобы прикончить таким зверским способом. И Линч склонялся к мысли, что убийство было спонтанным, что это дело рук психа. Такие раскрывать труднее всего, потому что в них нет логики.

От Ники тоже никакой помощи. А Барн в последнее время вообще какой-то странный.

Сейчас Линч охотно насыпал бы себе кокаиновую дорожку. Он всегда сопротивлялся соблазну. Предпочитал напиться или покурить травку. Раздобыть кокс труда не составляло. Достаточно поладить с осведомителями. Информация и порошок

в обмен на обещание закрыть глаза на их делишки. Но он не хотел кончить жизнь параноиком и безнадежным торчком с высушенными мозгами. Линч налил себе другой стакан. Проглотил залпом.

В начале своей карьеры Линч был полон энтузиазма. Верил в идеалы и готов был выступить в священный поход, чтобы скрестить оружие с армией тьмы. Но очень скоро понял, что если хочешь выжить в этом мире, то нужно стать еще хуже тех, на кого охотишься.

Он возвращался от Коко, у которой уснул! Она из деликатности не стала его будить, что позволило ей умыкнуть немного наличных. Раньше секс пробуждал в нем азарт. Теперь лишь приводил в отупение. Хотя, надо признать, Коко знала толк в своем ремесле. Но когда ходишь к одной и той же шлюхе, хочешь не хочешь возникает привычка, как пыль в постели старых супругов. И все же Линчу что-то подсказывало, что у Коко кто-то есть. Он это чувствовал. И немного поддразнивал ее, интересуясь, клиент это или сутенер. Она не отвечала. Не его ума дело.

Линч налил себе четвертый стакан. До самых краев. Вдруг он заметил свет в квартире напротив. И повернул кресло так, чтобы было удобно сидеть и смотреть. Он надеялся, что соседка, как всегда, устроит ему небольшой стриптиз. Линч выждал немного, сходил в туалет, а когда вернулся, то увидел, что женщина неподвижно стоит у окна. Он улыбнулся. Ему хоте-

лось, чтобы она шевельнулась, спустила бретельку, прошлась, покачивая бедрами... что-нибудь, что заставило бы его трепетать от восторга. Но эта дрянь все стояла не шелохнувшись.

— Чертова динамистка, — пробурчал Линч, допивая остатки из горлышка.

Потом прищурился. Происходило нечто странное. Позади женщины выросла тень, чьи-то руки сомкнулись на ее шее. И Линч увидел, как она исчезла.

Затем погас свет.

16

Некоторые кварталы Пандоры по ночам напоминали зимнюю Венецию. Темные улицы с мрачно светившими фонарями.

Бетти шла к тому месту, где оставила машину, довольно далеко от кинотеатра. Ближе места не нашлось. Она вспоминала фильм, который только что посмотрела. "Фрида". Она очень любила живопись и особенно — картины Фриды Кало. Сальма Хайек сумела перевоплотиться в эту женщину с обнаженными нервами, которая творила искусство из собственной боли. Бетти была ее полной противоположностью. Она была тишиной, а Фрида — бурей. С невероятно бурной супружеской жизнью. А жизнь Бетти с Томом текла по мирному руслу. И ей это нравилось. Страстная любовь? Нет уж, спасибо. Она принесла ей слишком много страданий... только об этом никто не знал.

Бетти услышала сзади шаги. Чьи-то подошвы стучали по мокрой мостовой. Она не придала этому значения. Зашагала быстрее, потому что дождь усиливался. Шаги ускорились. Словно играя, Бетти остановилась. Шаги тоже стихли. Тут она забеспокоилась. Обернулась. Вдалеке виднелась чья-то тень. Шляпа и длинный плащ с поднятым воротником. Бетти пошла вперед и завернула за угол. Незнакомец шел следом. Она снова остановилась, он тоже. Бетти стало страшно. Что ему нужно?

Она пустилась бежать. Перебежала через дорогу и чуть не попала под колеса мотоцикла, который резко вывернул в сторону. Парень поднял крик. Он был вне себя.

— Простите, — пролепетала Бетти.

— Смотреть надо, идиотка!

Дальнейшие извинения не имели смысла, и Бетти стремительно двинулась дальше. В панике она свернула на совсем незнакомую улицу. Огляделась. Следом никто не шел. Запыхавшись, она остановилась у странного магазинчика, торговавшего разноцветными стеклянными банками. На каждой была приклеена этикетка с надписью фиолетовыми чернилами: "Воздух, которым дышала Мэрилин Монро в фильме "Джентльмены предпочитают блондинок", или "Воздух, которым дышала Шелли Уинтерс в фильме "Ночь охотника". Бетти понравился "Воздух, которым дышала Джульетта Мазина в фильме "Ночи Кабирии". В соседнем магазинчике продавались серьги дутого стекла со слезами знаменитостей внутри.

Наконец Бетти добралась до своей машины, узнав освещенные витрины. Сев за руль, она машинально глянула в зеркало, чтобы убедиться, что ей удалось оторваться от мужчины в длинном пальто. Улица была пуста.

Успокоившись, она поехала домой, не замечая, что сзади едет машина с выключенными фарами.

17

Линч пошел будить охранника соседнего дома. Коротышка с большими усами, напоминавший помятый приземистый грузовик, разорался:

— Знаете, который час?

— Полиция! — крикнул Линч, показывая удостоверение.

— Моя совесть чиста.

— Возможно, в вашем доме совершено убийство. Хочу осмотреть последний этаж.

— Убийство, здесь? — поперхнулся охранник. — Вот еще новости!

Похоже, ему внезапно стало интересно. Он взял связку ключей и вернулся в свитере, сияя от удовольствия. Наконец-то и в его муравейнике что-то произошло.

Они поднялись по загаженной лестнице. А когда оказались у двери квартиры, окна которой были на-

против квартиры Линча, полицейский попросил открыть дверь.

— Я думал, вы про соседнюю говорили, — разочарованно протянул охранник. — Эта-то пустая!

— Нет, нет, — возразил Линч, — здесь живет какая-то женщина.

Охранник тупо уставился на него:

— А я вам говорю, нет тут никого. Мне-то лучше знать! Эта квартира пустует уже давно. Никто здесь селиться не хочет.

— Все-таки откройте, — приказал Линч, начиная раздражаться.

Два поворота ключа — и он открыл дверь... в абсолютно пустую квартиру. Никакой мебели и никаких признаков жизни. Ничего!

— Не понимаю, — пробормотал Линч. — Я уже много ночей подряд вижу в этом окне женщину, а сегодня вечером видел, как ее убили. Какой-то парень ее задушил!

— А у вас, часом, не галлюцинации? — насторожился охранник.

— Не по моей части.

— А какая она была, та женщина?

— Ну... довольно высокая, ни толстая, ни худая, волосы убраны назад...

— Не очень-то точный портрет!

— Знаете, я ее видел из своего окна и вечером, а на таком расстоянии невозможно все рассмотреть.

— Гм... — хмыкнул толстяк. — Не хочу быть невежливым, но от вас разит!

— Слушайте, я выпиваю не первый раз, и галлюцинаций у меня никогда не было, даже после целой бутылки.

— Иногда это приходит с возрастом, — заверил охранник.

Да кто он такой, этот увалень! Придурок!

— Как давно здесь никто не живет?

— Мм... да уж больше года.

— Из-за крыс? — спросил Линч.

В Пандоре крысы были священны. Жители верили, что души убийц переселяются в этих тварей, и если их убить или прогнать, то они отомстят. Они вернулись на землю, чтобы искупить свое преступление. Многие соглашались жить с ними под одной крышей. Некоторые даже их приручали, и нередко можно было видеть детей, играющих с крысами. Поведение крыс, поражающих своим умом, изучали в школе. Линч помнил, что дедушка рассказывал ему об удивительном представлении, где двести тридцать дрессированных крыс сновали по миниатюрной железной дороге. Начальник вокзала — белая крыса в фуражке — командовал другими, которые разносили багаж по вагонам. Крысами были механик, стрелочник и пассажиры[1].

— Нет, в доме крысы не водятся. Но здесь одна женщина повесилась, и это наводит на всех ужас.

Жители Пандоры считали, что дух повешенного еще долго остается в доме, в котором он свел счеты

1 История не выдумана. В конце XIX века некий г-н Дуров, дрессировщик крыс, показывал это представление в парижском театре. *(Прим. автора.)*

с жизнью. Самоубийство почиталось здесь тягчайшим преступлением и вызовом Создателю.

От отчаяния некоторые бросаются под поезд, а другие в поезд садятся...

Линч был как раз из этих других.

— Вы не слышали об этом? — удивился охранник. — Странно, вы же полицейский.

— Я в этом районе всего полгода. Раньше работал на Севере. Кому принадлежит эта квартира?

— Понятия не имею!

— А кто-нибудь сюда приходил?

— Да, ходили поначалу. Кто не знал о том, что произошло. Но когда кто-то с собой покончил, это как будто чувствуется. Дух тяжелый. Это мне Каллас говорила. Она живет этажом ниже.

— Каллас?

— Да, мы ее так прозвали, потому что она всех тут достала своими концертами. Как полночь, так эта стерва завывает. И еще у нас тут один есть, Пикассо Помоечник. Подбирает хлеб на задворках и, как идет, мажет им стены. Запретить бы всяким артистам да художникам в общих домах селиться. И вообще, им лучше бомжевать, а то стоит им разбогатеть, пиши пропало. Ничего больше хорошего сделать не в состоянии. Гляньте на Траволту, это ж было здорово, его история про клуб.

— "Лихорадка субботнего вечера"?

— Ну да, она самая. А потом одни идиотские роли пошли. Это его "Криминальное чтиво", про наркоманку, я ничего не понял.

— Неудивительно... Ладно, оставьте мне ключи, я вам их принесу. А мне нужно квартиру осмотреть, — объявил Линч.

— Не знаю, что вы тут кроме пауков найдете. Но коль вам охота...

Линч послушал, как его тяжелые шаги протопали по ступенькам, и начал осмотр. Действительно, кроме кучи пыли, здесь ничего не было. Он чуть было не ушел, но профессиональная привычка заставила его вернуться и простучать стены. На кухне возле грязной раковины звук стал гулким. Линч внимательно все проверил и наконец обнаружил незаметный шкафчик, чья дверца сливалась с желтоватой стеной. Он вытащил перочинный нож, который всегда носил в кармане, и подцепил дверцу кончиком лезвия.

18

Хлопнула входная дверь. Том поспешил в прихожую и, увидев жену, с облегчением вздохнул:

— Я волновался! Ты так долго. Что случилось?

— Авария на дороге.

Бетти соврала машинально, не думая. Не хотелось тревожить Тома по пустякам. К женщинам часто привязываются на улице по ночам. И даже днем. Главное, что тот мужчина ее не догнал и не стал преследовать...

— Не смогла тебя предупредить, телефон забыла.

— Я видел. Как фильм, понравился?

— Супер! Фриду Кало не испортили, ничего не переврали. Хорошо снято, хороший сценарий. Одно удовольствие, — сказала Бетти, снимая пальто. — А ты чем занимался?

— Я поиграл с Алисой, а потом выгнал ее на улицу с табличкой на шее "Удочерите меня".

— Ты монстр!
— Я знаю. Именно поэтому я твой муж.
— Я устала. Идем спать?

Бетти зашла поцеловать Алису. От нее еще пахло младенцем. Многим мамам это нравится. Ей нет. Бетти не терпелось, чтобы дочь выросла. Забыть о роли матери. Стать ее подружкой. Некое тревожное чувство мешало ей любить младенцев...

В спальне Том наблюдал за тем, как жена раздевается. Она была по-прежнему красива, и он находил ее аппетитной. Округлые формы вызывали желание ее съесть. Нежная кожа, чувственная грация. Никаких резких движений. Он никак не мог взять в толк, почему родные от нее отреклись. Такая милая, обаятельная...

Когда свет в спальне погас, в машине, стоявшей напротив дома, включили двигатель.

19

В шкафчике, прятавшемся в стене, ничего не было. Линч машинально провел рукой внутри и что-то нащупал. Похоже на кольцо. Обручальное! С виду совсем новое. Странно...

Он сунул кольцо в карман и последний раз окинул взглядом пустую комнату, словно надеясь увидеть призрак. Линч начал сомневаться в том, что голова у него в порядке. Он и правда прилично выпил.

Когда Линч, заперев дверь на ключ, стал спускаться по лестнице, ему показалось, что он чувствует на себе чей-то взгляд. Он резко обернулся, но вокруг была темнота.

Этажом ниже дверь на площадку распахнулась. На пороге появилась накрашенная старуха. Губы перемазаны помадой, несколько слоев пудры, плохо прокрашенные редкие волосы. Завернувшись в пе-

ньюар с большими розовыми цветами, она разглядывала Линча, дымя сигаретой.

— Видели ее? — спросила она.

— Кого?

— Повешенную. Я знаю, она еще там. Каждый вечер слышу ее шаги. Все думают, что я чокнулась.

— Вы ее знали?

— Прекрасно! Интересуетесь?

Линч заколебался. Он старался избегать старых перечниц, которым не с кем поговорить. Но сейчас чем он, собственно, рискует? И вошел.

В нос сразу ударила вонь: смесь одуряющих дешевых духов, кошачьей мочи и затхлости.

— У вас есть кошка? — спросил Линч.

— У меня их четыре! — с гордостью ответила хозяйка. — Идите посмотрите. Только тихо! Не шуметь... Они спят, сокровища мои.

Она провела Линча в комнату, где в корзинке, свернувшись калачиком, спали кошки. Он подошел ближе и увидел, что это чучела.

Комната походила на бонбоньерку, обитую розовым атласом под цвет пеньюара хозяйки. Все убранство было чересчур приторным, комната напоминала огромный торт, украшенный противным кондитерским кремом. Тут и там лежали раковины, наполненные жемчужными ожерельями. Из пластика. Все здесь было поддельным. Включая саму хозяйку.

Линч подошел к прикроватной тумбочке, его внимание привлек стеклянный глаз, покоившийся на подставке.

— Можете взять посмотреть, — сказала Каллас.

— Э-э… нет, нет, спасибо.

— Он принадлежал моему последнему любовнику. Это все, что он мне оставил. Но у этого глаза есть поразительная способность: он меняет цвет в зависимости от погоды. Когда тепло, он синий, когда пасмурно — серый, а перед грозой зеленый. Очень удобно. Я всегда знаю, что надеть.

Линч поглядел на нее с недоверием. Но она не обратила внимания и не стала его убеждать.

— Чаю с картинками?

— Это как? — настороженно спросил Линч.

— Сухие листья разворачиваются в кипящей воде и превращаются в лубочные картинки.

— Нет, спасибо.

— Ну и зря.

У инспектора не было желания пить из старушечьей чашки посреди этого старья, источавшего запах смерти.

— Что вы знаете о женщине, которая жила над вами? — спросил Линч, не желая надолго задерживаться в этом царстве уныния.

— Она была старой девой. По-моему, она и мужчины-то вблизи никогда не видела. Вечно одна, одевалась как монашка. Никакого воображения. Я знаю мужчин, им нравятся женщины, которые могут вскружить голову, фигуристые и с деньгами, — шелестела она, подступая к Линчу, который пятился назад.

— А кроме этого? Вы знаете, почему она повесилась?

— Вы не любите женщин? — удивилась Каллас.

— Не по моей части, — соврал Линч.

— Я должна была догадаться. Вы двигаетесь так женственно...

— Неужели?

— У вас, наверное, была чересчур властная мать, верно?

— Я почти не знал свою мать. Вернемся к той женщине.

— Опять вы за свое! На что она вам сдалась? А? Вы коп?

— Журналист.

— Так я и знала. В полиции пидоров не любят. Она повесилась от отчаяния. Я думаю, она была очень одинока.

— Вы уверены, что раньше она не была замужем? — спросил Линч, ощупывая кольцо в кармане.

— Ну это уж вряд ли, честное слово! Не из таких она. Ладно, мне пора, — внезапно объявила Каллас, взглянув на часы, стрелки которых показывали полночь. — Надо идти, меня ждут. Я вас приглашаю!

— Э-э... я должен идти, — сказал Линч, вставая.

— Вот еще! Они будут вам так рады! В кои-то веки у нас посторонний зритель... Грим я уже наложила, вот только сниму халат. Это в конце коридора, — пояснила она. — Усаживайтесь, еще несколько кресел свободно. Я сейчас!

Заинтригованный, Линч прошел в глубь квартиры. Только бы она не устроила стриптиз, подумал он. В самом конце коридора он толкнул красную дверь и очутился в слабо освещенной комнате. Она походила на миниатюрный театр, со сценой, скрытой за занавесом из красного с золотом бархата. Он разглядел людей, сидевших к нему спиной. Потом сел в одно из кресел в заднем ряду — всего их было четыре.

Когда занавес открылся, раздался взрыв аплодисментов. Линч не сразу понял, что это запись, доносившая из колонок. Зрители не шевелились.

Появилась Каллас, ее оплывшая фигура была затянута в ярко-красное парчовое платье, сверкавшее, как новый автомобиль. И принялась петь. Ничего общего с настоящей Каллас. Скорее вопли девчонки, прищемившей палец дверью. Линч чихнул. Плохая музыка всегда так на него действовала. Что-то вроде аллергии на резкие звуки. Он порылся в карманах. Платка не было. Он легонько постучал по плечу впереди сидящего зрителя, чтобы спросить, не найдется ли у него бумажного платочка. Тот не шевельнулся. Линч наклонился, чтобы шепнуть ему это на ухо, и увидел выползавшего оттуда таракана! Он едва не вскрикнул. Наклонившись еще немного вперед, Линч понял, что перед ним манекен. На его лицо была наклеена фотография улыбавшегося старика. Инспектор наклонился еще чуть-чуть и увидел, что и остальные зрители были манекенами с фотографиями вместо лиц.

Какой-то мрачный кошмар! Каллас выдала заключительную руладу и помахала рукой. Снова раздались аплодисменты. Упал красный занавес, и включился свет.

Не в силах встать с кресла, Линч некоторое время сидел совершенно ошеломленный.

— Ну, как я вам сегодня? — спросила возникшая перед ним Каллас.

— Мм... прекрасно, прекрасно... А кто все эти... люди?

— Это манекены, которые я собрала на помойках при крупных магазинах. Я придумала обстругать им лицо, чтобы можно было наклеить фотографии моих умерших друзей. Потом я нарядила их в одежду моих дорогих и любимых. Каждый вечер, ровно в полночь, я пою для них. Это как молитва, вы понимаете? Я знаю, они слышат меня. Есть еще несколько свободных мест. Когда вы умрете, я сохраню ваше место, и у вас тоже будет свой манекен...

Лучше гореть в аду, подумал Линч.

20

— Это что такое, а? Мерзавец! — завопила Нора, размахивая бумажкой.

Барн воззрился на нее, недоумевая.

— Не разыгрывай дурачка... Давно ты путаешься с этой шлюхой? Давно наставил мне рога и надо мной издеваешься?

— Ничего не понимаю.

— Хоть бы имел честность признаться в своих мерзостях. Придурок! Так вот почему ты всегда такой усталый по вечерам...

Барн выхватил у нее записку и прочел:

Любовь моя,

Нет слов описать все что я внутри чуствую когда ты меня трогаишь. Люблю твое тело, твой сикрет и все что думаю о тебе. Знаю, мне нельзя строить иллюзий я ж ведь шлюха, но хочу чтоб ты знал, как ты мне дорог.

Коко.

— Да я знать не знаю эту шалаву! — воскликнул Барн.

— Рассказывай! Я нашла это в твоей куртке.

— Ты меня что, обыскиваешь?

— Я не могла найти ключи от квартиры и подумала, что, наверно, ты не положил их, как обычно, в вазу у двери, а сунул в карман.

— Да я точно клал их на место.

— Вот идиот... Какой же ты все-таки негодяй, мой дорогой Барнеби! И как я жила-то с таким подонком! К тому же с тобой от скуки свихнуться можно. Если я и терпела столько лет, то только ради детей. И еще потому, что считала тебя по-настоящему честным и добрым. А ты просто дерьмо. Я сваливаю!

— Пожалуйста, останься! — взмолился Барн. — Клянусь здоровьем детей, это письмо не имеет ко мне никакого отношения! Это какой-то розыгрыш...

— Довольно гнусный розыгрыш! Но дело даже не в письме, рано или поздно я бы все равно ушла. От этой паршивой, жалкой жизни, когда дни тянутся так, что с тоски подохнешь. Тебе лишь бы в доме было уютненько. У тебя ни воображения, ни фантазии. Ты полный ноль как муж, как любовник и как полицейский. За десять лет даже не получил повышения. Давай и дальше точи свои карандаши и спи перед телевизором. Только без меня. Ты просто червяк. Пока!

Нора хлопнула дверью.

Не понимая, что произошло, Барн застыл на месте, надеясь вот-вот проснуться. Это просто дур-

ной сон — из тех, что снятся перед рассветом. Ничего больше.

Он услышал стук двери наверху, шаги на лестнице, увидел какую-то женщину с чемоданом в пальто и в берете. Это была его жена.

— Я заберу девочек из школы и отвезу их к маме. Оставайся с домработницей и со своим ненормальным котом. Большой привет твоей шлюшке! Пусть грамотно писать научится.

Хлопнула входная дверь, а Барн так и не проснулся.

Он посмотрел на записку, которую держал в руках, и сунул ее в портфель. Словно вещественное доказательство. Нет, это не его жена сейчас ушла, быть этого не может. Только не она! Такая мягкая, такая спокойная и безупречная. Ушла какая-то неизвестная женщина, слегка похожая на Нору. Конечно. Разве Нора когда-нибудь так с ним говорила?

В дверь постучали. Наверняка Нора вернулась из магазина. Обычно она не стучит. Но может, у нее руки сумками заняты?

Барн бросился к двери и столкнулся нос к носу с домработницей в фартуке.

— Мне нужно было купить порошок для раковины. Я не брала ключи.

Она замешкалась на пороге, с опаской заглядывая в гостиную.

— Вы заперли свою зверюгу?

— Кстати, откуда вы знаете его имя? Я слышал, как вы в прошлый раз назвали его Миднайт...

— Я так всех кошек зову.

— Неужели? — удивился Барн.

— Вам, похоже, это не нравится! Если хотите, буду звать его Фриц.

Барн промолчал. Домработница удалилась в кухню и включила воду.

— Вы не знаете, куда мадам положила новую губку? — крикнула она.

— К тебе в трусы, — буркнул Барн.

Словно услышав его слова, женщина выглянула из кухни и спросила:

— А что, вашей супруги нет дома?

— Поехала за детьми в школу. Она скоро вернется...

Барну показалось, что на лице служанки промелькнула саркастическая улыбка. Неужели он становится параноиком?

Он направился в свою комнату и открыл коту дверь.

21

На солнце цветы сияли как леденцы. Невеста в переливчатой фате напоминала раскрывшего крылья эльфа. Жених в классическом темно-сером костюме выглядел более строго, несмотря на розовую атласную рубашку с широким воротом. Надо думать, легкий штрих, напоминавший о его творческой профессии. Родители были в восторге. Они излучали счастье, а матери суетились возле накрытых в парке столов.

Гостей собралось немало. Все пребывали в радостном возбуждении, кроме бабушки, которая сидела в углу, съежившись в кресле, как насекомое в панцире.

Том оглядывал всю картину, стараясь не упустить ни малейшей детали.

Он установил камеру на подставку и принялся искать подходящий ракурс.

— Что такое, родная? — спросил Джон, обнимая жену. — Тебя что-то беспокоит?

— Ничего.

— Но я же вижу, тебя что-то тревожит. Ты всю церемонию была мрачной.

— Это от избытка чувств, — соврала Моргана.

— Не надо мне рассказывать, я тебя знаю.

— Ну... В общем, это из-за бабушки, — призналась она. — Ты же знаешь, какая она суеверная, и...

— Ну нет! Не желаю слышать про эту чушь! — разозлился Джон. — Эта старая ведьма еще умудрится испортить нам свадьбу. Пойду-ка скажу ей пару ласковых!

— Не надо!

Но Джон уже ушел. Моргана кляла себя за то, что сказала правду. Вот дура! Мама ей всегда говорила не рассказывать все подряд. Она увидела, как разволновалась бабушка, перед которой стоял Джон и наверняка говорил что-то неприятное. Моргана вдруг задумалась, а действительно ли она его любит. Поздновато задаваться таким вопросом. В ее душу впервые закралось сомнение. Не потому, что он напал на бабушку, нет, совсем по другой, довольно глупой причине: он по-дурацки смотрелся в своей розовой рубашке... В ней он смахивал на старомодного певца, кумира старичков из богадельни.

Моргана отвернулась от гостей и взглянула на голубое небо. Ей представилось, что ее фата надулась как парус и она улетает в страну грез, далеко-далеко. На затерянный островок, где море красивое,

как на открытках. Белый песчаный пляж расстилается до горизонта. А из воды высовываются огромные круглые рыбы и хлопают плавниками...

— Становитесь фотографироваться! — крикнул Том.

Моргана перенеслась с острова в реальный мир.

— Внимание, сейчас выскочит чертик! — объявил Том.

Он и не знал, насколько верны были его слова.

22

Последнее время Барн казался Линчу странноватым. Едва переступив порог, он тут же принимался точить карандаши и все раскладывать по местам, как прилежный школьник, хотя раньше у него на столе творился страшный бардак. Зато одевался он теперь просто как бродяга! Исчезли глаженые рубашки и чистые воротнички. Линч даже боялся представить себе его носки, которые наверняка уже можно было ставить в угол, такой от них шел запах. Но больше всего инспектора беспокоило, что Барн утратил юмор, который, хоть и был слегка с душком, но все же зачастую скрашивал мрачную атмосферу комиссариата.

Расследование застопорилось. От Ники тоже не было помощи.

— Барн, я хотел сказать тебе кое-что...

— Да! — отозвался тот, не отрываясь от точилки.

— Я имею в виду, по-дружески. Ты изменился в последнее время.

— Все меняются.

— Все, но не ты. Может, у тебя что-то не ладится?

— У меня? Ничего подобного. Все прекрасно. У меня все хорошо.

Линч озадаченно поглядел на него. Неужели Барн пошел по пути Куэ[1]? И почему он избегает смотреть в глаза?

— Как девчонки?

— Прекрасно.

— А Нора?

— Тоже отлично, — отчеканил Барн. — Поехала с детьми на каникулы к маме. Пусть подышат воздухом, это полезно.

— Понятно. А когда они возвращаются?

— На следующей неделе.

— Вот и хорошо, — заметил Линч. — Снова будешь похож на нормального полицейского. А то сейчас у тебя такой вид, что хочется тебе на хлеб подать.

Барн перестал чинить карандаши и с досадой глянул на шефа.

— У тебя нет домработницы?

— Есть. Та еще ведьма. Мой кот ее не выносит.

— А у тебя есть кот? — удивился Линч. — Ты никогда не говорил.

1 Эмиль *Куэ* (1857–1926) — французский психолог, разработавший метод самовнушения, основанный на постоянном повторении простых оптимистических фраз.

— Это тот, убитых молодоженов. Я его подобрал.

— А... молодец. И как он?

— Немножко дикий, но ко мне привязался. С женой все не так просто. У нее аллергия.

— На тебя или на кота?

Барн и глазом не моргнул. Но Линч увидел, что он побледнел.

— Ладно, старик, пойдем выпьем чего-нибудь...

Линч захватил плащ и взял коллегу под руку. Барн покорно пошел следом. Не проронив ни слова.

Линч отвел его в бар неподалеку, под названием "Голубая луна". Там пахло окурками и остатками ночи, застрявшими на банкетках. Ему нравились следы вчерашнего вечера. Все, что напоминало о том, что день рано или поздно кончается. Нравились даже пьяницы, навалившиеся на стойку. Линч заказал два "Бильбао". И прежде чем задать вопрос, подождал, пока Барн выпьет.

— Ну говори, что стряслось?

Барн расслабился и сказал правду:

— Она ушла. Вместе с девчонками. Живет у матери.

— Но вы ведь, кажется, неплохо ладили?

— Да... Мы никогда не ругались! Я не понимаю.

— В том-то и дело! Вот тебе и причина. Женщины ненавидят бесцветную жизнь.

— Я считал, что у нас полная гармония, — возразил Барн.

— А она считала, что тоска. Точно говорю!

— Она ушла из-за кота.

— Да нет же! Это просто предлог. Последняя капля!

— Не понимаю, чем я ей не угодил. Я ведь хороший муж, хороший отец и хороший полицейский.

— Да с тобой небось со скуки подохнешь! — бряк-нул Линч.

— Это еще почему?

— У тебя до Норы были женщины?

— Нет. Она первая и единственная. И других никогда не будет.

— Ну так и состаришься в одиночку в своем углу. Один-одинешенек, у телевизора, как старый презерватив в камере хранения.

— Нет. Нора вернется.

— Возможно. Но даже если и вернется, то тут же снова уйдет, если ты не изменишься. Знаешь что? Ты слишком высокого мнения о себе. Слишком положительный. За таких выходят замуж, а потом заводят любовника. Ты уверен, что у твоей жены его нет?

— Уверен. Только не у Норы.

— Ну-ну! — засмеялся Линч. — Пора бы тебе проснуться! Ты куришь?

— Нет.

— Пьешь?

— Нет.

— Так я и думал. Тебе бы понравился аккуратненький садик, где все пострижено под линеечку?

Барн не ответил и молча допил свой стакан.

— Знаешь что? Сходи-ка ты к проституткам.

— Что? Чтобы заразу подцепить? Никогда в жизни!

— А гондоны на что, идиот?

— Я ни разу не пробовал. Что-то не тянет трахаться в резинке.

— Ерунда, привыкнешь, — заверил Линч. — Бывают с запахом клубники, банана... Экзотика!

— А вы ходите к проституткам, шеф?

— Конечно, как всякий хороший сыщик.

Барн улыбнулся. Он был о полиции другого мнения, но не мог не признать, что Линч действительно хороший сыщик.

— Сходишь к моей постоянной девочке. Обслужит по первому разряду. Я тебя порекомендую.

— Честное слово, мне не хочется, и...

— Не спорь. Хочешь удержать жену — если, конечно, предположить, что она вернется? Тогда иди и наберись опыта. Поверь, я знаю, о чем говорю.

— А вы же живете один?

— Точно. Поэтому я и знаю женщин. Между теми, кто проводит отпуск всегда в одном и том же месте, и теми, кто путешествует, огромная разница. Это расширяет кругозор. И все остальное.

— Как ее зовут, вашу...

— Коко.

— Ничего себе! — воскликнул Барн. — Прямо как ту, в письме.

— Каком письме?

— Жена нашла у меня в кармане любовное письмо от какой-то Коко.

Барн вдруг с подозрением посмотрел на шефа.

— А это не вы, часом, мне его подсунули шутки ради?

— Ты что? Больно уж дурная шутка. Зачем мне это? — удивился Линч.

— Не знаю. Чтобы добавить красок в мою бесцветную жизнь.

— Почему ты мне сразу не рассказал? Нора ушла из-за этого письма?

— Полный абсурд! Она же знает, что я ей не изменяю. Я даже не смотрю на других баб. Мне это не нужно. Она больше разозлилась из-за кота, чем из-за письма. Чепуха какая-то.

— А если она сама подкинула письмо, чтобы тебя встряхнуть?

— Какая-то иезуитская идея.

— Женщины иногда на такое способны.

— Значит, никому уже и доверять нельзя?

— Конечно. Но для некоторых можно понизить планку и прощать их странности. Правда, понимаешь это, только когда самому хвост прижмет. Вот так и учишься сострадать.

Линч снова заказал два "Бильбао" и залпом выпил свой. Барн последовал его примеру. Но с непривычки чуть не свалился со стула. Линч впервые видел у него на лице блаженную улыбку. Словно разговор о несправедливости жизни подарил ему надежду.

23

— Ты должен перенести меня через порог на руках, а то счастья не будет! — сказала Моргана.

— Брось, что за ерунда. И потом, знаешь, какая ты тяжелая!

— Что? — возмутилась невеста.

— У меня больной позвоночник, забыла? — напомнил Джон, повредивший поясницу во время занятий спортом.

Моргана вздохнула, подняла подол и вошла в дом, который они сняли в старинном квартале крылодеров[1] — ремесло, исчезнувшее с тех пор, как защитники птиц вышли на улицы с протестом. В Пандоре почти все носили шляпы, самые дорогие украшались перьями и крыльями ласточек. Работа крылодера, за которую платили гроши, состояла в том, чтобы выгнать птицу из гнеда, а затем подманить с помо-

1 *Крылодеры* — ремесло, существовавшее в Париже в XIX веке, когда в моде были тирольские шляпы. *(Прим. автора.)*

щью длинной палки, на которой болталась нитка с крючком и насекомым. Многие даже не удосуживались убивать свою жертву прежде, чем ее калечить. Сегодня шляпы украшают искусственными перьями. Но не всегда. Некоторые крылодеры под покровом ночи еще вершат кровавые расправы...

Дом, где поселились молодожены, был миленьким, с крошечным садиком позади, и располагался неподалеку от банка, в котором работала Моргана.

Убранство было довольно строгим, хотя кое-где все же встречались яркие краски. А также картины современных художников, которые собирал Джон.

Он включил свет, и они увидели расставленные повсюду огромные букеты цветов.

— Наверняка твоя мама постаралась...

— Несомненно! — кивнул Джон. — Вполне в ее духе.

— Мило, что она догадалась принести сюда цветы от друзей. Ты идешь? — Моргана игриво приподняла подол до колена.

Она знала, что Джону нравятся ее длинные ноги. Ноги танцовщицы, однажды сказал он, лаская их. В детстве Моргана немного занималась балетом. Но этот мир капризных и педантичных папиных дочек ей опротивел.

Она поднялась по деревянным ступеням, а шедший следом муж повизгивал, изображая нетерпеливого пса.

— Прекрати! Это не романтично, — сморщилась Моргана.

— Да? Может, похотливый боров тебе больше понравится?

— Дурак!

Она кинулась на кровать:

— Раздень меня!

Джон начал медленно поднимать платье, открывая ноги в шелковых фиолетовых чулках. Потом расшнуровал корсаж и стал ласкать грудь. У Морганы была нежная кожа. Джон назвал ее "мое счастье", поцеловал в сердце и стал покусывать соски. Она застонала.

Внезапно на первом этаже хлопнуло окно.

— Ты слышал? — приподнявшись, спросила Моргана.

— Ничего, это ветер.

— Точно?

— Ну да! — вздохнул Джон.

Он снова принялся ласкать ее, но почувствовал, как она напряглась, и решил посмотреть в чем дело, чтобы ее успокоить.

Джон уже спустился до середины лестницы, когда погас свет.

— В чем дело? — крикнула Моргана.

— Наверное, электричество отключилось, не волнуйся, милая. Пойду проверю пробки в подвале.

Моргана встала и заглянула в ящик, надеясь найти фонарик. Ничего, даже спичек нет. Однако она точно помнила, что оставляла здесь коробок. Она реши-

ла раздеться и спрятаться под одеяло. Темнота всегда внушала ей страх, а в постели будет спокойнее. Словно одеяло защищало от внешнего мира. Здесь ей ничто не грозит. Она у Бога под крылышком.

Моргана устала от праздника и застольного веселья. От радостной, но крикливой родни, натужных шуток друзей, жующих пирожные, — каждая улыбка запивалась шампанским, так что к вечеру гости уже изрядно захмелели.

Моргана считала, что брачную ночь нужно устраивать на следующий день после свадьбы. Она позволила себе закрыть глаза. Ей не пришло в голову, что мужу пора бы уже вернуться из подвала. И давно...

24

В туфлях без задника Тони Сопрано вразвалку шагал по аллее своего дома к почтовому ящику, из-под небрежно распахнутого халата виднелась майка и синие трусы. Линчу нравился этот парень. Полицейским гораздо чаще нравятся мафиози, чем можно было бы предположить. А некоторые даже дружат с убийцами. Все зависит от мотивов и способа преступления. Некоторые становятся душегубами от невезения или вследствие тяжелого детства, проведенного в сточной канаве, смрад которой не забывается даже в розарии.

Наблюдая по телевизору за тем, как живет эта семья, день за днем сочувствуя их заботам, таким же, как и у семей "нормальных", Линч понемногу сроднился с ними, и они вошли в его жизнь. Дядя Корадо "Джуниор" стал дядей и ему, и Линч переживал из-за его рака. Он почти готов был откладывать деньги, чтобы купить Тони уток, потому что все по-

шло наперекосяк с тех пор, как они улетели... В конце концов, многие полицейские торчат от футбола! И что плохого в том, чтобы подсесть на телесериал? У всех свои игрушки. Главное, чтоб они доставляли удовольствие.

Очередной сезон завершился. Линч выкурил косяк с привкусом шампанского и теперь беседовал сам с собой, сидя в кресле.

— Как думаешь, старик? Тони все-таки трахнет врачиху или нет?

Зазвонил телефон.

— Инспектор Линч?

— Да.

— Это доктор Грин, директор лечебницы Сент-Джеймс. У меня неприятная новость...

— Что-нибудь с моим братом?

— Да... Он сбежал.

— Что?

— Я... Мне жаль. Я не знаю, как это произошло. Сегодня утром санитар нашел его постель пустой и...

— И вы звоните только сейчас? — вспылил Линч.

— Мы думали, он спрятался где-то на территории. Обыскали все здание от подвала до чердака. Безрезультатно. Поэтому я и не оповестил вас раньше. Мы надеялись, что найдем его до вечера.

— Я плачу вам, чтобы вы за ним присматривали, а вы его упустили! — чуть не задохнулся Линч. — Да вы соображаете! Представьте себе его одного

на улицах Пандоры! Он же может под машину попасть, да мало ли что еще!

— Не хочу вас огорчать, инспектор, но мы наблюдаем вашего брата много лет, и могу вас заверить, что скорее он опасен для окружающих, нежели они для него.

— Что вы хотите сказать?

— Что иногда у него бывают совершенно необузданные реакции и он себя никак не контролирует.

Линч вспомнил, как выглядел брат, когда он последний раз приходил его навестить. Фрэнки сидел и строил иглу из баночек от йогурта. Пятилетний ребенок.

— Фрэнки муху не обидит.

— Муху, может, и нет, но за человека я бы не поручился. Поверьте, он неадекватен, и у него повадки извращенца. Помогите мне отыскать его как можно скорее, пока он не натворил бед. Если он появится у вас, будьте начеку...

Линч бросил трубку. Ну не кретин! Врач уже заводил с ним подобный разговор, но он не пожелал слушать. Каждому ясно, что его младший брат — сама невинность.

Линч сел в кресло и повернулся лицом к окну, к звездному небу. Поглаживая подлокотники, он пытался успокоиться. Фрэнки навсегда запечатлелся в его лучших воспоминаниях — детских. Он был слишком мал и, видимо, чересчур впечатлителен, что-

бы перенести смерть матери. Ее убил рак, вцепившийся в кишечник. Что за мерзкая тварь.

Погрузившись в свои мысли, он не сразу заметил, что в квартире напротив горит свет. Линч приподнялся и увидел силуэт женщины. Она на мгновение задержалась, взглянула на него, потом исчезла и погасила свет. Линч потер глаза, не совсем понимая, было ли это на самом деле. Видение промелькнуло так быстро, что он засомневался, не галлюцинации ли у него. С травкой он, конечно, немного переборщил. И все же ему казалось, что мозг его ясен. Абсолютно. Гораздо яснее, чем без травки.

Он встал и открыл входную дверь. На случай если брат решит его навестить.

Однако директор, чтобы не злить Линча еще больше, утаил от него тот факт, что, прежде чем скрыться, его младший братишка перерезал горло лебедям, жившим в пруду больничного парка. Нанизал их головы на нитку, как ожерелье, и повесил на дерево.

25

Коко закончила макияж. Принимать полицейского, да еще коллегу Линча, дело нешуточное. К тому же он просил особо позаботиться об этом несчастном, который, по его словам, видел проституток только в полицейской машине да в "обезьяннике". А в глазах Линча, "тот, кто никогда не трахал ночных недотрог, просто девственник".

Коко наклеила мушку над губой — вычитала где-то, что во времена кринолинов это означало "трахни меня". Но эпоха та миновала, и теперь об этом писали крупными буквами на футболках. По крайней мере, все сразу ясно. Только вот у Коко была эта тяга к прошедшему, к тряпичным цветам в пышных начесах, хотя она и носила мини-юбки кричащих расцветок.

Она посмотрела на часы, подарок одного клиента-азиата, которые показывали не время, а гороскоп. Сегодняшнее предсказание гласило: "Избегай-

те доверительных бесед, даже с друзьями". Как бы там ни было, подумала Коко, с копами вообще лучше держать язык за зубами.

Она немного нервничала. Не из-за предстоящего свидания с приятелем постоянного клиента, а оттого что Таксист уже неделю не появлялся. А чем реже она его видела, тем сильнее влюблялась. Как известно, разлука стирает все недостатки. Но даже его маленькие причуды — например, привычка аккуратно складывать одежду на стуле возле кровати — имели в ее глазах свою прелесть.

Коко окинула взглядом комнату и нашла ее милой и цветистой. Настоящее любовное гнездышко. Яркий островок посреди городской суеты и повседневных забот. Коко хотела, чтобы клиентам было приятно, чтобы они чувствовали себя далеко от привычного мира. На планете, где жизнь была бы розовой, как ее стринги. Она так и не привыкла к этим трусам, врезавшимся между ягодиц, они ее раздражали — настоящее орудие пытки. До чего же приятно, окончив работу, натянуть большие "бабушкины" трусы, спортивный костюм и пойти за покупками.

Барн простоял у дверей минут десять, прежде чем решился постучать. Его сердце колотилось так, будто он шел на свидание с девушкой из церковного хора. Однако на той, что ему открыла, был коротенький халатик, а вместо четок весьма откровенное ярко-красное неглиже.

Духи тоже никак нельзя было назвать святой водой. Целый букет пряных запахов, от которого и мертвец бы проснулся. Перец и сладострастие. Что до комнаты, она совсем не походила на то, к чему он привык дома. Старомодно-затейливая обстановка со множеством безделушек, одна безобразней другой. Однако, несмотря ни на что, здесь было уютно.

— Присаживайтесь, — с улыбкой предложила Коко. — Хотите что-нибудь выпить?

— Нет, спасибо.

— Прекрасно, тогда не будем терять время, — сказала она и начала раздеваться.

Барн не шевелясь глядел на нее. Он чувствовал себя неуклюжим, как в первый раз. Так оно и было, по сути. Первый раз не с женой.

— Не хотите снять плащ?

— Э-э... да, да.

Коко помогла ему раздеться. И снять брюки.

— Идемте, — пригласила она, — ополоснемся.

Она осторожно взяла его пенис в руки и бережно помыла. Барн почувствовал легкую эрекцию. И сразу успокоился. Перед приходом сюда он боялся, что у него не встанет с этой красоткой, привыкшей иметь дело с "гигантами секса".

Барн не был гурманом по этой части. Ему хватало одного раза в месяц, даже в лотерею он играл чаще.

— Съешьте вот это, — предложила Коко, достав из шкафчика над умывальником какую-то круглую конфетку.

— Что это?

— Конфета с флердоранжем. Помогает расслабиться.

При других обстоятельствах Барн насторожился бы. Но Коко была шлюхой, которую посоветовал начальник. Значит, бояться нечего. Полицейских можно трахать. Но не травить.

Коко опустилась на колени и принялась жадно его сосать. Так, точно хотела съесть! Его жена никогда не делала с ним такого! Нора вела себя в постели скорее снисходительно — ждала, пока он кончит, и издавала радостный крик, чтобы угодить мужу. Она никогда не выражала недовольства ни тем, как это у них происходит, ни тем, что это происходит редко. Наоборот! Барну всегда казалось, что ее это вполне устраивает, потому что она, как и он, не особенно любит это дело.

Господи, до чего ж хорошо, когда сосет профессионалка! Барн задыхался от удовольствия. Ему хотелось обнять Коко и потискать ее грудь, но он не удержался и выпустил струю прямо на ее халатик.

— Извиняюсь, — пролепетал он.

— За что, милый?

— Ну, мне надо было и вам хоть чуть-чуть удовольствия доставить!

Коко улыбнулась. Линч предупреждал ее: "По части чулок и фаллоимитаторов парень полный профан". Он показался ей трогательным. Но совсем не в ее вкусе. Слишком вялый. Слишком обыкновенный. А она любила таинственность, любила муж-

чин, которые наводили страх и набрасывались на нее с животной похотью. Как Таксист. Чтобы уходили, ни слова не говоря, оставив на столе купюру. А этот коп из тех, кого можно слегка пощипать. Она это чувствовала.

— Если хотите помыться...

— Спасибо, — ответил Барн, натягивая брюки. — Вымоюсь дома.

Странным образом, мыться у нее на глазах ему было куда более неловко, чем заниматься сексом. Как будто мытье — это нечто очень интимное. Наверное потому, что это напоминало ему о том, как мама купала его маленького и однажды он увидел, что одна из сестер подглядывает в приоткрытую дверь. Тогда он чуть не сгорел со стыда. К которому примешивалось удовольствие. Все это давно похоронено в его памяти. Эти воспоминания перестали быть частью его жизни. Они стали ему чужими.

Барн был из семьи католиков, где любое наслаждение считалось грехом.

Внезапно ему стало плохо. Ноги подкосились, во рту появился горький привкус. Все поплыло, люстра с птичками заплясала над головой. Он рухнул на кровать.

26

Моргана лежала в полусне на боку лицом к окну, когда почувствовала, что муж лег в постель рядом с ней.

— Как же ты долго! — вздохнув, пробормотала она.

Он молча взял ее руку, слегка приподнял, потом выше, пока рука с телом не образовала прямой угол.

— Ты что? — простонала она и хотела повернуться.

И тут под мышкой она почувствовала что-то холодное. Она попыталась повернуться и вскрикнула. Словно какое-то лезвие врезалось ей тело! Не успев понять, что происходит, Моргана ощутила адскую, невыносимую боль.

Теряя сознание, она увидела над собой собственную отсеченную руку. Она не почувствовала, как была отрезана другая рука, а во влагалище вставлена граната. И все же она еще дышала. Чей-то голос произнес: "Тебе осталось десять секунд до взрыва. Бай-бай!"

РАЗ... В памяти замелькали обрывки воспоминаний. Далекий бабушкин голос произнес: "Это платье принесет тебе несчастье..."

Она маленькая на трехколесном велосипеде. Упала. Колес больше нет. Больница. Размытые лица подружек.

ДВА... *Что со мной творится? Со мной — ничего. Я в чьем-то чужом теле и скоро проснусь. Джон, что ты делаешь? Почему ты не пришел за мной? Это же не ты сделал мне так больно?*

ТРИ... Первая влюбленность: отец. Его запах, его колени и улыбка. Отец с другой женщиной. Папа вернулся. Женщина ушла. Мама улыбается.

ЧЕТЫРЕ... Снова мелькают картинки. Лица знакомых, чьих имен она не помнит. Все кружится. Безумный танец. Память сочится кровью.

ПЯТЬ... *Джон, увези меня далеко...*

ШЕСТЬ... Она пытается шевельнуть руками.

СЕМЬ... Она видит себя выходящей из тела. Воздушной. Ей хорошо. Боль прошла.

ВОСЕМЬ... Она видит свое тело без рук. Оно залито кровью. Постель вся красная.

ДЕВЯТЬ... *У меня еще столько дел. Не хочу уходить.*

ДЕСЯТЬ... Слишком поздно!

27

С фотографии смотрела красивая женщина. На руках она держала двух маленьких девочек. Блондинку и шатенку. Пара ангелочков.

Коко улыбнулась, разглядывая физиономию Барна на водительских правах. Он был похож на состарившегося мальчика. Аккуратная стрижка, отглаженный воротничок. Сразу видно — коп.

Коко пересчитала купюры и положила на место. У полицейских нельзя воровать. Она еще порылась в бумажнике и увидела бумажку, всунутую между визитками. Коко развернула, прочла. И вскрикнула, обнаружив ту самую любовную записку, которую она сунула в карман Таксисту.

— Что со мной было? — приподнимаясь, простонал Барн.

Ошеломленная своей находкой, Коко даже забыла положить бумажник на место. Ничего, успеется. Похоже, он еще не пришел в себя.

— Вам стало нехорошо.

Барн поглядел на нее с подозрением:

— Это из-за таблетки, которую вы мне дали? Что это за дрянь?

— Я же сказала, просто конфета. Ничего больше. Спортсмены принимают такие. Мне показалось, у вас усталый вид...

— Да уж, хорошо подействовало! Слушайте... что вы делаете с моим бумажником?

— Фотографии смотрела. Всегда интересно, с кем трахаешься. Успокойтесь, деньги ваши на месте. Я не из таких. А что вот это такое? — замахала она бумажкой.

— А это уже я должен у вас спросить! Моя жена нашла это в моем кармане и ушла.

— Это писалось не вам! Я положила ее в карман одному клиенту. Как она у вас оказалась? Уму непостижимо!

Коко перечитала записку, как бы для того, чтобы удостовериться, что все это ей не снится.

— Кто этот клиент?

— Вас не касается.

— Вам задает вопрос следователь, и в ваших интересах ответить, иначе...

— Иначе что? Вы арестуете меня за проституцию? А когда коп ходит к проституткам, это законно?

— И все-таки ответьте мне, — настаивал Барн. — Меня из-за этого жена бросила!

— Да? Ну если она слиняла из-за такой ерунды, дура она, вот и все. И нечего о ней жалеть.

Барн впервые произнес эти слова. "Меня жена бросила". Как будто теперь, после этой его измены, речь шла совсем о другом человеке. О блаженном дурачке Барнеби, который всю жизнь витал в облаках. А тут вдруг пчела возьми да и укуси его. Пчелка в розовых стрингах и огромных серьгах, похожих на кольца для штор.

— Знаете, я даже если б и хотела, ничего бы вам не могла рассказать. Я про этого парня ничего не знаю, кроме того, что он таксист.

— И все?

— Да.

— Вы часто с ним видитесь?

— Что-то последнее время он не приходит, — вздохнула Коко.

— В этом городе таксиста непросто выследить... И вы в него влюблены?

— Какой вы догадливый.

— Он так хорошо трахается? — съязвил Барн.

— Без понятия.

Барн посмотрел на нее удивленно. Клиент, который приходит просто поболтать? Что-то не верится!

— Но за что же он вам платит?

— Он смотрит, как я раздеваюсь, и завязывает мне руки за спиной. Потом я ложусь на кровать, а он садится рядом...

— А потом?

— Потом ничего. Это все. Посидит, поласкает чуть-чуть и уходит.

— И как зовут этого бога любви?

— Таксист. Это я его так прозвала. Потому что на Де Ниро смахивает и потому что действительно таксист. А как на самом деле его зовут, он никогда не говорил.

— Вы влюбились в парня, который даже не спит с вами? — изумился Барн.

— Вот именно. Он не такой, как все.

Барн, хоть убейте, не мог понять женщин. До чего же странные существа...

28

Линч летел на всех парах в квартал крылодеров. Барн уже находился на месте преступления. Ники приедет позже. Она хотела побыть одна с трупами. Как у всякого профайлера, у нее были свои причуды.

Инспектор так и не научился хладнокровно относиться к этим кошмарам. Каждый раз у него падало сердце при мысли о том, что он увидит. И этот кислый вкус во рту. Звонок раздался как раз во время завтрака. Линч даже не смог допить кофе. Не глоталось. Да тут и без всякого кофе проснешься!

О брате по-прежнему никаких известий. Фрэнки, вероятно, где-то разгуливал по улицам этого города-спрута... В конце концов, на свободе гуляет кое-кто и похуже. Возможно, он сейчас счастлив, сидит и смотрит, как малышня носится в парке... Линч не мог понять страхов этого придурка директора, который считал его брата опасным субъектом. В детстве если кто и отличался жестокостью, то только

не его брательник. Мальчиком Линч однажды повтыкал иголки курице в зад. Бедняга бросилась улепетывать как сумасшедшая, чем насмешила его до невозможности. Он до сих пор грыз себя за тот поступок. А Фрэнки тогда только сидел и молча смотрел на него.

Линч припарковался неподалеку от дома, вокруг которого уже толпилась полиция. На пороге стоял мертвенно-бледный Барн. По его виду стало ясно, что творится внутри. Нечто пострашнее, чем в фильмах ужасов. Линч сделал глубокий вдох и вошел.

— Здесь слишком много народу! — крикнул он. — Разойдитесь!

Он поднялся на второй этаж и остановился перед комнатой новобрачных. На лице эксперта застыл испуг. Линч почувствовал, как страх ползет вверх по спине, точно ядовитая змея. Страх был его худшим врагом. Собственно, чтобы его одолеть, он и выбрал эту чертову профессию.

Полицейские фотографы фиксировали мельчайшие детали, комната наполнилась вспышками фотокамер, отчего стала еще более зловещей.

Линч закрыл глаза и подумал о своей первой любви. О маленькой девочке с косичками, без двух передних зубов. Он сумел ее покорить своим самокатом. Линч всегда прибегал к этому, когда было страшно. Вспоминал о чем-то из детства. Это его спасало.

— Осторожно, инспектор, тут все кругом уделано.

Линч шагал по липким обрывкам кожи. Комната напоминала мясную лавку, стены были забрызганы кровью. От невесты ничего не осталось. Даже рук, как в предыдущем убийстве.

— Эй! Стойте! — крикнул эксперт. — Черт, сюда же нельзя без бахил!

— Виноват, — пробормотал Линч.

— Хотите наследить на моем участке, инспектор?

— Тут как в гигантском бифштексе с кровью, шеф!

Линч обернулся и увидел Барна с посеревшим лицом, который своими нелепыми шутками пытался как-то развеять мрачную обстановку. Каждый выживает, как может.

— Что насчет рук? Такой же фарш?

— Рук не нашли.

— А муж?

— Здесь еще не все осмотрели. Я сам недавно приехал.

— Пошли, Барн, устроим небольшую экскурсию, — предложил Линч. — Пусть люди работают.

Они спустились на первый этаж и осмотрели комнаты. Пусто.

— Странно, — сказал Линч. — Преступление по той же схеме — новобрачную разорвало на куски, — но ритуал другой. Мы должны были обнаружить мужа на коленях у кровати с заклеенными скотчем глазами и ножом в животе.

— Остается подвал...

— Что ему делать в подвале? Это же его брачная ночь, не что-нибудь! Кстати, как все прошло у Коко?

— Э-э... отлично, правда, мне стало дурно, и она в это время пошарила в моем бумажнике.

— Это на нее не похоже!

— Ну, она ничего взяла! Просто хотела узнать, с кем только что побывала в раю.

Линч поглядел на него с насмешкой.

— Но она нашла записку, которую подбросили мне в карман... Это любовное письмо, которое она написала одному таксисту. Она в него влюбилась! Уму непостижимо, правда?

— Что именно? Что влюбилась?

— Да нет! Что эта записка каким-то образом из кармана того типа, которого я знать не знаю, перекочевала в мой собственный карман. Загадка какая-то.

— Тебе не кажется, что сейчас есть дела поважней всей этой ерунды? — заметил Линч. — Идем! Спускаемся в логово дьявола...

Они обнаружили Джона, скрючившегося у сырой стены с ножом в животе. У него на коленях, словно срезанные цветы, лежали руки жены — с пальцами вместо лепестков.

29

На следующее утро все газеты кричали о "кровавой расправе над молодоженами Пандоры". Том, предпочитавший жить в своем замкнутом мирке и узнавать новости только из рассказов Бетти, купил газету.

— Невероятно! — пробормотал он.

По описанию журналиста, это выглядело как настоящая бойня, звериное варварство. Преступник, скорее всего, сумасшедший.

Тому казалось, что он погружается в какой-то кошмар. В газете была фотография жертв, которые, обнявшись, стояли под пальмой на берегу моря. Джон и Моргана улыбались и выглядели счастливыми. Рекламное счастье, приманка для туристов. Том подумал, что эти ребята им так и не насладились в полной мере. Впрочем, как и они с Бетти.

Теперь, когда дочка подросла, они снова могли позволить себе съездить в отпуск. И хотя в наше время все моря похожи друг на друга из-за опоясываю-

щих берег зданий и одинаковых отелей, ему всегда хотелось куда-нибудь съездить. Самой счастливой минутой для него была посадка в самолет, улетавший туда, где сбываются все мечты.

Придя в лабораторию, Том обнаружил, что замок взломан. Он содрогнулся. Если оборудование украдено, ателье можно закрывать!

Ничего не пропало, все лежало на своих местах. Странно... Он прошел в подсобку. То же самое. Ни к чему не прикасались. И все же здесь кто-то побывал. Том принялся искать снимки новобрачных. Они исчезли! Он пошарил на шкафу, там, где оставил альбом с фотографиями первой свадьбы, Дана и Тины. В нем не хватало одного снимка. Того самого, на котором он заметил странное лицо на заднем плане.

К счастью, он положил пленку в сейф, оборудованный в стене лаборатории. И поэтому смог снова напечатать недостающие фото.

Убийство второй пары новобрачных разожгло его любопытство, и он пристально осмотрел каждый снимок. Когда людей больше нет, мельчайшие детали выглядят совсем по-другому. Каждая улыбка, взгляд приобретают важное значение. Том подсознательно искал какие-то знаки, словно люди уже несли на себе печать будущей смерти. И там, на заднем плане, он разглядел то же размытое лицо, что и на снимках Дана и Тины. Он его увеличил. Изображение оставалось таким же нечетким, но можно было разглядеть легкую улыбку...

У Тома мурашки побежали по коже при мысли о том, что у него побывал убийца. Потому что кого же еще могли интересовать эти снимки? Значит, этот мясник знал о его студии. Если он расскажет об этом Бетти, она заставит его сообщить в полицию. А Том как чумы боялся полицейских, после того как ему пришлось выступать свидетелем по делу об уличном нападении, при котором он случайно присутствовал. Ему попался такой усердный сыскарь, что, проявляя бдительность, он и Тома записал в соучастники. И Том из свидетеля превратился в подозреваемого. Тогда-то он и поклялся себе, что больше не будет иметь дела с легавыми.

Перво-наперво надо поставить бронированный замок. Но в Пандоре проще дозвониться до Бреда Питта, чем до слесаря.

30

Ники снова принесла с собой красного слоненка. На разные преступления, в зависимости от типа убийства, она брала и разные талисманы. Но тут обе пары новобрачных явно были убиты одним и тем же человеком.

Первое, что поразило Ники при входе в дом Джона и Морганы, — контраст между красотой разноцветных букетов, расставленных по всему первому этажу, и мертвящей атмосферой дома. Здесь действительно можно было "почувствовать" мертвую тишину. Она была почти ощутимой. Ники представился скелет невесты в платье, украшенном цветами. Покойница двигалась ей навстречу, и с каждым шагом цветы, увядая, падали к ее ногам.

Вместо того чтобы отмахнуться от этих видений, как сделало бы большинство людей, Ники старательно хранила их в уголке своей памяти. Для нее это были послания с того света. Зачастую эти не поддающиеся осмыслению подсказки помогали ей найти верный след.

Линч предупредил Ники о том, что ее ожидает. И она уже нарисовала себе сцены в подвале и в спальне, чтобы заранее подготовиться. Но по-настоящему подготовиться к кошмару невозможно.

Сначала она спустилась в подвал, следуя предполагаемой хронологии событий. По логике, убийца сначала покончил с мужем. Ники уселась напротив трупа и положила рядом слоненка.

Что-то не складывалось в этой истории. Убийце нужен был зритель. Он показал это во время первого преступления, приклеив скотчем веки мужа так, чтобы тот все видел. Почему же на этот раз муж оказался в подвале? Ники догадалась быстро. Убийца отрубил электричество, и Джон спустился проверить пробки. Там убийца его оглушил и связал. Потом оставил дверь открытой, чтобы Джон мог слышать крики и взрыв. Расправившись с Морганой, убийца вернулся, положил на колени несчастному ее отрезанные руки в виде букета и пырнул его ножом. Обручальное кольцо Джона было у него на пальце, но кольцо невесты пропало.

Никакого скотча на глазах. Глаза жертвы были по-прежнему открыты. Ники приказала не закрывать их. Так она могла прочесть его взгляд. Но она не обнаружила в нем страха. Только непонимание. Возможно, оно еще хуже страха, подумала Ники.

В спальне все было куда ужасней. Каким бы пугающим ни был труп, это все-таки человеческое тело. Но ви-

деть вместо тела кровавую кашу для Ники было невыносимо. Комната была вся забрызгана кровью, тут и там валялись засохшие ошметки кожи. Ники принялась искать какой-нибудь лоскут фаты, чтобы повязать себе на запястье, как она поступила с ленточкой первой жертвы, Тины. Ленточка и сейчас была на ней. Ники нашла один лоскуток, повисший на стене, когда тело разорвало на куски, и намотала себе на руку. Затем она села напротив кровати. Слоненок по-прежнему был при ней. Каждый раз, когда накатывала тошнота, она смотрела на него и обо всем забывала. Его веселые глазки и мягкий, округлый силуэт успокаивали ее. Вавилон был единственным, кто еще мог уносить ее в мир грез. Ни у одного мужчины это не получалось.

Моргана обставила комнату со вкусом. Стильный дизайн, ничего лишнего, но без особой фантазии. Ники невольно подумала, что тело новобрачной послужило фейерверком, только цветные вспышки были из крови и плоти. Совершенно очевидно, что убийца люто ненавидит женщин. Особенно невест. Вот в чем смысл этой чудовищной мизансцены.

Ники закрыла глаза и сидела, не думая ни о чем. Она ждала дуновения, того самого странного ветерка, который всякий раз прилетал из окна или из коридора. А иногда и бог знает откуда. Сейчас он принес с собой запах цветов.

Ники спустилась на первый этаж. Оглядела каждый букет. Ко всем были приколоты визитки и поздравления. В середине одного из них она обнаружила картинку. Распятая женщина с исступленным взглядом и отрезанными руками, как у Венеры Милосской... Ники хорошо знала эту странную куклу из склеенных кусочков ткани и разных предметов. "Распятие" Ники де Сен-Фалль.

Между ней и убийцей разворачивалось подобие шахматной партии. И Ники знала, чем все кончится, если она проиграет...

31

— И все-таки, шеф, не понимаю, как эта записка попала из кармана клиента Коко ко мне...

— Честное слово, Барн, ты не думаешь, что тебе стоило бы сосредоточить остатки ума на более важных вещах. Например, на убийствах, которые на нас висят? — вздохнул Линч.

— А вдруг тут есть связь?

— Да ты бредишь! Какое отношение любовное письмо шлюшки может иметь к убийству новобрачных? Тем более что они наверняка и не знали друг друга. Иногда я просто перестаю тебя понимать. Чушь собачья! Такое впечатление, что я единственный нормальный человек в этом расследовании. Потому что Ники в этом плане ничуть не лучше тебя.

— Вы знаете, что я о ней думаю. Зануда она. Но в деле себя показала, хоть у нее и странные методы.

— Это точно, — согласился Линч. — А вот ты себя пока никак не показал. Так что мой совет — не теряй головы!

Раздосадованный Барн принялся усердно точить карандаши.

Линч разложил на столе материалы дела и принялся серьезно их изучать. Согласно отчету экспертов, на месте второго преступления обнаружены следы ботинок сорок третьего размера. Тоже мне улика... Даже не доказывает, что убийца — мужчина, есть ведь и женщины с большими ногами! Волосы, найденные в квартире, принадлежали новобрачным, как показал анализ волос на щетке в ванной. Интересно, были ли обе пары знакомы между собой, подумал Линч.

— Барн, надо проверить всех людей, связанных с жертвами. Может, они как-то пересекались друг с другом.

— Я уже проверял. Ничего общего.

Линч снова погрузился в досье. Его понемногу охватывало отчаяние. Он ненавидел, когда дело топталось на месте. Ни одной толковой зацепки, несмотря на все поиски. Со своей стороны Ники тоже сделала кое-какие выводы, которые, по крайней мере, помогли установить хронологию фактов. Она также указала на то, что, как и в первом случае, обручальное кольцо невесты пропало, и напомнила, что маньяки часто имеют привычку оставлять себе какой-то предмет, принадлежавший жертве, или прихватывают с места преступления какую-нибудь без-

делушку. Как трофей. Сувенир, который напоминает об удовольствии в момент убийства.

Линч вдруг вспомнил о золотом кольце, которое нашел во встроенном шкафчике квартиры напротив. Оно так и лежало у него в кармане. Линч сунул туда руку и выудил кольцо из вороха всякой всячины, оттопыривавшей карманы с обеих сторон. Положил кольцо на стол, взял лупу и попытался разглядеть надпись на внутренней стороне. Там было написано: "Бетти и Трумэн 13.2.88"

Это не имело ничего общего с убийствами, но Линч заинтересовался. Конечно, он сам только что просил коллегу не отвлекаться от расследования на личные проблемы и должен был показать пример. Да... Но когда советуешь людям не курить, это ведь не значит, что сам должен бросить. К тому же Барн ничего не узнает!

Линч дал задание молоденькой стажерке, которая явно скучала над грудой бумаг. Велел ей выяснить все, что возможно, об этой паре. Стажерка широко ему улыбнулась. По ее взгляду Линч понял, что, захоти он, завтра они вполне могли бы проснуться в одной постели. Но она была еще совсем девчонкой.

32

Из-за постоянных размышлений о том, что творится в головах серийных убийц, Ники из своей собственной головы вытеснила все воспоминания. Ее память наполняли преступления, крики и кровь. Никто больше никуда ее не приглашал — ни выпить в баре, ни провести вместе ночь. Как давно она не занималась любовью? Так давно, что делалось страшно... А ведь ей этого хотелось. Просто так. Небольшое, ни к чему не обязывающее приключение, в каком-нибудь дешевом отеле или даже на лестнице. Просто чтобы снова почувствовать себя желанной. Только кто захочет трахаться с женщиной, для которой даже утренний кофе отравлен убийствами и которой по ночам снятся ножи?

Ники становилась раздражительной по мере того, как отказывалась от всех желаний в пользу расследований. Она часто задавалась вопросом, какое занятие избрала бы, не стань она профайлером. Наверняка что-нибудь, связанное с риском. Что-то такое,

чему посвящаешь все мысли, всю жизнь, и нет времени остановиться и подумать о себе. Чтобы уметь погружаться в чужие души, собственная душа должна быть скрыта непроницаемым мраком. Вероятно, именно это и позволяло ей не испытывать ненависти к убийцам и улавливать какие-то вещи. Ее сердце переворачивалось не от чудовищности содеянного, а от сочувствия к жертвам и их родным.

Ники разложила картинки у себя на столе. Рядом лежал Вавилон, немой свидетель ее расследований. В этом доме он был самым дорогим для нее предметом. Но Ники знала, что однажды ей придется расстаться с ним. Вероятно, когда она решит изменить свою жизнь.

Она принялась внимательно рассматривать "Венеру Милосскую с ящиками". Почему эта работа Дали, а не что-то другое? Маленькие выдвижные ящики незаметно, но неумолимо будоражили воображение. Для чего они? Что в них спрятано? В одной статье, посвященной "Венере с ящиками", упоминался Гераклит, чья философия основана на идее движения, порожденного борьбой противоположностей.

Ники привыкла рассматривать любые версии, даже такие, которые заведомо не имели ничего общего между собой. Любила докапываться до мельчайших подробностей. В этом убийце определенно существовала какая-то двойственность, какое-то противоречие. Но разве не все мы так многолики? Способны на худ-

шее или на лучшее, в зависимости от обстоятельств. Ники считала, что убийство способен совершить каждый, будь то ради спасения дорогих людей или собственной шкуры. Но гнусные преступления совершают те, кому неведомы угрызения совести. В конце концов она стала считать это чем-то вроде болезни, причем неизлечимой.

В статье, посвященной творчеству Дали, также говорилось о танталовых муках...

Ники принялась вспоминать лекции по греческой мифологии. Тантал, любимец — и, возможно, сын — Зевса, злоупотребил благосклонностью олимпийцев и похитил яства, предназначенные богам, чтобы угостить ими смертных. Но потом поступил еще ужасней. Чтобы испытать всеведение богов, он убил одного из детей Зевса и накормил его этим мясом. Тушенным с овощами... В наказание Зевс приговорил Тантала к вечным мукам от голода и жажды. До еды и питья рукой подать, но всякий раз, когда Тантал хочет напиться, вода отступает. А когда тянется сорвать плод с дерева, ветки поднимаются. Вокруг изобилие, но Танталу никогда его не вкусить.

Ники сделала вывод, что убийца тоже чем-то навлек на себя гнев — божественный или земной. Все равно. Что до счастья было рукой подать, но его у него отняли. А фрустрация может толкнуть на преступление.

Ники чрезвычайно интересовало творчество Ники де Сен-Фалль. Возможно, поначалу потому, что они

тезки. А потом полюбила ее за яркие и смелые работы, за искорку детства в них и за удивительный "Сад Таро", в котором она побывала во время поездки в Тоскану.

"Распятие" представляет женщину во всех ипостасях: она одновременно мать с приклеенными к груди игрушками, шлюха с раздвинутыми ногами и черной шерстью на лобке и домохозяйка в бигудях. Мрачный образ этой женщины с отрубленными руками контрастирует с цветастыми лоскутами, в которые она частично одета.

Ее искаженное восторгом лицо ничего не выражает. Ни боли, ни удовольствия. Если большинство убийц наслаждаются мучением своих жертв, то некоторые совершенно к этому равнодушны. Таким приятно сознавать себя богом, наделенным властью нести смерть. Другие сохранили бессознательную жестокость с детства. Вроде того, как дети обрывают бабочкам крылья и разрубают на части дождевых червей. Ники помнила, что в детстве тоже этим занималась. А еще срывала с улиток раковины. Думала, что освобождает их из тюрьмы. А на другой день находила их мертвыми.

Некоторые убийцы не могут выжить после выхода на свободу.

А Ники могла жить только свободной. Наверно, поэтому она и посвятила свою жизнь преследованию убийц. И чтобы искупить вину за улиток...

33

Линч шел от Коко. На этот раз она устроила ему целое представление. Сама предложила, попросив за это щедрую плату. Захотелось вдруг вознестись к звездам. С тех пор как он замечтался о молоденькой стажерке, к нему снова вернулось безрассудство и молодость. Как и все самые сладкие мечты, она была ему недоступна. Прежде всего потому, что чересчур молода. Хотя... Он встречал множество взрослых мужчин, да и просто стариков в компании юных Лолит, улыбающихся и соблазнительных, которые вовсе не выглядели несчастными, а даже наоборот. Конечно, тут дело в деньгах. Хотя не каждая на такое пойдет. Но с ним, по крайней мере, все ясно: денег у него нет. То есть хватает на жизнь без излишеств в скромной квартире — жизнь старого холостяка, который никогда не берет отпуск. Да и вообще такие связи ему отвратительны.

Линч всегда старался не смешивать работу и секс. Но с тех пор, как однажды переспал с секретаршей,

когда допоздна засиделся над делом, а она вернулась за забытыми ключами, его принципы поколебались, и он уже не был к себе так строг.

Линч остановился перед большим зеркалом парикмахерской на углу и поглядел на себя. А он еще ничего. Вполне обаятельный и даже привлекательный, когда не ленится побриться. Ярко-голубые глаза выделялись на его матовой коже и всегда были его главным инструментом обольщения. Рост тоже. Рядом с высоким мужчиной женщине всегда спокойней.

Трахая Коко, он закрыл глаза и думал о стажерке. О ее губах, еще не отвыкших сосать леденцы, и о ямочках на щеках. Ее детская наружность вызывала у Линча желание ее защитить. Он представлял себе, как купает ее перед сном и рассказывает ей на ночь сказки. Быть может, потому что у него не было детей. А может, потому, что он сам в глубине души оставался ребенком. Мальчиком со стеклянными шариками в карманах.

— Ну конечно, вы еще очень ничего! Я бы такому не отказала! — раздался голос у него за спиной.

Линч обернулся. Это была Каллас, соседка из дома напротив, затянутая в бархат, как перевязанный ниткой бифштекс. На шее гирлянды фальшивых побрякушек, морщинистая, как у шарпея, кожа зацементирована слоями грима. Точь-в-точь как потрескавшаяся бонбоньерка. От ее дешевых затхлых духов Линчу стало тошно, и он отступил назад.

— Хочу слегка марафет навести, — прошелестела она, взбираясь по двум ступеням в парикмахерскую.

Линч чуть не ляпнул, что это все равно не поможет. Что даже если руины и покроются цветами, они все равно останутся руинами. Но он сдержался и обругал себя мерзавцем. В конце концов, почему бы и нет, если это поднимет ей настроение!

— Обожаю, когда мне голову тискают. И все остальное! — добавила она, глядя ему прямо в глаза.

Линч прикинулся, что намеков не понял, и поспешил сменить тему. Спросил, не знала ли она Бетти и Трумэна, обитавших в квартире над ней, возможно, еще до повесившейся старой девы.

— Ну да! Теперь вспоминаю. Они приходили смотреть квартиру и хотели там поселиться после свадьбы. Но им так и не пришлось там пожить, беднягам...

— А что произошло?

— Кажется, она его бросила накануне свадьбы и сбежала с другим. Вот ведь дрянь! Ждала ведь до последнего!

— Уж лучше развязаться до, а не после, — заметил Линч.

— Когда поворачиваешь назад, ничего хорошего не бывает. Заранее надо думать. Дала слово — держи. А то несчастий не оберешься.

— И что с ними стало?

— С ней — не знаю. А он погиб в авиакатастрофе. Они купили билеты, чтобы лететь в свадебное путешествие, и он все-таки поехал туда один, на Сейшелы. Самолет разбился. Никто не выжил. Это мне

привратник рассказывал. Я-то газет никогда не читаю. Чушь одна. Уж лучше журналы про знаменитостей. Кстати, как думаете, мне пойдет наращивание?

— Что?

— Ну, волосы хочу нарастить. Знаете, как Шэрон Стоун. На той неделе она была с короткими волосами, а сегодня они у нее до пояса. А еще хочу в блондинку покраситься. Парикмахер сказал, что у меня форма лица, как у нее, и что будет смотреться сногсшибательно.

Ну и дурак же я, подумал Линч. Передо мной вылитая Шэрон Стоун, а я даже не разглядел!

— Ну, так как по-вашему? — не унималась Каллас.

— А! Да, да... Вам это очень пойдет!

— Не забудьте, вы всегда на моих концертах желанный гость, — заворковала старуха. — Ваше место всегда за вами.

И вошла в парикмахерскую, сложив губы сердечком. Если, конечно, так можно назвать рот в форме куриного зада.

34

— Алло, папа?

— Как дела, мои хорошие?

Барну так приятно было услышать голоса дочерей. Он очень скучал по ним.

— Хорошо, пап, не волнуйся. Но бабушка так невкусно готовит. В рот не возьмешь!

— А разве не мама готовит?

— Нет. Она говорит, ей надоело быть домохозяйкой, у нее есть другие дела.

— Надо же? Какие? — удивился Барн.

— Не знаю. Всякие.

— Ну и обнаглела же она, не кормить вас... Она дома?

— Да.

— Можно ее?

— Она сказала, что не хочет с тобой разговаривать.

— Да уж, это лучший способ вести диалог. Класс! Да здравствует взаимопонимание.

— Пап... Нам пора вешать трубку!

— Простите, я не хотел. Будьте умницами и передайте маме, что ее место по-прежнему дома. Люблю вас.

Барн повесил трубку. В горле стоял комок. Дом казался таким пустым. Он скучал даже по сварливой домработнице. И куда она запропастилась! Ничего, рано или поздно объявится. Стервы что клопы, вцепляются мертвой хваткой. Хорошо хоть кот есть...

Было воскресенье, и Барн не знал, куда себя деть. В будни еще куда ни шло. Он ходил на службу. А сейчас он чувствовал себя неприкаянным.

Барн натянул плащ и решил проведать Лорену. Он купил клетку для переноски кота, которого все-таки решил звать Миднайт, чтобы не спорить с миссис Плим. Но все равно бред. "Пусси" или "Феликс" звучало бы куда лучше. А это имечко, мягко говоря, странное. Да и сама миссис Плим, разве нет? Ладно, по крайней мере, он сделает доброе дело, навестив Лорену. Барн был уверен, что ей будет приятно увидеть кота своей дочери.

У него сжалось сердце, когда он вошел в психиатрическую клинику. Здесь пахло лекарствами и чистящим средством. Расставленные повсюду цветы почему-то придавали обстановке еще большую мрачность. Они больше походили на траурные венки, чем на весенние букеты. Больные двигались словно лангусты, выброшенные на сушу. Одни раскачивались взад-

вперед, другие жались к стене. Точно насекомые в ловушке. От безумия никто не застрахован. У Барна был друг, у которого спятила жена. Словно корабль вдруг дал течь. Бац! И вся ее жизнь, как и жизнь ее близких, пошла под откос. Остались лишь воспоминания, нанизанные на нитку, протянутую над пропастью. Она была красива по-прежнему, но это была красота овоща.

— Анри! Это Анри! — раздался крик.

Та же маленькая старушка бросилась к Барну и уцепилась за полы его плаща. Барн уже хотел возразить ей, но встретился взглядом с медсестрой.

— Вы мне кое-что обещали, помните?

— Да... И что мне делать?

— Просто не мешайте ей.

Барн наклонился к старушке и поцеловал.

— О мой мальчик! Как же я рада тебя видеть! Но зачем ты постригся! Где твои очаровательные белые кудряшки?

— Э-э...

— Ну ничего. Ты все такой же красивый. Но я все-таки сержусь на тебя! Ты должен был прийти на мою свадьбу!

Барн в замешательстве глянул на сестру.

— У нее в голове все смешалось. Она не способна расставить события по порядку. Ну что, миссис Бансон, погуляем в саду?

— Мне не нравится гулять.

— Тогда посмотрим телевизор.

— Мне не нравится телевизор.

— Прекрасно, — сказала сестра. — Тогда бай-бай!

— Мне не нравится...

— Так что же вам тогда нравится? — осведомилась та, теряя терпение. — Вот наказание! — добавила она, глядя на Барна.

— Я хочу на бал. Ты отвезешь меня на бал, Анри?

— Да, сейчас поедем, — пообещал Барн.

— Не нужно было ей этого говорить, — вздохнула сестра. — Без того проблем хватает! Спасибо!

И она повела старушку в ее комнату.

— Я пытаюсь помочь, и мне же еще хамят, — проворчал Барн. — Хоть бы инструкции раздавали, что можно говорить, что нельзя...

Он подумал, что с течением времени больные начинают влиять на персонал. Очень трудно сохранять душевное здоровье среди такого скопища безумцев.

Лорена сидела в своей палате на том же месте, что и в прошлый раз, напротив окна с видом на кирпичную стену. Как и в прошлый раз, она была одета как маленькая девочка: голубые носки и резинки для волос с розовыми пластмассовыми шариками.

— Здравствуйте! Как дела? — приветствовал ее Барн, стараясь придать голосу бодрости.

Она не пошевелилась, и Барн встал прямо перед ней. Она посмотрела на него пустыми глазами. По подбородку тянулась струйка слюны.

— А я к вам с сюрпризом!

Он поднял клетку, чтобы она могла увидеть кота.

— Кот! Кот! — закричала Лорена, вдруг оживившись, как заводная игрушка, в которой повернули ключ.

Тук! Тук! В палату заглянула женщина лет шестидесяти.

— Не помешаю?

И, не дожидаясь ответа, вошла.

— Здравствуйте, — сказала она, протягивая руку Барну. — Я соседка Лорены. Наши дома рядом. Я ее навещаю каждое воскресенье. Она всегда была так добра ко мне... О, вы своего кота принесли?

— Это... Это кот ее дочери. Я его подобрал.

— Боже мой! — вздохнула соседка, осеняя себя крестным знамением. — Бедная Тина! Какой же ужас. И муж ее... Такой славный парень!

Она наклонилась к Лорене и сказала:

— Смотри, кто здесь! Это Миднайт!

— Как вы его назвали?

— Миднайт, а что?

— Странно, миссис Плим, моя домработница, тоже прозвала его так, хотя не знает его имени.

— Миссис Плим? Да она знает его! Она же работала у Лорены. А иногда у ее дочки... Стоило ей прийти, как Миднайт прибегал и терся об ее ноги, а она на него злилась! Он ее как будто умаслить хотел. А у меня собака. И знаете, откуда она?

— Нет, — отвечал Барн, которому было это интересно как прошлогодний снег.

— С большой ночной барахолки!

Барну нравился этот обычай выбрасывать из окон ненужные вещи. Раз в году, в ночь летнего

солнцестояния, улицы заполнялись всевозможными вещами — полезными, необычными, в прекрасном состоянии или потерявшими всякий вид... По городу запрещалось ездить на машине, и до полудня каждый мог брать все, что хотел. Потом приезжали большие мусоровозы, увозили оставшееся, и порядок восстанавливался.

— Нет, вы представляете? Выбросить животное в окно? Бедняга, у него была лапа сломана. Какой-то тип даже тещу свою так выкинул! Старушку нашли спящей в инвалидном кресле на тротуаре рядом со шкафом. Пьяной в стельку! Прежде чем от нее избавиться, он ее напоил. А самое ужасное знаете что?

— Нет.

— Никто ее не забрал!

— Почему же вы ее не подобрали? — спросил Барн.

— У меня уже был пес! Куда ж еще... Представляете, стоит ему увидеть почтальона...

— Извините, но мне нужно идти! — перебил Барн, посмотрев на часы.

Он знал этих старых кумушек, у которых язык без костей, и постарался поскорей улизнуть. Мало что нагоняло на него такую скуку, как рассказы людей о своих домашних животных.

Он махнул рукой Лорене и пожал узловатую руку соседки. Затем быстро прошмыгнул по коридору, чтобы не встретить старуху, принимавшую его за сына.

Ему представилось, как она сидит на кровати и ждет его, чтобы идти на бал. А он бросил ее, мечтающую о блестящих нарядах и мелодиях вальса.

Переходя улицу, он вдруг задумался, почему домработница его обманула. И не заметил мчавшуюся на него машину.

35

Войдя в лечебницу, Линч поднял воротник куртки, словно заслоняясь от всего окружающего. Это заведение угнетало его. Все здесь было стерильным и словно замороженным. Больничная белизна напоминала свет, о котором рассказывают побывавшие на краю смерти.

Врач назначил ему встречу. Его брата, Фрэнки, до сих пор так и не нашли.

Линч остановился возле стойки, где болтали две медсестры. Одна страшнее другой, подумал он. Та, что потолще, объявила о его приходе доктору Хофману, который ждал у себя в кабинете в конце коридора. Линч знал дорогу.

Кабинет психиатра был строгим и голым, только несколько старых бюстов на шкафах. Никакого уюта. Да и врач выглядел не лучше: белый фартук и ма-

ленькие очочки на шишковатом носу. Редкие волосы и тонкие, как папиросная бумага, губы.

— Садитесь, — пригласил доктор, указывая на потертое замшевое кресло. — Я вас вызвал, так как положение тревожное. Думаю, вы не осознаете всей его серьезности...

— И в чем же его серьезность? — удивился Линч.

— Так я и думал... Большинство людей, чьи близкие содержатся у нас, не хотят видеть правды. Так спокойнее, я понимаю. Иногда это действительно так. Но ваш брат может быть по-настоящему опасен...

— На каком основании вы это утверждаете? — не выдержал Линч. — Человек, который строит домики из коробочек, вряд ли представляет угрозу для общества! Я знаю, о чем говорю, потому что каждый день имею дело с убийцами.

— Я знаю, что вы полицейский, — кивнул врач. — А значит, как никто другой должны знать, что внешность часто обманчива! В вашем брате есть некоторая наивность, поэтому он выглядит невинным созданием. Но мы тщательно проанализировали его поведение и провели все исследования. Вам известно, что он под постоянным наблюдением и в его палате есть скрытая камера?

— Я этого не знал, — признался Линч, слегка шокированный этим открытием.

— Его манера поведения очень странная. Он может часами чем-то заниматься, оставаясь в собственном замкнутом мире, но затем внезапно превращается в "нормального" человека, по крайней мере с виду.

Именно в это время он и становится чрезвычайно опасным, потому что никто его не остерегается. Короче говоря, пока он пребывает в мире детства, он безвреден, но стоит ему его покинуть, как это совсем другой человек. Способный на самый зверский садизм.

— То есть вы утверждаете, что мой брат шизофреник, так?

— Не совсем. Временами ему свойственна некоторая спутанность сознания и раздвоение личности. Это очень редкий случай. Я объясню... Обычно взрослый психопат не переносит ни малейшей фрустрации, что делает его способным на самое худшее. Что чувствуют его жертвы, не имеет для него ни малейшего значения. Для него главное — удовлетворить сексуальную потребность или жажду мести. Однако психопатия не является душевной болезнью, это просто более или менее серьёзное отклонение от нормы. Психопат способен контролировать свое поведение, чтобы добиться цели. Он может быть добрым и внезапно измениться, как ваш брат. Но Фрэнки не расчетлив. По крайней мере, мы полагаем, что он переходит из одного состояния в другое помимо своей воли. И его поступки не имеют реальной цели. Наблюдения показали, что в нем нет ни жажды мести, ни сексуальных желаний. И это позволяет думать, что у него очень редкое заболевание мозга, о котором мы, к сожалению, мало знаем. Поэтому, в отличие от психопатов, Фрэнки нельзя считать ответственным за его поступки.

Слова психиатра не особенно убедили Линча. Все-таки он лучше знает брата, чем этот врач со своей ученой абракадаброй!

Видя, что тот не верит ему, доктор Хофман вставил в плеер кассету и включил телевизор. Линч увидел Фрэнки, который мирно строит иглу в общей комнате. Он действительно напоминал мальчика, который с увлечением играет. Линч позавидовал. Вот бы и ему сохранить такую беззаботность — хотя бы затем, чтобы крепко спать по ночам. А не напиваться до чертиков, чтобы потом видеть кровавые сны. Вдруг его брат встал и направился в свою палату. Там он изменил прическу, зачесав волосы назад, побрился, надушился и сменил растянутый свитер на рубашку. Это был уже совсем другой человек! Даже выражение его лица изменилось. Линча ошеломила эта метаморфоза. Как и внезапное сходство с ним самим. Блуждающий взгляд исчез как не бывало. Он уже не терялся в заоблачном мире, а смотрел совершенно осмысленно!

Фрэнки вышел из палаты и вежливо поздоровался с посетительницей, которая ему широко улыбнулась. У нее на руках сидел песик. Фрэнки погладил его. Дама продолжала улыбаться, довольная, что кто-то обратил внимание на ее "малыша".

— Я иду проведать тетю, — сказала она. — Тетя не очень любит животных. Они ее раздражают. Но мне пришлось его взять. Элиот терпеть не может оставаться дома один.

— Если хотите, я прогуляюсь с ним по парку, пока вы будете у нее, — предложил Фрэнки.

Линч был поражен тем, как свободно он сейчас говорил, хотя всегда заикался.

— Это очень любезно, — сказала дама. — Но вы, наверное, тоже к кому-то пришли...

— Пойду чуть позже, я не спешу. И я обожаю животных! Он такой милый... Так бы его и съел!

Дама расцеловала песика и с полным доверием вручила его Фрэнки.

Тот взял его и исчез в бойлерной. На этом запись обрывалась...

— Эта дверь всегда заперта на ключ, который есть только у персонала, — пояснил врач. — Само собой, камер там нет, поскольку это помещение недоступно для больных. До сих пор не понимаю, как он сумел раздобыть ключ!

Хофман вытащил кассету и вставил другую.

— Это продолжение, приготовьтесь, — предупредил он.

Линч увидел брата. Тот снова был у себя в палате и сидел за столом у окна. Его белая рубашка была забрызгана красным... Фрэнки пожирал собаку, раздирая ей зубами живот. Он окунал лицо во внутренности несчастной твари и поднимал голову с полным ртом кишок, которые жевал с явным удовольствием. Он съел все, даже шерсть. Оставил только голову, которую спрятал в железную коробку. Потом умылся и переоделся. Стал "другим" в своем бесформенном свитере и с растрепанными волосами. Он вышел из палаты и столкнулся с дамой, которая металась в панике, ища своего пса. Фрэнки она даже не узнала.

И он преспокойно вернулся в общую комнату, где снова принялся строить иглу.

На Линче не было лица. Его тошнило, и он пытался убедить себя, что все им увиденное — неправда. Плохой фильм. Просто плохой фильм...

— Вот так, — сказал психиатр. — Должен сказать, что эта болезнь может передаваться по наследству и проявляться неожиданно в любом возрасте, так что человек даже не отдает себе в этом отчета... У вас у самого никогда не было провалов?

— В смысле? — насторожился Линч.

— Моментов, похожих на черные дыры. Это еще может выражаться в галлюцинациях. Вам кажется, что вы видите то, чего на самом деле не существует.

— Нет, — соврал Линч.

Не станет же он ему рассказывать, что женщины, которая раздевалась в окне напротив, не существует! И вообще некоторые верят в призраков... Нет доказательств, что они существует, но ведь нет доказательств и обратному! Впрочем, один призрак он только что видел: своего брата.

36

— Вам повезло! Даже легкого сотрясения нет, — объявил рентгенолог.

— Да уж, повезло попасть под колеса, — пошутил Барн.

— Если серьезно, вы могли там и остаться, мой друг. Мне ежедневно привозят зазевавшихся пешеходов, которые потом отправляются прямиком в морг. В следующий раз будьте внимательны!

— А где мой кот? — забеспокоился Барн.

— Ваш кот? Я не знаю...

— Я нес кота в клетке! Надеюсь, этот ненормальный не раздавил его!

— Может быть, клетка упала, раскрылась и кот убежал?

— Кто меня сюда привез?

— Кто-то позвонил, наверное, прохожий, и за вами приехала скорая. Вы лежали без сознания на тротуаре.

— А водитель?

— Кажется, он даже не остановился!

— Сволочь! — проворчал Барн.

Он со многим готов был мириться, со всякими странностями, но только не с бесчеловечностью.

Перед уходом из больницы он задержался в приемной, чтобы узнать, кто им звонил. Ему хотелось поблагодарить этого человека и спросить, не видел ли он кота. А заодно узнать, не сможет ли он описать сбившую его машину. Его отослали к администратору.

— Когда и в котором часу был звонок?

— Вчера ближе к вечеру, около четырех часов, кажется.

— Ммм...

Телефонистка, вздохнув, пощелкала по клавиатуре компьютера. Работать ей было явно неохота. Она нацарапала на клочке бумаги номер телефона и устало протянула его Барну.

— У вас что-то вот здесь, — сказал он, указав на уголок губ.

— Что? — спросила она, вытирая рот.

— Ничего. Улыбка, которая потерялась.

Она осталась сидеть, тупо глядя перед собой. Большие глаза, большая грудь и скудный умишко. Барну такие не по вкусу.

Он никому не рассказал про несчастный случай, потому что не хотел, чтобы это дошло до жены. Подумает еще, что он от отчаяния бросился под машину. Еще чего не хватало.

По дочкам он скучал, но по жене уже не очень. Он начал привыкать к холостяцкой жизни. Вечером он пойдет развеяться к Коко. Барн думал об этом не без удовольствия. Единственное, что его смущало, — сознание того, что с ней спит его шеф. Ну и ладно, подумал Барн, в конце концов, это сближает!

Он еще не оправился от стресса и решил взять выходной, чтобы отдохнуть. Позвонил на работу с мобильного и попросил предупредить Линча. "Ничего страшного, — уточнил он. — Скажите, что у меня приступ гастрита, завтра буду как огурчик".

Вернувшись домой, Барн с удивлением обнаружил пылесосившую домработницу.

— Надо же, вы вернулись? — крикнул он.

— Не смогла предупредить. Уезжала к родным, — ответила она, не выключая свою адскую машину.

— А телефона там нет?

— Нет.

— Ты смотри, наверно, это где-то на Марсе!

Она не ответила и продолжала пылесосить, пока Барн не вытащил вилку из розетки. Миссис Плим выпрямилась и воззрилась на полицейского горящими глазами.

— Можете объяснить, откуда вам известна кличка кота?

— Я уже говорила.

— Вы солгали. Я видел Лорену. Я знаю, что вы работали у нее. А также у ее дочери...

— Да, правда. Не указывать же это в своем резюме! И без того трудно найти место, а уж если работал у покойника...

— Похоже, вы недолюбливали ее дочь!

— Ну, знаете, любить я никого не люблю. Делаю свою работу, и все. За чувства мне не платят.

— Это понятно, — согласился Барн. — Вы, в общем, что-то вроде робота-уборщика!

— Вот именно.

И она снова воткнула вилку в розетку.

— Скажите, а вы, случайно, не видели Миднайта? — спросил Барн.

— Видела. Он утром сидел у двери. Я его заперла наверху.

Барн поднялся в спальню. Кот прятался под шкафом. Барн сел на кровать и поскреб покрывало, чтобы котяра выскочил. Но тот остался в своем убежище. Барну пришлось встать на четвереньки и вытащить кота из-под шкафа. Тот понемногу успокоился и замурлыкал у него на руках.

Барн принял душ и переоделся. Потом набрал номер прохожего, который позвонил в больницу. Ему ответил нежный голос.

— Здравствуйте, — сказал Барн, — я хотел поблагодарить вас за вчерашнее. Это меня сбила машина.

— У вас все хорошо?

— Да, ничего не сломано.

— Я испугалась.

— Приятно знать, что еще есть люди, которые заботятся о других.

— Это естественно.

— Так должно быть, но это уже вышло из моды, — заметил Барн. — Кстати, вы не видели, кто меня сбил?

— По-моему, это было такси. Но больше ничего не могу сказать.

— Неудивительно, они носятся как сумасшедшие!

— И еще неподалеку валялась открытая клетка...

— Это моего кота, — сказал Барн. — Он убежал и сам вернулся домой. И как только дорогу нашел!

— Инстинкт.

Голос был такой нежный, что Барну хотелось спрашивать еще и еще, чтобы подольше его слушать.

— Можно пригласить вас ужин в знак благодарности? — отважился он.

— Почему бы и нет?

— Сегодня вечером в восемь?

— О'кей!

— В "Мартовском зайце", у собора, идет?

— Замечательно.

— Вы увидите, черепаший суп — это объедение.

— До вечера, — попрощалась она.

Положив трубку, Барн вспомнил, что забыл спросить, как она выглядит. Он даже имени ее не знал! Перезванивать было бы глупо, и он решил, что будет даже интересно угадать ее среди остальных посетителей.

А к Коко можно сходить как-нибудь в другой раз. Или же после ужина... Смотря как сложится вечер. Если у той, которую он пригласил, голос

соответствует внешности, она должна быть красоткой!

Весь день Барн отдыхал, смотрел телевизор и давал волю фантазии. Он слышал, как внизу миссис Плим убрала свои вещи в шкаф. Хоть бы до свидания сказала! Хлопнула входная дверь. Барн решил за ней проследить..

Женщина шла быстро. Спустилась в метро. Он за ней. Вышла через четыре остановки. Барн видел, как она вошла в грязную многоэтажку под номером 21 на авеню Белой Королевы. Выждав немного, он вошел следом.

— Эй! Куда направляетесь? — раздался визгливый голос.

Возле привратницкой стояла женщина в бигудях.

— К миссис Плим.

— Кто это?

— Миссис Плим, — отчетливо повторил Барн.

— Не знаю такую.

— Да знаете, она только что вошла. Она уборщица.

— А, да! Только она здесь не живет! Работает в квартире на шестом этаже.

— Она работает по ночам? — удивился Барн, так как время приближалось к семи часам.

— Что хочет, то и делает, меня не касается. Он-то тоже иногда по ночам вкалывает.

— Да? А чем он занимается?

— Вы из полиции?

— Нет, я журналист.

— Без разницы. Все равно ищейка.

На тебе! Эту дамочку трудно задобрить! Барн достал из кармана купюру и протянул ей. У ведьмы тут же, словно по волшебству, развязался язык.

— Он таксист и живет один. Никогда не разговаривает. Ни словечка. Наверно, потому и просит уборщицу приходить, когда его нет. Ладно, у меня работа! Спокойной ночи!

И она скрылась в своей каморке.

Таксист... А если это тот самый, что его сбил? Догадка показалась Барну нелепой. У него уже крыша едет. В Пандоре полно таксистов! Он остановил одного, чтобы ехать в ресторан, где, возможно, ждала женщина его мечты. Он воображал ее такой же красивой, как ее голос. Движения мягкие. Шелковые чулки, облегающее платье. Глаза горной серны, как у Авы Гарднер в "Босоногой графине". Барн взглянул на себя в зеркало заднего вида, причесался. Поправил ворот рубашки. Он никогда не пользовался одеколоном. Полицейский инстинкт, чтобы остаться незамеченным. Не обнаружить себя. Через стекла такси он смотрел на светящиеся фонари, похожие на бенгальские огни.

37

Линча преследовал образ Фрэнки, пожирающего собаку. Он никак не мог осознать, что это чудовище — его брат. Для него он был другим человеком. И все же...

Для очистки совести он позвонил директору лечебницы, чтобы убедиться, что Фрэнки был у себя в палате в ночь убийства первых новобрачных, Дана и Тины.

— Мы проверим по записям и вам перезвоним, — пообещал директор. — Маловероятно, чтобы он мог сбежать и вернуться, но он настолько непредсказуем... А учитывая, что он, уж не знаю как, исхитрился добыть ключ от бойлерной... В задней части здания есть выход. Он вполне мог улизнуть ночью, а потом незаметно вернуться.

— Просто поразительно! У вас там не больница, а проходной двор, — проворчал Линч.

— Послушайте, до вашего брата у нас ничего подобного не случалось. Все палаты опасных пациен-

тов, к которым относится и он, под постоянным наблюдением. Но под маской, скажем так... умственно отсталого Фрэнки — личность непредсказуемая. Вы никогда не играли с ним в шахматы?

— Гм, нет! Просто в голову не приходило. В детстве он не мог построить пирамиду из кубиков, так что говорить о шахматах!

— Если мы его найдем, предложите ему сыграть, — сказал директор. — Думаю, вы будете очень удивлены. Я вам позвоню.

Он повесил трубку, оставив Линча в полном недоумении.

В кабинет постучали. В дверь просунулась голова секретарши в ореоле рыжих кудрей, украшенных ярко-розовым бантом.

— Шеф, стажерка просила вам это́ передать, — сказала она, вручая ему папку. — Говорит, тут результаты ее расследования насчет Бетти и Трумэна.

— Эта малышка про́сто прелесть, — заметил Линч.

— Да? И что вы в ней нашли?

То, чего нет у вас, чуть не ответил Линч. Но сдержался. Не стоит настраивать секретаршу против себя. Тем более что однажды он ее все-таки трахнул...

— У нее угри, — объявила она.

Вот так! Линч всегда поражался, насколько женщины беспощадны друг к другу.

Секретарша вышла с вытянутой физиономией. Через мгновение вернулась, чтобы сказать, что Барн

заболел, у него гастрит. И неудивительно, здесь же микробы кишмя кишат. И она удалилась, хлопнув дверью. Хотя прекрасно знала, что Линч терпеть этого не может. Зараза!

Линч вздохнул. И зачем он ее завалил? Это было не просто помрачение рассудка, а настоящее самоубийство, подумал он.

Он открыл папку и узнал, что свадьба Бетти и Трумэна была отменена накануне церемонии, как и рассказывала Каллас. В рапорте также говорилось, что Трумэн сел в самолет, на котором собирался лететь с женой в свадебное путешествие на Сейшелы, самолет разбился, а все пассажиры погибли. Прилагалось плохое фото Трумэна до трагедии. Молодой человек с резкими чертами лица, что подчеркивали его черные волосы, но вполне привлекательный. Фотографий Бетти не было. Стажерка разузнала и о родне этой пары. И обнаружила, что у Трумэна была необычная мать... Она родилась без рук! В газетной статье говорилось, что она была артисткой. Выступала на ярмарках, где играла на скрипке. Скрипачка ставила перед собой табурет со скрипкой и пальцами правой ноги зажимала струны. В пальцах левой ноги она держала смычок. И исполняла цыганские мелодии лучше самих цыган! Что касается Бетти, то она потом вышла замуж за некоего Тома Дейла, фотографа.

Линч сделал вывод, что, скорее всего, это Трумэн Дэвис сунул обручальное кольцо, купленное для свадьбы, в тот потайной шкафчик в квартире, словно похоронил свою мечту.

Из-за повесившейся женщины квартира приобрела мрачную репутацию. Не в пример большинству людей, веривших, что несчастье заразительно, Линч считал, что ничто не стоит на месте и все рано или поздно переходит из тени в свет. Или наоборот. Однако эта квартира действительно таила в себе что-то странное. От нее буквально веяло смертью. Стойко, назойливо пахло смертью.

Линч не понимал, для чего он начал копаться в этом деле, по всей вероятности, не имевшем ничего общего с преступлениями, которыми он занимался. А сам рекомендовал Барну не отвлекаться на посторонние вещи! Сосредоточиться на убийстве молодоженов... Когда он был маленьким, мать советовала ему доверять интуиции. Все дороги ведут в Рим! Она верила, что какой бы путь мы ни избрали, он всегда приведет в одно и то же место, то, которое тебе нужно. Что бы мы ни делали...

Зазвонил телефон. Это был директор лечебницы. Он сообщил, что его брат убежал в ночь первого убийства. Надзиратель не заметил ничего подозрительно-

го, потому что Фрэнки спал в своей постели. Увеличив изображение, они поняли, что Фрэнки положил на кровать свернутое одеяло, чтобы создать впечатление лежащего тела.

Линч повесил трубку. И пошел блевать в сортир. Завтрак не хотел перевариваться. Наверно, кофе был слишком крепкий. Чего не скажешь о его сердце, которое болезненно сжималось в груди.

38

Собор возносил к небу свои каменные кружева. Барн вошел в ресторан "Мартовский заяц". Он чувствовал себя подростком на первом свидании. Ему хотелось постараться узнать девушку, которая его спасла, раньше, чем она его заметит. Что-то вроде игры, просто чтобы понять, способен ли он распознать главные минуты своей жизни. По правде говоря, он ходил на свидания только с женой, когда был молод. Так что сегодня это был для него великий дебют. А для нее, может быть, просто повод с кем-то сходить поесть. Не более того. Барн прогнал эту мысль. Ему хотелось, чтобы эта встреча стала прекрасной.

Он заметил молодую женщину с длинными темными кудрями, восхитительными ножками и в облегающем платье. Улыбнулся ей. Она не ответила. Может, после бледного бедняги, растянувшегося

на тротуаре, она просто не узнала его в розовощеком элегантном мужчине...

Барн даже не знал ее имени! Только номер мобильного. Можно позвонить. Но ему хотелось немного продлить игру в угадайку. Еще одна одинокая женщина сидела около окна. Казалось, она кого-то высматривает. На вид лет сорок, короткие волосы, красивая улыбка. Он уже собрался было к ней подойти, но она встала и направилась к двери, навстречу мужчине гораздо моложе ее. Барн не любил молодых мужчин. Они напоминали о том, что сам он уже не молод.

Чуть подальше какая-то нескладная толстушка принялась пристально его разглядывать. Барн чуть не сбежал из ресторана, когда, к счастью, из туалета вышел такой же толстяк и сел напротив этой коровы. Уф!

Он уже собирался сесть, когда заметил очень красивую женщину, неотрывно следившую за ним большими фиалковыми глазами. Не может быть, чтобы это была она, подумал он. Слишком красивая для меня. Несколько мгновений он смотрел на нее, прежде чем отважился подойти. Она была великолепно сложена, длинные прямые светлые волосы, персиковая кожа и сокрушительная улыбка. Что-то вроде Джулии Робертс. Большой рот и белоснежный жемчуг зубов. Нос слегка вздернут, что делало ее похожей на девчонку. Прекрасная фигура в синем платье. Барн понял, что это она. И почувствовал, что тает. Лужа, а сверху плавает шляпа. Ноги перестали ему пови-

новаться. Он застыл, не в силах произнести ни слова. Какой конфуз...

Она была не такой, как ее голос, пусть и очень нежный, она была в сто раз лучше! Гораздо красивей, чем он мог себе представить.

— Добрый вечер, — пролепетал Барн.

— Добрый вечер! Вы выглядите гораздо лучше, чем когда я вас последний раз видела.

— Это не трудно.

Да уж, румянца ему сейчас не занимать! Барн чувствовал, что он красный как рак. Будто на первом причастии. Такого с ним никогда не бывало. Он, который не верил в любовь с первого взгляда и всегда утверждал, что любовь приходит постепенно, сейчас столкнулся с совершенно обратным. Эта незнакомая девушка могла потребовать у него все, что угодно. Он готов был ползать перед ней на коленях. Даже если у нее руки в крови...

— Здесь подают отменный черепаший суп, — сказал он.

— Я знаю. Вы уже говорили это по телефону.

— И раки тоже...

Барн почувствовал, что его затягивает в какие-то дебри банальностей, и не мог завязать умной беседы. Словно его пенис раздуло так, что перекрыло голосовые связки!

— Заведение принадлежит братьям Шалтай. Они англичане, которые учились готовить в Занзибаре, —

говорил Барн, думая о том, до чего же он скучен и жалок.

Она посмотрела на него своими фиалковыми глазами, взяла его за руку и, будто угадав его мысли, сказала:

— Слова ничего не значат. Давайте чего-нибудь выпьем?

Она заказала две "Китайские ночи". Коктейль из кокосового молока, лимонного сока и личи. С большим кубиком льда. Когда лед растаял, на поверхность всплыла сложенная вчетверо записка. У Барна было написано:

Мы — вечно дети: мысль для нас страшна,
Что наконец настанет время сна.

Записка девушки с фиалковыми глазами гласила:

Отдавшись сказке яркой и живой,
Ты не услышишь бури страшный вой[1].

— Поэзией всегда лучше наслаждаться с бокалом в руке, — проговорила она.

Выпив коктейль, Барн почувствовал себя лучше. Девушка спросила, чем он занимается. И кажется, ей понравилось, что он полицейский. Сама она оказалась художницей. Это слово ей не нравилось. Она предпочитала говорить, что играет цветами.

1 Л. Кэрролл. "Алиса в Зазеркалье". Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник.

— Искусство должно оставаться игрой в первозданном виде, — сказала она.

Барн ничего не понимал в живописи. Но собирался всерьез восполнить этот пробел!

Еда была вкусной. Барн наслаждался блаженными минутами, когда сердце и желудок пребывают в полной гармонии. Ему страстно хотелось предложить ей продлить встречу. Но он не решился. Слишком рано. Ему хотелось быть джентльменом. Он воображал, что чем больше в мужчине джентельменства, тем больше он нравится женщинам.

— Это всего лишь стереотип, — сказала девушка.

— Что?

— Ничего. Мне кажется, я услышала ваши мысли, и отвечаю на них.

— Не может быть! Вы что, медиум?

— Мне уже это говорили.

Это восхитило и вместе с тем напугало Барна. Но и сам страх тоже притягивал его к ней. Эта женщина влекла к себе как магнит. Он был совершенно заворожен ее очарованием, в котором было что-то детское. Никогда раньше он ничего подобного не испытывал. Это его и радовало, и печалило, потому что он знал, что всякая страсть эфемерна и приносит страдание.

Ну и что? Уж лучше прожить несчастным остаток жизни, чем упустить единственное мгновение счастья.

Они расстались на тротуаре. Когда она исчезла в метро, Барн вспомнил, что так и не узнал ее имени.

Он немного прошелся, думая о том, существует ли эта женщина на самом деле или она ему приснилась. Ему хотелось кому-нибудь о ней рассказать. Но кому? Друзей у него не было. По крайней мере таких, кому можно излить душу. Он, дисциплинированный, образцовый полицейский, влюбился с первого взгляда... Его просто поднимут на смех, как пить дать!

Несмотря на поздний час, он решил навестить Коко. Шлюхи никогда не спят по ночам. И они все понимают.

Она открыла ему с растрепанной головой.

— Не помешаю? — спросил Барн.

— Нет, заходите. Я только что кончила работу.

Секс она называла "работой". Барну от этого стало грустно. Оттого что удовольствие втискивалось в тесные рамки и в них погибало.

Он сел на кровать. Сказал, что не станет заставлять ее трудиться сверхурочно, а просто хочет немного поговорить.

— Я не психотерапевт, — устало вздохнула Коко.

— Я знаю. Мне это и не нужно. Просто хотел тебе рассказать одну историю любви.

— Это тоже не по моей части.

— Я познакомился с ней сегодня вечером. Она такая красивая, что кажется ненастоящей.

— Гм, знаете... Никогда не встречала парня, который влюбился бы в уродину. Банальная у вас история.

— Она художница.

— Откуда вам знать, может, она малюет всякую дрянь для туристов? — насмешливо отозвалась Коко.

— Плевать! Я от нее сам не свой.

— Это видно...

— Не тебе над этим смеяться, Коко. Разве не ты рассказывала, как влюбилась в своего клиента?

— Да. В Таксиста.

— Лучше не говори про это! Один такой меня позавчера чуть не сбил. Но зато именно благодаря ему я и познакомился с этой прелестной женщиной...

— Как ее зовут?

— Не знаю, — признался Барн.

— Анекдот! А что вы о ней знаете?

— Ничего. Даже где живет. У меня только ее телефон, и все.

— Что ж, так таинственней. Чем меньше знаешь, тем больше мечтаешь.

— Ну а ты, — спросил Барн, — как у тебя с этим? Он приходил?

— Нет. Но я случайно видела его на улице. Не смогла удержаться и пошла за ним.

— И что?

— Ну, увидела, где он живет. Вот. — Коко протянула ему бумажку, на которой был нацарапан адрес: "Авеню Белой Королевы, 21".

Барн потерял дар речи. По этому же адресу отправилась миссис Плим! Консьержка сказала, что она ра-

ботает у таксиста. Теперь понятно, как записка Коко, адресованная Таксисту, оказалась в его кармане и стала причиной семейного скандала. Но с какой целью домработница это сделала?

Барн оставил на столе несколько банкнот и вышел.

39

Деревенские дороги тянулись одна за другой, как в фильме ужасов. Пустынные и угнетающие. Ничего странного, однако, не происходило. Но Тому чудилось чье-то незримое присутствие. Наверное, слишком устал. Мысли об убийстве молодоженов грызли его и отнимали все силы. Не проходило ни ночи, ни дня, чтобы он не думал об этом. И хотя подобные теории казались ему абсурдом, он невольно вспоминал об африканцах, веривших, что кого-то сфотографировать значит украсть его душу. И потом, это размытое лицо тоже не давало ему покоя. Лицо на фотографиях обеих пар, которые друг друга не знали...

Он попытался отвлечься на что-нибудь другое. На то, какая радость вновь увидеть жену и дочь в загородном доме. Твердил себе, что с дорогими людьми мы всегда проводим слишком мало време-

ни. И он не станет омрачать его чужими трагедиями! В конце концов, помочь он ничем не может.

Том остановился выпить кофе в маленькой придорожной закусочной. Посетителей не было. Высокая рыхлая хозяйка, похоже, ждала прекрасного принца, который наконец вызволит ее из этого гадюшника. Но в наши дни большинство принцев владеют лишь песочными замками. Она состроила ему глазки. Том выпил кофе, глядя в окно.

— Вы второй за сегодня, — сказала она, низко наклоняясь, чтобы убрать со стола стакан. Но главным образом чтобы показать свою пышную грудь.

Том не ответил.

— Странный был тип, который до вас заходил. Тоже неразговорчивый. Но вы-то хоть симпатичный.

— Иногда разговаривать не хочется, — ответил Том.

— Могли бы и постараться.

Том допил кофе и расплатился. Не стоит задерживаться, иначе она навоображает себе бог весть что. Он это знал. Одинокая женщина в этой дыре, куда люди заходят на минутку и никогда больше не возвращаются. Иначе и не бывает.

Прежде чем сесть в машину, Том зашел в туалет. На полу валялась маленькая фотография. Он взял

ее, решив показать официантке. Наверное, она выпала из кармана кого-то из посетителей. Том машинально взглянул на снимок и с удивлением узнал собственную жену, только гораздо моложе. Вероятно, она тоже останавливалась здесь. А поскольку она уехала уже неделю назад, Том сделал вывод, что убираются в туалете не так уж часто. Но ему как-то не верилось, что Бетти решила сделать тут остановку.

— Я нашел фотографию своей жены на полу, — сказал он, показывая ее официантке. — Когда она сюда приезжала?

— Такую не видела, — ответила та.

— Вы, наверно, ее не узнаёте, потому что этой фотографии десять лет.

— В нашем заведении такие девчонки не останавливаются.

— Она, скорее всего, проезжала неделю назад, — пояснил Том.

— Нет, не помню. А где вы эту фотку нашли?

— В туалете.

— Вы что, в дамский туалет ходили писать?

— Э-э... нет!

— Значит, это не может быть она, помозгуйте! Наверное, выпало из кармана того клиента, что заезжал утром, потому что туалеты моют каждый день.

— Что фотография моей жены делала в кармане этого типа? Что вы плетете!

— Да плевать мне на ваши дела семейные, — огрызнулась она.

И удалилась за стойку, где принялась расставлять стаканы. Том ее больше не интересовал. Женатый. Прекрасного принца придется подождать еще.

Том вышел, буркнув "до свидания", на которое она не ответила. Потом сел в машину и снова тронулся в путь. До дома оставалось несколько километров. Фотография не давала ему покоя. "Я дурак, — сказал он вслух. — Бетти такая рассеянная, что могла ошибиться и зайти в мужской туалет. Нечего раздувать из мухи слона".

Через полчаса машина Тома въезжала на дорожку перед домом. Алиса играла в саду. Увидев отца, она побежала к нему. Девочка была такой миленькой со своими золотыми кудряшками. Просто куколка. Том прижал ее к себе. Появилась Бетти с корзиной больших ромашек. Она сушила их на веревке, а потом наполняла ими прозрачные коробочки, которые вешала под потолком в их комнате. И когда они с Томом ложились спать, им казалось, что они на цветущем лугу. На Бетти было платье в мелкую клетку и соломенная шляпка, отчего казалось, будто она сошла со страниц альбома Дэвида Гамильтона. Том поцеловал ее.

— Не шевелитесь обе, — сказал он, — сейчас сфотографирую вас.

— О нет, — протянула Бетти, — я не люблю, ты же знаешь.

— Доставь мне удовольствие, — попросил Том. — Вы такие красивые, в этом саду, при свете предвечернего солнца.

Бетти поставила корзину и стала покорно ждать. Том взял камеру и сделал несколько снимков двух самых главных женщин своей жизни на фоне дома.

— Ну ладно, теперь хватит, — вздохнула Бетти. — Пойду сварю себе кофе. Тебе сделать?

— Я только что пил, в закусочной, где ты останавливалась, знаешь, рядом с ветряками.

— Что ты выдумываешь? Ты же знаешь, что я езжу без остановок. Терпеть не могу эти кафе для дальнобойщиков.

— Правда? А как ты объяснишь, что я нашел это в туалете? — спросил он и протянул ей фотографию.

Бетти смотрела на снимок так, точно увидела призрак. Тому показалось, что у жены кровь отхлынула с лица.

— Все хорошо, любимая?

— Да, да...

Нельзя ему говорить... Только не это!

— Потрясена тем, какая ты была молодая? — пошутил Том.

— Да... Вот именно.

— Ты еще очень красивая, — заверил ее Том.

— Может быть, но за время пути утратила некоторые иллюзии.

— Надеюсь, для меня ты кое-что сохранила!

Она улыбнулась.

— Но мне все-таки непонятно, откуда там взялась твоя фотография.

Бетти посмотрела на него задумчиво. Тому ее взгляд вдруг показался жестким. Приехав, он сразу почувствовал в ней какое-то напряжение. Возможно, у нее месячные. Она тяжело переносила эти дни.

— А может, не знаю зачем, ты хочешь до смерти меня напугать? — сказала она.

— О чем ты говоришь?

— Я знаю, что ты как-то приезжал ночью и рылся внизу. Когда я спустилась, ты исчез. С моими фотографиями. Теми, что ты делал, когда я была беременна, и которые я держу в лакированной шкатулке, на шкафу.

— Ты спятила? Зачем мне это?

— Не знаю. Но в последнее время ты изменился...

— Бетти, я не приезжал сюда ночью, клянусь.

— Давай, давай, делай из меня идиотку! — закричала она.

Том знал, что бесполезно спорить, когда она в гневе. Надо подождать, пока успокоится.

Он поднялся наверх и разложил в шкафу одежду, которую привез в сумке. Потом снова спустился вниз.

— Не хочешь перед ужином прогуляться? — предложил он.

— Нет. Я устала. Иди, я уложу Алису, уже поздно.

Том надел велюровый пиджак, который всегда висел в коридоре на вешалке и служил только для деревенских прогулок. Он немного прошелся. Машинально сунул руки в карманы. Что-то нащупал. Посмотрел, что это, и при свете луны узнал фотографии беременной Бетти. Все они были разорваны.

40

Барн дождался дня, когда миссис Плим придет к нему убираться, чтобы устроить обыск в квартире Таксиста. Ключи он стащил у нее из сумки, сделал дубликат и отправился на место. Она ничего не заподозрила. Ведь он, как обычно, пошел "на работу". Со своим портфельчиком.

Авеню Белой Королевы, дом 21. Фасад все такой же грязный. Барну удалось проскочить мимо консьержки. Приехав на шестой этаж, он огляделся. На площадке никого, на лестнице тоже. Он постучал в дверь. Подождал немного. Если этот тип дома, он извинится и скажет, что ошибся этажом. Но никто не открыл. Барн повернул ключ в замке и вошел.

Квартира была серой и мрачной. Кругом чистота и порядок. Ничего лишнего. Ни одной вещи, что-

бы хоть немного украсить помещение, никаких картин на стене. Барн открыл шкафы. Все было идеально разложено по полкам. Видно работу миссис Плим и ее армейскую аккуратность.

В спальне Барн обнаружил шкаф, запертый на ключ. Странная привычка! Он выдвинул ящики комода. Там были только носки, все одного цвета — черного, — сложенные ровными стопками. Три ящика носков!

В ванной только зубная щетка, паста и мыло. Барн открыл шкафчик над умывальником. Там обнаружился запас одноразовых бритвенных станков и пена для бритья. Рядом стоял раствор для контактных линз. Этот красавец не желал носить очки.

Разочарованный, Барн вернулся в спальню и присел на кровать. Он надеялся найти что-нибудь, что дало бы ему представление об этом парне. Ему необходимо было понять, зачем домработница сунула ему в карман эту записку. Расспрашивать ее было бесполезно, она бы не сказала. Или притворилась бы, что не понимает. Он ее знал. Барн был убежден, что именно в этой квартире кроется разгадка. Внезапно его внимание привлекла маленькая деревянная коробка, спрятанная под шкафом. Он нагнулся и достал ее. Открыл. Там лежали старые газетные вырезки со статьями об авиакатастрофе на Сейшелах... В которой никто не выжил.

Зачем Таксисту эти материалы? Там погиб кто-то из его близких? Барн взял несколько вырезок, сунул в карман, а коробку поставил на место под шкаф. Он уже хотел уходить, но на лестнице послышались шаги.

41

Ники собиралась в комиссариат на совещание с Линчем и Барном, когда на полу у двери обнаружила белый конверт без адреса и фамилии. Сверху он был придавлен камнем, чтобы не улетел. Она раскрыла его и увидела старую черно-белую фотографию безрукой женщины, сидящей на троне в центре цирковой арены. На обороте никаких надписей.

Еще один знак от убийцы, который общался с ней только картинками. Как у "Венеры с ящиками" Дали и в "Распятии" Ники де Сен-Фалль, у женщины на снимке не было рук. Это подсказка или угроза? Ники похолодела при мысли, что убийце известен ее адрес.

Она огляделась вокруг. Только ветер шевелил ветви деревьев в этом довольно отдаленном квартале. Ники выбрала уединение, чтобы лучше себя защи-

тить. Но волки с длинными клыками когда-нибудь все равно выследят добычу, даже в пустыне. Однако ей казалось, что она на какое-то время еще в безопасности. Зачем ломать игрушку, не наигравшись? Пока ему нравится затевать с ней эти мрачные игры, ей ничего не грозит. А потом?

Вероятнее всего, это было фото матери убийцы. Вот почему он каждый раз отрезал невестам руки. Значит, искать нужно здесь. Разузнать обо всех безруких женщинах, родивших сына сорок — пятьдесят лет назад.

Ники вернулась к себе. Заперлась на ключ и уселась в коридоре, чтобы внимательно рассмотреть снимок. Она не могла сделать это в другом месте, боясь наполнить негативной энергией комнаты, в которых она восстанавливала силы. Коридор — помещение довольно нейтральное. Место, где никто не задерживается и где энергии сменяют друг друга.

Лицо женщины было суровым. На нем читалась боль, но не отчаяние. У нее было красивое вышитое платье и босые ступни.

Ники долго смотрела на снимок. Интуиция подсказывала, что женщина, скорее всего, принадлежит миру искусства. И причиной боли было не ее уродство, а кто-то из ее окружения. Какой-то близкий человек, страдавший от того, какая она. Который ее стыдился. Ники почудилась тихая музыка, то самое дуновение, которого она подчас так долго ждала. На этот раз ждать пришлось недолго.

Это походило на далекую мелодию скрипки. Возвышенно-печальную. Ники положила фотографию в папку, которую несла в комиссариат. Прошла через небольшой скверик напротив дома. Хотелось послушать пение птиц. Сидевший на лавке бомж, которого она часто видела в окно, улыбнулся и протянул ей конфетку. Есть люди, подумала Ники, о которых ничего не знаешь, но которые всегда рядом, как солнечный свет.

Линч и Барн были на месте, оба погруженные в свои мысли. Ники показалось, что каждого из них занимает вовсе не преступление, которое они вместе расследуют, а что-то другое, и ей стало одиноко, как на необитаемом острове.

— Пришло время нам троим подвести итоги, — объявила она, кладя папку на стол Линча. — Итак, что вам удалось обнаружить?

— Гм, э-э... — пробормотал Линч, — честно говоря, немного.

— А вам? — повернулась она к Барну.

— Тоже.

— Так я и думала!

— Пришли нас отчитывать? — осведомился Линч.

— Что вы, не знаете, шеф, ее хлебом не корми, дай поругаться!

Ники бросила на Барна испепеляющий взгляд:

— Чем вы занимались, пока я работала над делом? Мяч во дворе гоняли?

— Ладно, хватит! — огрызнулся Линч. — Слушаем вас, раз вы единственная, кто работает. Наверняка вам уже известны главные зацепки, которые позволят поймать убийцу.

— Хорошо, — ответила Ники. — Есть вероятность, что у матери убийцы не было рук...

— А мы тут совсем сбились с ног! — хохотнул Барн.

— Придурок, — бросила Ники.

— Мать без рук... — повторил Линч. — Как интересно! В доме напротив моего когда-то повесилась женщина. Квартира стояла пустая, и я туда заходил...

— И вы мне еще говорите, что я отвлекаюсь от расследования! — вскипел Барн. — Что? Это правда! — сказал он, глядя на Ники. — Он говорил, чтобы я не терял время на личные дела и...

— Ладно, ладно! — проворчал Линч. — Так вот, в этой квартире я нашел обручальное кольцо и узнал, что оно принадлежало некоему Трумэну Дэвису, который собирался жениться на некоей Бетти Вевер. Что Трумэна родила безрукая женщина, которая была талантливой скрипачкой.

— Вот это да! — воскликнула Ники. — Что вы еще о нем знаете?

— Что невеста бросила его накануне свадьбы, но он все-таки отправился в свадебное путешествие на Сейшелы, совсем один. Его самолет разбился, никто из пассажиров не выжил.

— Что? — воскликнул Барн. — Поглядите, что я нашел в шкафу у одного таксиста.

Он выложил на стол газетные вырезки, в которых говорилось об авиакатастрофе над Сейшелами.

— Объясни, зачем ты рылся в вещах какого-то таксиста? — удивился Линч.

— Потому что у него работает моя уборщица.

— Ну да, причина уважительная, — фыркнула Ники. — Пока мы тут землю роем, чтобы найти серийного убийцу, наш Барн шляется по квартирам других клиентов своей домработницы! Можно узнать, что вас на это подвигло? Испугались, что она ему лучше кофейник чистит? Или влюбились и боитесь, что она с кем-то еще переспит?

— Вы меня, мягко говоря, достали, — ответил Барн. — Знаете что? Вам бы самой не мешало с кем-нибудь переспать. Отлично мозги прочищает.

Пока эти двое препирались, Линч внимательно читал статью.

— Поразительно, — сказал он. — Похоже, это один и тот же человек. Значит, так, сопоставим факты. У убийцы безрукая мать. У Трумэна Дэвиса тоже. Он погиб в авиакатастрофе, а газетные вырезки, где об этом говорится, хранятся у водителя такси, уборщицу которого зовут...

— Миссис Плим, — подсказал Барн.

Ники расхохоталась.

— Что это с ней?

— Не знаю, — сказал Линч. — Возможно, нервы.

— Почему не миссис Даутфайр?[1] — съязвила Ники. — Нет, вы можете себе представить? Что за бред!

— И как зовут этого шофера? — спросил Линч.

— Таксист. Во всяком случае, это его кличка.

Ники еще громче расхохоталась. Барн казался ей очень забавным. Особенно когда не пытался шутить.

— Эта твоя домработница, ты ее давно знаешь? — спросил Линч.

— Нет. Она пришла незадолго до того, как меня жена бросила...

— Надо же, она ушла? — воскликнула Ники. — И как она могла? Без такого весельчака, как вы, ей будет тоскливо!

— Ну хватит! Уж кому-кому, но не вам надо мной издеваться.

— Что вы знаете о моей жизни, недоумок!

— Успокойтесь, — сказал Линч, — и вернемся к делу. Тут есть настораживающие факты. У меня впечатление, что все эти нити, которые вроде тянутся с разных сторон, между собой связаны. И надо найти эту связь. Слушай, Барн, так зачем ты пошел к этому типу? Ты нам так и не сказал...

— Скажу, когда уйдет эта ведьма.

— Если это касается расследования, лучше, чтобы она была в курсе.

— Прямо не связано.

1 *Миссис Даутфайр* — персонаж одноименного фильма К. Коламбуса, где муж, переодевшись женщиной, нанимается в домработницы к бывшей жене.

— Хорошо...

— Понятно, я сваливаю, — объявила Ники. — Оставайтесь со своими постельными историями — я ведь правильно поняла, речь об этом?

Барн принял невинный вид. Ники вышла, хлопнув дверью.

— Ну и характер! — сказал Барн.

— Потому-то она и работает хорошо. Так ты мне скажешь, что тебя занесло под чужой шкаф?

— Все из-за той любовной записки, которую жена нашла у меня в кармане... Из-за которой она и ушла. То есть именно записка ее взбесила... В общем, эту записку Коко написала Таксисту, это она его так прозвала. Помните, я вам рассказывал...

— Гм...

— Она в него влюблена.

— Коко, влюблена? Ты уверен?

— Ну да! И я обнаружил, что моя домработница работает у этого таксиста. Ну я и подумал, что она-то и подложила мне в карман эту бомбу, чтобы разрушить мою семью. А зачем? Понятия не имею.

— Может, она в тебя влюблена?

— Типун вам на язык. Она страшна как черт! А еще я уверен, она поддает.

— Не будь ханжой, у нее наверняка есть скрытые достоинства.

— По части пылесоса, ага. И когда я обыскивал квартиру этого мужика, то обнаружил коробку,

в которой хранились только статьи о той авиакатастрофе.

— Любопытное совпадение все-таки! Что их может связывать? А почему ты не порылся в доме своей домработницы?

— Я не знаю, где она живет. Я уже пытался ее выследить, но впечатление такое, что она это чувствует. Ей каждый раз удается от меня ускользнуть.

— Поскольку Трумэн погиб, нам остается только Бетти Вевер. Мы знаем, что она замужем за фотографом Томом Дейлом. Здесь и надо искать.

— А все-таки странно, что вы нашли кольцо в доме напротив. Вы не думаете, что убийца оставляет для нас знаки, как для Ники?

— Возможно, — сказал Линч.

Он позвонил секретарше и попросил прислать к нему стажерку. Он мог бы и сам пойти к девушке, чтобы поручить ей собрать информацию о Бетти, но ему доставляло удовольствие злить секретаршу.

Барн взглянул на часы. Девушка с фиалковыми глазами пока не звонила. Может, сообщение оставила? Он проверил мобильный. Пусто. Линч со смехом наблюдал за ним.

— Влюбился?

— Что?

— Смотрю, удила грызешь. Как ее зовут?

— Не знаю.

— Хорошие дела! — засмеялся Линч. — Если только это не... Нет?

— Что? — забеспокоился Барн.

— Ты не хочешь мне говорить, потому что это Коко! Она влюблена в другого, поэтому ты отправился к нему с обыском. Вот оно что!

— Вы очень умны, шеф!

Линч самодовольно улыбнулся. Барн тоже.

42

До чего же толковая эта стажерка! Линч не преминул снова сказать это секретарше, которая сразу нахмурилась. Стажерка кое-что нарыла. Бетти и Том оба провели детство в Додсоне, но не были знакомы. Они встретились через много лет. Поженились, у них родилась дочь, сейчас живут в своей квартире в Пандоре. Просто сказка! Линч отправился по указанному адресу. Но сколько ни звонил, ему не открыли.

— Нету их, — сказала соседка по площадке, возвращавшаяся домой с покупками.

На вид лет шестьдесят, туфли без каблука, плащ как у Коломбо и клетчатая сумка на колесиках.

— Да? Вы не знаете, где их можно найти?

Встретив ее недоверчивый взгляд, он назвался другом семьи.

— Нету у них друзей.

— Мы с Томом вместе учились, — придумал Линч. — Хотел сделать ему сюрприз.

— В свой загородный дом поехали. Но тут недалеко его мать живет. Вы ее, наверное, знаете, раз вы с ее сыном в школе учились.

— Да, конечно! Но я не знаю ее теперешнего адреса. Тогда они жили в Додсоне.

— Прямо напротив, в двадцать третьем доме, на пятом этаже.

— Я смотрю, вы хорошо осведомлены...

— Да она же приходила ко мне, чтобы расспросить про сына. Представляете? Похоже, невестка-то никого видеть не хочет. Натуральная дикарка! А этот-то, тряпка, хоть бы мать навестил. Бывают же такие! Хорошо, я детей не завела! Расстройство одно...

Она потянула свою тележку и скрылась за дверью.

Линч отправился в дом напротив. Поднялся на пятый этаж и постучал. Послышался лай собачки. Зашаркали тапочки. Дверь приоткрыла старушка. В фартуке, с завивкой.

— Кто там? — спросила она.

— Я старый друг вашего сына. Мы вместе учились в школе в Додсоне.

Волшебное слово! Зазвенела цепочка, дверь отворилась.

— Входите, — пригласила старушка, пристально рассматривая ботинки Линча.

— Спасибо.

— Только вытирайте ноги. Я только что убралась.

Хруп, хруп! Линч вытер ноги о кокосовый коврик, и хозяйка осталась довольна. Обстановка была старомодной. Под стать самой старушке. Куча бесполезных вещей и повсюду фотографии. Целый ностальгический музей. Совершенно очевидно, женщина не интересовалась настоящим, а жила воспоминаниями.

— Садитесь. Хотите чашку кофе?

— Нет, спасибо.

— О! — Такое огорчение было в этом вырвавшемся у нее вздохе, что Линч передумал, чтобы ее не расстраивать.

И старушка снова заулыбалась. У нее наверняка редко бывали гости.

— Ну-ка, Долли, поздоровайся с дядей. Он друг Тома.

Маленькая собачка папийон с выпученными глазами вылезла из-под шкафа. В зубах она держала длинную резиновую игрушку, которая тихонько попискивала. Издалека Линчу показалось, что это сосиска. Но когда собака подошла ближе, он с удивлением разглядел, что это фаллоимитатор. Он посмотрел на старушку, но та не обнаружила и тени смущения. Долли положила "игрушку" к ногам гостя.

— Странная игрушка, — заметил Линч.

— Я ее на улице нашла. Она с ней так любит играть, да, малышка?

Неизвестно, знала ли старушка, для чего вообще предназначена эта вещица! Хотя... Линч помнил одно дело, когда пожилая домохозяйка подрабатывала

тем, что устраивала сеансы садомазо у себя на кухне, пока муж в туалете разгадывал кроссворды.

Долли снова спряталась под шкаф.

— Она так всегда при чужих. Боится, вы же понимаете. Сейчас кругом такое творится! Ну-ка, иди поцелуй дядю.

Собачка вылезла, прыгнула Линчу на колени и принялась его неистово лизать. Ужас! Из ее пасти чудовищно воняло.

— Она такая ласковая, моя куколка! Какое счастье, что она у меня есть!

Мать Тома пошла на кухню готовить кофе. Линч воспользовался этим, чтобы посмотреть фотографии. Там было много снимков маленького мальчика, потом пошли фотографии довольно обаятельного юноши. Линч предположил, что это и есть Том. Он улыбнулся, увидев замотанный скотчем телефон. Старушкина причуда...

Она вернулась с подносом, на котором стояли две чашки горячего кофе и печенье, совершенно несъедобное с виду, словно его сделали еще до войны. Старушка села, скрестив руки на коленях.

— Берите печенье! — предложила она.

Линч вежливо отказался, сославшись на диету. К счастью, хозяйка не стала настаивать.

— Том уехал за город. У него там красивый дом. Он принадлежал моей матери. Том его унаследовал.

— А вы там бываете?

— Нет... Никогда! Моя невестка не хочет общаться с родственниками. Она даже с собствен-

ной матерью не видится, а вы говорите! Это так печально.

— И он никогда вас не навещает?

— Изредка. И всегда тайком... Но внучку никогда не приводит. Боится, что она расскажет матери. Я ее знаю только по фотографиям. Да, кстати, мой сын делает отличные фотографии! — с гордостью сказала она. — Он теперь стал знаменитым!

— Неужели?

— Да, недавно два его снимка опубликовали в газете, посмотрите. — Она указала на фотографии в рамках, стоявшие на буфете.

Линч встал, чтобы взглянуть поближе, и был ошеломлен, обнаружив фотографии убитых молодоженов.

— Вот это да! — воскликнул он.

— Красивые, правда?

— Да, да... Он был знаком с новобрачными?

— Да. На первом фото это Дан, программист. Он ему компьютер чинил. Они, кажется, в старших классах познакомились. Может, и вы его знаете?

— Не помню такого.

— А на второй фотографии Джон, его двоюродный брат, он учителем был. Это просто ужасно, что с ними случилось. Но как все-таки приятно, когда твои снимки публикуют в газете, правда?

У Линча мелькнула мысль, что старушка вполне могла совершить эти преступления, чтобы в газету по-

пали фотографии, сделанные ее сыном. Ему представилось, что она, как заправский маньяк-убийца, в цветастом фартуке и домашних тапочках расчленяет ножом трупы, а рядом Долли подбирает кусочки...

— До чего же они красивые, — не унималась старушка.

— Очень. А вы были знакомы с новобрачными?

— Нет. Джон приглашал меня на свадьбу. Он был славным парнем... Но я уже не в том возрасте. Не хотите печенье?

— Нет, извините. Мне надо идти, — сказал Линч.

— А ну-ка, Долли, скажи дяде до свидания и поцелуй на прощание.

Линчу не удалось отвертеться. Собачка бросилась его облизывать. Инспектор чуть в обморок не упал. Даже запах трупов было вынести легче!

43

Как полезно провести выходной за городом! Том надолго надышался свежим воздухом. Бетти и Алиса остались там, а ему пришлось ехать работать. Ему приятно было знать, что они живут в бабушкином доме. Казалось, что там с ними ничего не может случиться, что сам дом их защищает. Там прошли чудесные дни его детства. Быть может, самые прекрасные и беззаботные дни его жизни. Этот дом был для него чем-то вроде шкатулки для памятных безделушек. Каждый раз, отворяя дверь, он будто открывал огромный альбом с фотографиями. И порой словно ощущал ласковое присутствие бабушки.

В тот день Том заработался допоздна. Делал увеличение снимков для клиентов, которые ждали уже давно. Пока семья в отъезде, он решил заняться просроченными заказами.

Он оставил немного времени и для себя, чтобы проявить загородные фотографии. Приятный способ провести еще несколько минут в обществе жены и дочки. Хотя Бетти терпеть не могла сниматься, она оставалась его любимой моделью, так же как и Алиса. Девочка же, напротив, обожала позировать! Том считал, что иногда она чересчур жеманничает, и предпочитал снимать ее тайком или в движении.

Он с наслаждением проявил пленку, смакуя каждый этап работы. Повесил ее сушить и приготовил увеличитель. Потом достал коробки с фотобумагой и подобрал подходящую чувствительность. Когда пленка высохла, он вставил ее в увеличитель. Затем начал печатать снимки, опуская листы по одному в ванночку с проявителем. Ему всегда доставляло удовольствие смотреть, как на белой бумаге проступают снятые им картинки. В этом было что-то волшебное.

Алиса бежит по лужайке, Бетти с корзиной цветов, птица крупным планом на ветке, Алиса и Бетти, щелк-щелк... С улыбкой и без улыбки... А на заднем плане — дом.

Вдруг Тому показалось, что в одном из окон дома виднеется какая-то тень. Наверное, просто глаза устали. Он взял лупу, поднес ее к фотографии. Там действительно что-то темнело. Может, игрушка Алисы? Девочка любила сажать кукол на подоконник, "чтобы они смотрели на солнышко", — говорила она.

И все-таки странно. Том решил увеличить снимок.

В голове мелькнула глупая мысль, что это может быть призрак бабушки, наблюдающей за своими родными.

Но после увеличения обнаружилось нечто куда более страшное: то же размытое лицо, что и на свадебных фотографиях убитых молодоженов...

44

Утром Линч позвонил Тому домой. По сонному голосу фотографа стало ясно, что лег он очень поздно. Линч попросил его зайти в комиссариат. Веселенькое пробуждение! Том заворчал. Он собирался заехать в ателье и уйти пораньше, чтобы вернуться в деревню к жене и дочери. Ему было тревожно. Среди ночи он позвонил Бетти, но никто не взял трубку. Она наверняка спала. И Алиса тоже. Том не стал перезванивать. Он не хотел пугать ее и рассказывать про эту тень за окном. Просто узнать, все ли в порядке. А теперь его достает этот полицейский! Что им от него надо?

Линч пристально следил за ним. Он опросил родителей Бетти. Сначала его приняли очень плохо. Чуть не захлопнули дверь перед самым носом, когда он произнес имя их дочери. Буржуазный дом

в фешенебельном районе — семья Вевер, вероятно, была довольно зажиточной. Распятие над входной дверью и фотография Папы на стене задавали тон. В этой гостиной явно не место фривольным шуткам! Линч нарисовал себе чистую спальню с белоснежным покрывалом на кровати, а над ней кропильницу для очищения после плотских грехов. Если грехи случались. Потому что хозяева, похоже, закостенели в своем воинственном благонравии. Неудивительно, что дочка от них слиняла, подумал Линч.

Они не желали больше никогда ее видеть. Она совершила отвратительный поступок, порвав со своим женихом накануне свадьбы.

— Такой славный парень! Мы все подготовили. Больше сотни приглашенных! Представьте, как нам было стыдно, когда пришлось объявить, что свадьба не состоится!

— Она просто дрянь!

В комнату вошел молодой человек с худым лицом. Тесный костюмчик, очень короткая стрижка, ускользающий взгляд. Брат Бетти.

— Она опорочила наше доброе имя, опозорила семью. И ради чего? Чтобы выйти за этого мерзавца фотографа!

На вопрос, чем ему не угодил Том, брат Бетти ответил, что у того небезупречное прошлое.

— То есть?

— Мы обнаружили его фотографии обнаженных девушек в порнографическом журнале, — с трудом выдавила из себя мать

Как будто каждое слово было ножом, вонзающимся в руку Господа.

— Этот человек не имеет права на жизнь, — объявил брат, столь же непримиримый, как и родители.

Хуже не придумаешь, подумал Линч. Таких-то вот чаще всего и встретишь на сексуальных оргиях или в клубах, где пидоры привязывают себя цепями, надевают кожаные маски и используют дубинки, чтобы поиграть в сажание на кол. Линч уже повидал таких "мальчиков из хороших семей" — нос в порошке и со вспоротым задом. Этот хмырь в костюме наверняка нюхает кокаин. Линч был в этом уверен. Крылья носа красные, сопит, зрачки расширены. Учитывая кипевшую в нем ненависть, он вполне способен убить в момент помрачения рассудка. А старики только глазами хлопают.

— И все-таки, — осторожно продолжил Линч, — наверное, грустно никогда не видеться с внучкой.

— Нам все равно, мы не знаем ее, — ответил отец. — В любом случае дитя дьяволицы должно быть проклято.

— А ведь мы дали ей хорошее воспитание! Такое же, как и нашему любимому сыну, — пояснила мать, бросая нежный взгляд на стриженого болвана.

Да уж, наследничек ликовал! Потому что именно в этом было все дело. Веверы потом признались, что пытались лишить дочь наследства, но закон этого не позволяет. Послушный сын унаследует все, если только с сестрой что-нибудь случится.

— Надеюсь, — сказала мать, — что Господь испортит им жизнь так же, как они разрушили нашу. Это будет только справедливо.

Линчу хотелось возразить, что Богу наверняка интереснее рулить на велосипеде по облакам, чем ломать себе голову над человеческими дрязгами. Но стоит ли тратить время на спор с бетонным столбом.

Он уже поднялся, чтобы уйти, когда мать добавила:

— Вам следует знать, что эта дрянь виновна не только в том, что отменила свадьбу. Она преступница. Она была беременна и сделала аборт!

— А жених знал об этом?

— Трумэн? Конечно знал. Она сказала ему, что уходит и избавится от ребенка! Можете себе представить? Какая жестокость!

— Бедняге действительно не повезло, — сказал отец. — Он был просто раздавлен и решил с отчаяния все-таки отправиться на Сейшелы. Один. И на тебе! Самолет разбился, и никто не выжил.

— А его родные? — спросил Линч.

— Он говорил, что он сирота. Что его родители погибли в автокатастрофе, когда он был подростком.

Любопытно, что Трумэн не рассказал о своей безрукой матери. Стыдился ее?

— У него не было братьев или сестер?

— Нет. Он был единственным ребенком.

Линч сказал спасибо и попрощался. Они не предложили ему даже стакана воды! Вот она, христианская любовь к ближнему.

Он рассказал об этой встрече Барну, который, похоже, был озабочен совершенно другим. Наверняка своей любовью. Линч поверить не мог, что Барн мог влюбиться в проститутку. И ругал себя за то, что познакомил его с Коко. Трахается она неплохо, но в таких не влюбляются. Она из него все соки высосет, к гадалке не ходи! Но стоит ли снимать с романтика розовые очки?

И все-таки именно благодаря этому приключению Барн обнаружил у Таксиста статьи о крушении самолета. Темная история... Кто такой этот Таксист? Сегодня вечером Линч отправится к Коко на интимный массаж. И выведает все. С такой, как она, сыворотка правды не понадобится. Достаточно заплатить.

Том явился в комиссариат. Он явно нервничал. Ничего хорошего это не предвещало.

— Луна не отражается в мутной воде, — сказал ему Линч.

— Что, простите?

— Ничего. Мудрость дао. У вас встревоженный вид.

Том не выносил полицейских. Грязные ищейки. Не хватает еще говорить с ними о странностях жизни и о призраках. Он решил не рассказывать Линчу про тень на фотографиях. И потом, такой эффект могла дать повторная печать. Том не хотел, чтобы его сочли ненормальным.

— Что вам известно о прошлом вашей жены?

— Почему вас это интересует? — резко спросил Том, твердо решивший, что из него не вытянут ни слова.

— Вам известно, что она должна была выйти замуж за некоего Трумэна Дэвиса?

— Что еще за чушь?

Либо строит из себя дурака, либо его принцесса с самого начала напустила туману.

— И что она была беременна? Этого она вам тоже не говорила?

Том в ярости вскочил, намереваясь покинуть кабинет инспектора. Барн попросил его снова сесть.

— Я понимаю, что для вас это шок, — сказал Линч, — но это правда. Мы проверили то, что рассказали ее родные, и обнаружили результаты УЗИ в карте вашей жены у гинеколога, который наблюдал ее в тот период. Что было потом, неизвестно. Должно быть, она сделала аборт у какой-нибудь знахарки.

Том был вне себя. Но Линч хорошо знал людей и понимал, что стоит задеть их интересы, как они демонстрируют чудеса актерской игры. Может, он пытается защитить жену?

— Вы по-прежнему делаете снимки порнографического характера? — спросил Линч.

Иногда он чувствовал себя подлецом, задавая такие вопросы и изображая блюстителя нравственности, хотя сам забавлялся с проституткой и чуть не каждый день напивался до бесчувствия.

— Вы хорошо осведомлены...

— Это моя профессия.

— Я занимался этим в молодости, чтобы подзаработать. У меня не было выбора. И потом, это было не так уж неприятно.

Барн улыбнулся. Он слушал допрос, не вмешиваясь. У него в голове, как в миксере, перемалывались сотни картинок: фиалковые глаза, загадочная улыбка, кот Лорены, грудь Коко...

— Ваша жена знает об этом?

— Гм... Нет.

— Что ж, вижу, в вашей семье не любят разговаривать по душам.

— Мы прекрасно без этого обходимся. Вы женаты, инспектор?

— Нет, и отлично себя чувствую.

— Я могу идти?

— Да, но будьте в нашем распоряжении. Кстати, я хотел бы поговорить с вашей супругой...

— Она за городом вместе с дочерью. Вернется в понедельник.

— Хорошо, тогда мы с ней и увидимся.

— Вы расскажете ей о порнографии? — заволновался Том.

— Нет необходимости. А вы собираетесь поговорить с ней о том, что я вам только что рассказал?

— Пока не знаю. Для меня женщина, которую я люблю, родилась в тот момент, когда я ее встретил. Мне не важно, что с ней было раньше. Ни потом, если со мной что-то случится.

Он вышел из кабинета, оставив Линча и Барна в растерянности. А еще они ему немного завидовали. Но они не знали того, что под маской спокойствия в душе Тома полыхала огненная буря. Словно в него молния ударила.

45

Синие бусы или сиреневые? Коко упрямо верила в свою любовь, как девочка верит в волшебные сказки. Хотя в глубине души она знала, что это всего лишь мечта. Каждый день она наряжалась в надежде, что он появится. Но Таксист не приходил с тех пор, как она написала ему это записку. Она не могла понять, почему и как письмо оказалось в кармане Барна. Загадка!

Она хорошо знала таких мужчин, которые бегут, стоит с ними заговорить о любви... И страшно ругала себя. Не напиши она эту дурацкую записку, он, скорее всего, не исчез бы. "Шлюхи не имеют права на счастье", — сказала однажды ее товарка по панели. Это было, когда Коко торговала собой у обочин шоссе и нелегально жила на чердаке дешевой гостиницы. В крысиной дыре. Теперь же, по крайней мере, у нее есть собственная квартирка. Маленькая, конечно, но чистенькая.

В глазах Коко мужчина, который мало говорит, был мудрецом. Болтунов она никогда не любила.

Она решила дать ему еще один шанс и надела синие бусы. Цвета моря...

Зазвонил мобильный. Линч. Да, она свободна, можно прийти. Он сидел в кафе на углу. Она попросила его несколько минут подождать. Чтобы надушиться и поправить постель. Предыдущий клиент заставил ее мастурбировать, а сам смотрел. Так что белье менять не пришлось.

Коко узнала шаги Линча. У него всегда скрипели подошвы — скрип, скрип! Не очень удобно для полицейского. Любой сразу услышит.

От него пахло дождем. Ей нравился этот веселый коп.

— Да ты при параде! — воскликнул он.

— Разве не как всегда?

— Нет. Ждешь кого-то?

— Тебя, — соврала она.

— Конечно! За пять минут успела вырядиться принцессой... Никак своего Таксиста поджидаешь?

Коко вздохнула. Этих легавых не проведешь, все нюхом чуют.

— Я его так и не видела с тех пор...

— Как подсунула ему письмо, — докончил Линч.

— А, так ты в курсе?

— У нас с Барном нет друг от друга секретов.

— Если бы вы не спали со мной, я бы подумала, что вы пидоры. Ну так что? Поговорим о Таксисте или сделать тебе цунами?

— Это еще что?

— Одна новая штучка.

— Давай и то и другое, — заказал Линч, будучи в прекрасном настроении.

— Тогда сначала поговорим, потому что потом ты забудешь, как родную маму зовут.

Линч улыбнулся. Коко его веселила. В ней было что-то от Ширли Маклейн. Такой же лукавый взгляд, та же насмешливость.

— Ладно. Расскажи мне все, что знаешь об этом парне.

— Да ничего я не знаю! Даже как его по-настоящему зовут. Ничего.

— Но он же с тобой разговаривал о чем-то!

— Он этого не любит. Говорит, только когда на вопросы отвечает, и то на самые обычные.

— Так-так! Душа компании. Понимаю, за что ты в него втюрилась... Как с ним, наверно, весело вдвоем завтракать!

— Тебе не понять. В нем есть что-то такое, от чего я балдею.

— Загадка, — подсказал Линч.

— Вот именно!

— Какой он из себя?

— Лысый, глаза серые, держится как джентльмен. А на что он тебе сдался? Из-за письма? Я знаю, что Барн этим интересуется, но у полиции что, нету дел поважнее? Тем более в Пандоре!

— Полицейские обожают любовные истории...

— Да хватит меня за дуру держать, — возмутилась Коко. — Скажи лучше, чего ты из меня душу тянешь?

— Я ничего не могу тебе сказать. Мы расследуем убийства и прорабатываем разные версии. Одна из них касается твоего красавчика, который может оказаться не таким уж милягой.

— Вечно вы, копы, подозреваете всех подряд. Бзик у вас!

— Кстати, насчет бзиков, ты за ним ничего такого не замечала? Что-нибудь необычное?

— Не знаю... — протянула Коко, и вид у нее стал задумчивый, как у пингвина на льдине.

— Неохота мне помогать, да? — вздохнул Линч.

— А ты ничего ему не сделаешь?

— Если он невиновен, конечно нет! Сейчас не времена инквизиции.

— Хорошо, — согласилась Коко. — В последний раз, когда он приходил, он у меня задремал ненадолго. Было жарко, я ему рубашку расстегнула и увидела татуировку. Что-то вроде кота.

— Кота? Интересно...

— Да, но без головы. Вот все, что я знаю. Ну как, трахаться будем?

Линч сидел в задумчивости.

— Эй, алё!

— Да, да...

Пока Коко раздевалась, он думал о Лорене, матери Тины, которая без конца повторяла "кот, кот". И о видениях Ники, которой чудились следы когтей на стене.

— Он, случайно, не рассказывал тебе про авиакатастрофу? — спросил Линч, подходя к умывальнику.

— Нет, а что?
— Да так. Ну, иди ко мне!

То, что Коко называла цунами, на самом деле было мудреной смесью тайского массажа и особой техники, которой она великолепно владела. Коко была такой мастерицей минета, каких ему в жизни не доводилось встречать. Ее язык извивался похотливой змеей, и пока ее рот скользил вверх-вниз и засасывал, Линч пребывал на седьмом небе.

Словно волшебник из страны Оз, он оказался в сказочном мире, где кругом одни чудеса. И где у котов еще есть головы. Потом его вдруг словно закружило. И он очутился в центре торнадо. Коко неистовствовала и ерзала на нем, массируя его тело с ловкостью тайки. Перед глазами все поплыло. Кроме кота, который взорвался и разлетелся на мелкие кусочки, забрызгав стены.

46

Барну казалось, что он складывает пазл, в котором не хватает всего нескольких деталек. И может даже, они все здесь, просто некоторые лежат не на месте... История про наколотого кота, которую рассказал Линч, не давала ему покоя. С первого же убийства этот зверь появлялся то тут, то там. Впрочем, как и миссис Плим. Казалось, эти две фигуры как-то связаны с преступлениями, хотя и не замешаны в них.

Ники позвонила в комиссариат узнать новости. Трубку взял Барн и рассказал ей о татуировке Таксиста. Она провела параллель с отрезанными руками. Если этот тип — убийца молодоженов, то Коко в опасности. И миссис Плим тоже. Хоть Барн ее и недолюбливал, но он себе не простит, если с ней что-нибудь случится. Он решил поговорить с ней — завтра она как раз должна прийти к нему убираться.

Он постоянно разговаривал с дочерьми, но ему так и не удалось ни разу поговорить с женой. И он

по ней не скучал. Барн осознал, что она прошла через его жизнь как тень. Не оставила никакого заметного следа. Кроме детей, разумеется. А ведь он столько лет считал, что он не может без нее жить. Как человек, который всегда боялся летать на самолете и, однажды полетев, вдруг понял, что ничего не чувствует, разве что легкую эйфорию. Расправив крылья, Барн парил над своей новой жизнью.

Линч поручил стажерке незаметно следить за Коко — сидеть в бистро напротив и наблюдать за всеми, кто входит к ней в дом. Лысого мужчину в черной рубашке заметить несложно. В тот вечер он пригласил Барна выпить. Он явно чувствовал, что у коллеги душа не на месте.

Линч никогда не рассказывал ему о брате. Не потому, что стыдился его, нет, скорее оберегал. Если тот выкинет какой-нибудь фортель, Линч сам этим займется, чтобы Фрэнки не пришлось пройти все круги ада. Несмотря на то, что показал ему врач, Линч продолжал его любить. На то было много причин. Нет связи прочнее, чем воспоминания детства. В их жилах текла одна и та же кровь. И все-таки инспектор очень волновался. Фрэнки так до сих пор и не вернулся! Линч надеялся, что брат нашел надежное убежище и строит там иглу. А не пожирает несчастных зверушек.

После нескольких стаканов "Бильбао" они принялись обсуждать мастерство Коко.

— Она еще не делала тебе цунами? — удивился Линч.

— Нет!

— В следующий раз попроси.

— Ммм... Я сейчас думаю только об одной женщине, которую недавно встретил. Она поселилась у меня в голове и оккупировала сердце под ванную комнату. Но от нее ни слуху ни духу...

— А ты не пытался снова ее увидеть? — заинтересовался Линч, с облегчением узнав, что его коллега влюблен не в Коко.

— Пытался, — признался Барн. — Я много раз ей звонил, но постоянно попадаю на автоответчик. Там даже ничего не наговорено, просто гудок, и все. Надеюсь, с ней ничего не случилось...

— Конечно нет! Не надо об этом думать.

— Когда день-деньской копаешься в преступлениях, начинаешь воображать бог знает что. Она такая красивая.

— Как ее зовут?

— Не знаю, — отозвался Барн. — Ну да, это глупо, надо было ее спросить.

— В Безымянном лесу, — съязвил Линч, — Алиса и Лань могут вместе шагать, покуда имен у них нет... Прекрасная тема для философского размышления, не правда ли?

— Ничего не понимаю.

— Ты что, не читал "Алису в Зазеркалье"?

— Мама мне говорила, что это сказки для девочек. Я предпочитал "Никелированные ноги"[1].

1 *"Никелированные ноги"* — серия французских комиксов.

— Слушай, Барн, ты же можешь узнать адрес по номеру ее мобильника. Для полицейского это несложно.

— Это незаконно.

— Ну и что?

Барн уже думал об этом, но в глубине души ему не хотелось узнавать ее адрес — слишком велико будет искушение ночевать на коврике под ее дверью. Дивная картина! Женщины терпеть не могут мужчин, которые перед ними пресмыкаются. Отец ему всегда это говорил. Барн осушил свой стакан.

— Любовь как бродячая собака, — сказал Линч. — У нее полно блох, но никто их не видит.

— Вы так хорошо в любви разбираетесь? — спросил Барн.

— Нет, но у меня был пес. Он постоянно удирал. Он раньше принадлежал бомжу, которого нашли мертвым на решетке канализационного люка. Стоило этом псу завидеть помойку, он мчался к ней и начинал там рыться. Порой притаскивал мне самые невероятные штуки. И даже научился сортировать... В жизни я любил нескольких женщин, — признался Линч, — но ни одну не любил так, как этого пса. Он умел говорить глазами, понимаешь? И он был свободен. Это давало ему такую силу, какая редко бывает у людей.

47

Потолок был как будто из ваты. Когда Барн встал, все вокруг завертелось, и он лег снова. Здорово перебрал вчера с Линчем. Он закрыл глаза, глубоко вздохнул. Полной грудью. Потом опять медленно встал и поплелся в ванную выпить большой стакан воды с аспирином. Нельзя, чтобы миссис Плим видела его в таком состоянии. Хороший душ, потом одеколон... О нет! От запаха дешевой туалетной воды в животе все перевернулось, и Барна едва не вырвало. Снова под душ. Вроде полегчало. Он потихоньку оделся и спустился на кухню. И только тут понял, что уже почти полдень! Он окликнул миссис Плим. Ее вещей не было. На автоответчике никаких сообщений. Странно. Мобильного у нее нет. Она из тех, кто не любит современную дребедень. На всякий случай Барн оставил ей на столе записку с просьбой, когда придет, позвонить ему на работу.

На службу он отправился с туманом в голове и бурей в животе. Но в темных очках было немного лучше. Когда он вошел в комиссариат, секретарша Бонни посмотрела на него с легкой усмешкой:

— Записались в кинозвезды?

— Глаза болят, — пробурчал Барн.

— А не голова?

— Ладно, хватит!

— Это, наверно, заразно...

Барн вошел в кабинет и увидел, что Линч тоже в темных очках. Оба расхохотались.

— Я тут думал про твою историю с этой женщиной, — сказал Линч. — Если не хочешь окончательно засохнуть, попробуй вернуться туда, где вы с ней встретились. Говорят, что убийца всегда возвращается на место преступления. А многие любовные истории близки к криминалу. Некоторые женщины убивают нас только затем, чтобы мы больше никому не достались.

— Романтическое у вас представление о женщинах, шеф!

— Я их люблю как варенье в банках. Берешь, какое нравится, намазываешь, сколько хочешь, и закрываешь крышку. Кстати, я попросил стажерку разузнать побольше об этом Таксисте. Похоже, он живет под вымышленным именем, которое нигде не значится. Сегодня утром я был по тому адресу, что ты мне дал. Консьержка не видела его уже давно. К тому же он вообще не получает никакой корреспонденции, что довольно странно.

— Наверно, у него абонентский ящик.

— Возможно. А что до твой домработницы...

— Да, кстати, я волнуюсь, — признался Барн. — Она должна была прийти утром, а от нее ни слуху ни духу!

— Консьержка Таксиста тоже ее не видела. Когда она последний раз у тебя была?

— В прошлый понедельник. Белье приносила. Но я никак не могу с ней связаться.

— Я поручил стажерке все выяснить и насчет этого Трумэна Дэвиса, попытаться нащупать связь между ним и Таксистом. Кстати, как поспал?

— Как в торнадо.

Линч не стал подшучивать над товарищем, потому что у него ночь прошла не лучше. Ему все внутренности вывернуло в туалете, зато потом полегчало. Поэтому, несмотря ни на что, он смог вовремя встать.

В дверь постучали. Вошла стажерка. Барн заметил, как у Линча загорелись глаза. Она действительно была неотразима в своей клетчатой миниюбке. Словно сошла с экрана старого французского фильма. Так некоторые иностранцы еще представляют себе парижанок. Те, кто ни разу не видел Эйфелевой башни.

— Я обнаружила кое-что очень странное, — сказала девушка, которую очень заинтересовало это дело. — Все тела удалось опознать, потому что самолет раз-

бился во время захода на посадку. Все, кроме тела Трумэна Дэвиса...

— Что? — воскликнул Линч.

— Похоже, он в последний момент раздумал лететь...

— Или его тело спутали с каким-то другим? — предположил Барн. — Такое бывает.

— Предположим, что Трумэн Дэвис не погиб... А что, если Таксист и он — одно и то же лицо? — размышлял Линч. — Вот и ответ, почему он хранит эти статьи об авиакатастрофе и откуда татуировка.

— У него есть татуировка? — удивилась стажерка.

— Да, кот без головы.

— У некоторых африканских племен это символ мести, — сказала девушка. — Я знаю, потому что мой парень из Нигерии.

Линч был сражен. Что он себе воображал, старый козел? Но инспектор быстро похоронил иллюзии и вернулся на привычную орбиту. Ему подумалось, что любовь — самое жестокое из зеркал. Слава богу, с Коко он мог ловить кайф, не теряя рассудок.

— Сообщите эту информацию Ники. А мы двигаем к фотографу и его жене. Она наверняка должна что-то знать.

48

Если бы эти выродки не вызвали его в полицию, Том управился бы с работой раньше и не попал бы в пробку! Он пытался дозвониться до Бетти сразу после полиции, но она не ответила. Обычно они звонили друг другу каждый вечер перед тем, как Алиса укладывалась спать, чтобы она пожелала папе спокойной ночи. Но днем Бетти часто отключала телефон, чтобы никто не беспокоил. Так она защищалась от мира. Впрочем, кроме мужа, ей почти никто не звонил, потому что подруг у нее не было, а от родных она давно отдалилась. Телевизора тоже не было. Из-за чего у них случались крупные ссоры с Алисой. В конце концов Бетти согласилась завести телевизор в квартире в Пандоре, но не в деревне. Поэтому Алиса всегда ездила туда неохотно.

Том тащился между двумя грузовиками, и у него было время подумать. Он не мог понять, почему

жена скрыла от него свое прошлое. Он воспринял это как недоверие с ее стороны. Что она вообразила? Что он ее бросит? Или стыдилась своего поступка настолько, что не хотела больше ни с кем о нем говорить, даже с мужем? Он тоже умолчал о том, что когда-то не без удовольствия фотографировал обнаженных женщин в непристойных позах. Почему он ей этого не рассказал? Вероятно, по тем же причинам, что и она. В глубине души он всегда подозревал, что у нее есть какая-то тайна... И разве это не добавляло ей привлекательности в его глазах?

Теперь Том понял, откуда эта вражда с родными и некоторая диковатость, которая, честное слово, так ей шла. Он не сердился на нее. Он за нее боялся. И за дочь тоже. Но не глупо ли паниковать из-за тени на фотографиях? Такой же точно, как на снимках убитых молодоженов, да, но что из этого? С какой стати кто-то будет желать зла его жене? И кто? Парень, от которого она забеременела и за которого собиралась замуж?

Том закурил сигарету. Попытался успокоиться. Нервничать не имело смысла.

49

Линча и Барна в квартире Тома встретила закрытая дверь.

— Пошли в ателье, — предложил Линч. — Фотографы обожают свою работу и часто вкалывают допоздна. Может, найдем его там.

Но в ателье было темно.

— Наверно, пошли куда-нибудь или за город уехали, — размышлял Линч. — Мать Тома говорила мне про дом, который он унаследовал от бабушки, они туда часто ездят. Но, черт, не будить же старушку среди ночи!

— Ну да, ее еще удар хватит, — сказал Барн.

— Сходим завтра.

— У нее нет телефона?

— Есть, но замотан скотчем!

— В смысле?

— Не забивай голову, Барн, у стариков свои мании. Моя бабушка клеила пластырь на кнопки радио,

чтобы не сбивалась частота. Она постоянно слушала новости на одной и той же волне, которая только их и передавала.

— Как думаете, шеф, мы такими же будем?

— Успокойся, мы будем хуже...

Барн поморщился. Старость внушала ему страх. Особенно с тех пор, как он остался один. Ему казалось, что только теперь он стал молодым. Словно летишь в вертолете над Атлантикой, не зная, дотянешь ли до другого берега! Зато смерть сама по себе его не пугала. Здесь, в Пандоре, к ней привыкаешь быстро. Могил не было, потому что здесь людей кремировали, а прах закапывали под дерево, которое им подпитывалось. Таким образом, можно было еще раз обнять тех, кто ушел в зазеркалье, и поговорить с ними. В дереве продолжала жить их душа.

Когда мать Барна умерла, он зарыл ее прах под ближайшим деревом у окна своей спальни. И как-то летним вечером, уже лежа в постели, он почувствовал, как ветка погладила его по щеке... И каждый год в ночь поминовения усопших люди зажигали свечу перед зеркалом, думая о тех, кого они любили и кто уже перешел в мир иной. Иногда "с той стороны" возникала чья-то тень. Но чтобы получилось, нужно очень горячо этого желать. А еще сохранить детскую душу.

— Знаешь, мне очень хочется заглянуть в ателье, — объявил Линч.

— Но, шеф, у нас же нет ордера.

— Как ты меня нервируешь своими идиотскими принципами! Немудрено, что жена от тебя свалила.

Барн побледнел. Эти слова были как пощечина.

— Прости, старина. Вырвалось, — извинился Линч. — Но лучшие полицейские вовсе не те, кто строго выполняет правила. А те, кто точно знает, когда их можно нарушить и почему. Правила написаны для баранов.

— По-вашему, волки умнее, потому что не соблюдают правил?

— Нет. Но они свободны. Пошли! — оборвал его Линч.

Он открыл багажник машины, которую поставил напротив ателье, достал гвоздодер и, дождавшись, пока на улице не останется прохожих, взломал дверь. Ничего сложного, ее уже кто-то взламывал!

— Похоже, он ставил новый замок, — заметил Линч, — но его надули!

В ателье был полный порядок. Том не был неряхой, это сразу бросалось в глаза. Сначала они обыскали магазин. Только заказные работы, ничего интересного. В дальней комнате они провели больше времени, и там кое-что все-таки нашли. Барн обнаружил фотографии новобрачных.

— Посмотрите, шеф, как странно! Видите, здесь, на увеличенных снимках. В углу... Видите?

— Да, можно сказать, человек без лица...

— Потому что лицо смазано. Наверно, он шевельнулся, когда снимали.

— Мм... И что? Что тут странного? — усмехнулся Линч.

— Да это тот же тип, что и на снимке других убитых молодоженов! — воскликнул Барн, показывая фото.

— Да? Действительно. Ну и что? Наверно, у них был общий друг, который шевельнулся во время съемки, вот и все. Не о чем говорить!

— Как раз есть о чем, — не унимался Барн. — Посмотрите сюда...

И он показал Линчу снимки загородного дома, которые Том тоже увеличил. То же смазанное лицо виднелось за одним из окон. Голова в черной шляпе.

Они уже собирались уйти, когда зазвонил телефон. Линч посмотрел на аппарат, слегка удивленный — было уже довольно поздно.

— Что будем делать? — спросил Барн.

Линч снял трубку, ничего не говоря. На том конце послышалось чье-то дыхание.

— Алло?

Раздался смешок, и снова воцарилась тишина.

— Кто это был?

— Не знаю, — ответил Линч. — Повесили трубку.

— Значит, это кто-то, кто хотел выяснить, здесь ли еще Том.

— Вероятно. Но зачем?

— Может, чтобы прийти убить его... — предположил Барн.

— Да... Или убить его жену. Пошли, разбудим старушку, пусть скажет, где находится их загородный дом. Другого выхода нет.

50

— Мам, можно мне еще поиграть?

— Нет, Алиса, уже поздно, иди спать, а я помою посуду, потом приду сказать тебе спокойной ночи.

— Ну, мам... Пожалуйста!

— Нет.

Алиса, ворча, стала подниматься по лестнице. Она знала: когда мать говорит нет, с ней бесполезно спорить. И все-таки каждый раз пробовала стоять на своем в надежде, что та хоть разок уступит. Один разочек... Потом уже будет проще.

Девочка не спеша умылась и почистила зубы. Долго расчесывала волосы, себе и кукле. Потом порылась у матери в шкафу. Там не нашлось ничего интересного, кроме маленького флакона духов, нескольких безделушек, крема для рук и от солнца. Ни помады, ни других баночек с косметикой. Бетти не была кокеткой.

По крайней мере, с некоторых пор, потому что Алиса как-то нашла фотографию, забытую в старой книге, и на ней мама стояла такая нарядная! На ней было короткое платье с глубоким вырезом, а на губах красивая алая помада в тон. Волосы длинные и гладкие. Не такие всклокоченные, как сейчас. Девочка ничего не сказала и спрятала фотографию к себе под матрас. Иногда она доставала ее и разглядывала.

Почему мама так изменилась? Конечно, она все еще красивая, но в ней как будто что-то сломалось. Как в ее кукле, которая упала с лестницы. С куклой ничего страшного не случилось, потому что она резиновая, и все же Алисе казалось, что выглядит она теперь по-другому! Девочке было стыдно, что она ее уронила, хоть это и вышло нечаянно. Каждый раз, когда она смотрела кукле в глаза, ей чудился в них упрек.

Алиса залезла в постель, погасила свет и стала ждать маму. Она никогда не задергивала занавески, чтобы не было слишком темно. И чтобы можно было смотреть на звезды. Ей нравились эти огоньки, похожие на рождественскую гирлянду в небе. Кто-то ей говорил, что иногда кусочки звезд падают на землю. И если такой найдешь, то станешь феей и сможешь исполнять все желания. Девочка не верила в фей...

Бетти терпеть не могла мыть посуду. Но еще больше ей не нравилось вставать утром и разгребать

вчерашний беспорядок. Это портило ей весь день. Как и прочие домашние обязанности. Они превращали ее в робота. А ей нравилось сидеть в уголке с книгой. Гулять на природе. Простые радости. А еще смотреть, как играет дочка. Да, это тоже, но между ними всегда словно висела темная пелена.

Она уже собиралась уйти из кухни, когда погас свет. Она пощелкала выключателем. Ничего. Иногда здесь случались перебои с электричеством, но в основном во время грозы. Бетти открыла ящик, где лежал фонарик, но там его не оказалось. Его часто брала Алиса, чтобы поиграть в театр теней. И конечно, она забыла положить его на место! Надо взглянуть на пробки, прежде чем подниматься.

Бетти прошла через гостиную, чтобы закрыть ставни. Ничего, что нет электричества, лунного света достаточно, чтобы осветить комнату, которую она знала как свои пять пальцев. Она открыла окно. Задержалась на мгновение, чтобы подышать свежим воздухом, запахом листьев и трав. Потом закрыла. Подходя к другому окну, она заметила в кресле какую-то тень. Такие сюрпризы как раз в духе Тома. Но ведь он знает, что она этого не выносит! И каждый раз не может удержаться. Мальчишество всегда берет верх.

— Том! Ты же знаешь, я терпеть этого не могу!

Он не пошевелился. Бетти слышала только его дыхание.

— Хватит, что за дурацкие шутки! — взмолилась она.

Ответа не последовало.

Бетти вдруг охватило сомнение. А вдруг это не Том?

51

— Странно, что старушка не отзывается, — сказал Линч. — В такой час ей пора быть в постели!

— Или она глухая как пень, или приняла снотворное, или отправилась в ночной бар.

— Ну конечно, — хмыкнул Линч. — Куда ж еще!

Он постучал снова. На этот раз сильнее.

— Знаете, шеф, моя теща обожает техно!

— Да, но эта точно не из таких, уж поверь мне! Слушай, собака лает. Она должна ее разбудить.

Линч приник ухом к двери, надеясь услышать шарканье тапочек. Но было тихо.

— Все, хватит ждать, пока она вылезет из могилы, давай, заходим! — приказал Линч.

Он попытался подцепить замок. Но это была старая, довольно надежная модель. Линч отступил назад, разбежался, ударил в дверь, и та поддалась. Завтра синяк на все плечо обеспечен.

— Как вы, шеф?

— Да вроде ничего.

Видя, как начальник сморщился, Барн усомнился в его словах.

Ему стало нехорошо от ударившего в нос запаха. Воняло затхлостью, собачьей мочой и пригорелым салом.

— А пес куда подевался? — удивился Барн, привыкший, что собаки всегда кидаются нюхать его ботинки.

— Он робкий, при посторонних под шкаф прячется. И поверь мне, так оно лучше!

— Да? Почему?

— Да так... Пусть это будет сюрприз.

Они осторожно подошли к столовой, которая одновременно служила и кухней. Телевизор был включен. Старушка спала в кресле перед экраном.

Линч ее легонько потряс, и голова ее упала набок.

— Похоже, она мертвая, шеф!

— Ты думаешь?

Он приложил ухо к груди старухи. Пощупал пульс. Она не дышала.

— Черт, — помрачнел Линч. — Бедняжка! Наверно, сердечный приступ или что-нибудь в этом роде.

— Вредно много смотреть телевизор!

Линч закрыл ей глаза. Он думал о том, что когда-то очень давно она, вероятно, была красивой женщиной и какой-то мужчина так влюбился в нее, что сделал ей ребенка. Что маленький Том любил

свою мать. Что для него она наверняка была лучшей мамой на свете.

Теперь от нее осталось изношенное тело в платье с полинявшими цветами, поредевшие волосы и уродливые ступни, раздутые после всех невзгод, которые ей пришлось пережить. Она умерла в своем склепе воспоминаний, одна с собачкой, сидя у телевизора, который служил ей окном в мир ужасов и иллюзий. Передавали репортаж о детях, которые рылись в отбросах. Линч взял пульт и пощелкал программы. Остановился на мультике.

— Шеф, поглядите, что я нашел, — сказал Барн, который начал открывать ящики, надев на всякий случай перчатки...

Он протянул ему газетную статью, где говорилось об авиакатастрофе Трумэна Дэвиса.

— Значит, она знала про невестку! — продолжал Барн.

— Не обязательно. Может, это случайность.

— О! — воскликнул Барн, продолжавший обыск. — А вот и невесткино письмо, и деньги внутри! "Надеюсь, вы скоро сдохнете" написано. И подпись: Б. В.

— Вот это да! — поразился Линч. — Старуха ее шантажировала! Ни за что бы не подумал! На вид такая славная бабулька была.

— Внешность обманчива.

— Знаю...

— Это еще не все! — продолжал Барн, который нашел еще три конверта, на этот раз пустые, но от того же отправителя.

— Первый послан в апреле.

— И первое убийство молодоженов случилось в апреле... — сказал Линч.

— Думаете, тут есть связь?

— Не знаю, но у меня такое чувство, что в тот день началась какая-то адская свистопляска.

Линч тоже порылся в вещах и отыскал адрес загородного дома на обороте фотографии, где он был изображен. Красивый домик в окружении зелени. На его вкус слегка мрачноватый.

Они уже собирались уйти, и тут собачка вылезла из укрытия.

— Черт, совсем про нее забыл!

Песик бросился к Линчу, и у того не хватило духу его оттолкнуть. Он взял его на руки.

— Симпатяга, — сказал Барн.

Линч тут же воспользовался случаем, чтобы передать пса коллеге, который его погладил. Собака принялась облизывать Барна, и тот отпрянул:

— Боже, до чего ж вонючая псина!

— Ты находишь? Да нет, это только кажется, — посмеялся Линч.

— Что нам с ним делать, шеф? Нельзя же его тут оставлять...

— Забирай его, похоже, ты ему нравишься.

— Я не могу, у меня кот! Они драться будут. Но у вас-то, шеф, животных нет. Вам с ним будет не скучно.

Линч вздохнул. И снова взял песика на руки. Попытался увернуться от поцелуев, но, видимо, псу понравился его лосьон после бритья. В голове Линча мелькнула гениальная мысль: он подарит его Коко! И коллега сможет еще не раз его навестить.

Уже выходя, Барн вдруг воскликнул:

— Шеф! Гляньте возле кресла! Ну надо же... А старушка-то не скучала!

Линч взял резиновый член и под ошарашенным взглядом коллеги сунул его в зубы собаке.

— Это правда, — сказал инспектор. — Она очень любила играть со своей собачкой. А ты что подумал?

— Э-э... Ничего, шеф.

И они помчались в загородный дом, а песик по дороге уснул на заднем сиденье и храпел, как мотор "боинга".

52

— Нет, не может этого быть! — Бетти направила свет фонарика на человека в кресле и ошеломленно уставилась на него. Он был похож на Трумэна, чем-то напоминал его, но это был все-таки не он. И потом, Трумэн же погиб в авиакатастрофе. Она читала об этом в газетах. Не в силах пошевелиться, она смотрела на призрак в черной шляпе, со стальным блеском в глазах. Лицо его было мертвенно-бледным.

— Как давно я ждал этого часа, дорогая Бетти.

— Вы не Трумэн.

— Ошибаешься! Да, я изменился...

— Трумэн разбился на самолете.

— Тебя бы это очень устроило, правда? Я действительно зарегистрировался на рейс, но в последнюю минуту не сел в самолет. Не знаю почему. Наверно, противно было лететь в свадебное путешествие одному... Все эти годы я думал, как отомщу тебе. Это и помогло мне выжить. Я долго тебя искал. Ты сло-

мала мне жизнь. Убила моего ребенка, которого носила. Изничтожила мои мечты. И я мстил... Но дело еще не закончено! Знаешь, я ведь мог бы убить тебя еще в тот вечер, когда шел за тобой по улице, но я решил выждать момент, чтобы сделать твою смерть изысканной...

— Выслушай меня...

— Слишком поздно. Слишком поздно, чтобы вернуть мне ребенка, от которого ты избавилась. В каком унитазе ты его утопила?

— Я... я не помню.

— Врешь! Держу пари, ты избавилась от него, как от грязи.

— Нет!

Трумэн истерически захохотал. Бог свидетель, он так любил эту женщину! И возненавидел, когда она объявила: "Свадьбы не будет. Я ухожу, потому что больше тебя не люблю. Я люблю другого. И я сделала аборт".

К той, что стояла сейчас перед ним, он испытывал лютую ненависть. Бетти утратила ту утонченность, в которую он когда-то влюбился. И превратилась в обычную женщину. Ее очарование померкло от повседневной рутины. Тем лучше! Это упрощало дело, потому что он собирался мучить ее сильней остальных.

53

На дороге стало свободно. Тому казалось, что он простоял в пробке целую вечность. И сейчас он мчался на всех парах. Дурное предчувствие угнетало его все больше по мере того, как он удалялся от города, и не давало ему покоя.

Что-то ужасающее скрывалось в этой ускользающей тени на всех фотографиях. Том чувствовал в ней угрозу. Он долго рассматривал этого человека, максимально увеличил снимок, чтобы разглядеть его лицо. Но все тщетно.

Глядя на мелькавший по сторонам однообразный пейзаж, Том снова и снова думал о том же. Спустя час он свернул с шоссе на местную дорогу. Было темно. Фонари не горели. Только свет фар, похожих на два больших желтых глаза, скользил по асфальту. Машина ехала быстро. Дорога шла через лес, где он

иногда останавливался, когда ездил здесь днем, чтобы немного проветриться. Насколько приветливым и уютным казался лес в лучах солнца, настолько же страшным он выглядел ночью. Тому представилось, что в нем обитают какие-то чудовищные создания, а при свете желтой луны на поляне танцуют призраки. Что-то из далеких детских воспоминаний. Наверно, нечто подобное когда-то рассказывала ему бабушка.

Он зажег сигарету. На душе стало спокойней. Он где-то читал, что некоторые люди, зная, что должны умереть, продолжают заниматься обычными делами, — как мы держимся за перила, чтобы не упасть.

Том устал. Он бы с удовольствием выпил кофе. Полчаса назад он проехал мимо ветряков и закусочной, где в прошлый раз останавливался, но там было закрыто. Он знал другой бар, который работал всю ночь, недалеко от перекрестка. Он никогда там не был, но на всякий случай заприметил его. Розовая неоновая вывеска едва светилась. В "Бразилии" не было никакой экзотики. Маленькое никудышное бистро. Том колебался, стоит ли заходить. Его грызла тревога. Хотелось поскорее доехать. Но глаза так слипались, что машина чуть не улетела в кювет. И тогда он все же решил ненадолго остановиться. Поставил машину в сторонке и даже не закрыл на ключ. Все равно, кроме него, здесь никого не было. Кому придет в голову притащиться в эту мерзкую забегалов-

ку, торчащую у дороги, словно старая шлюха, поджидающая бродягу?

За стойкой стоял бармен лет пятидесяти. Он не отрываясь смотрел телевизор.

Том заказал крепкий кофе. Бармен молча его оглядел и крикнул:

— Зелия! Крепкий кофе.

Через несколько минут появилась женщина в инвалидном кресле, на вид несколько старше бармена, на подносе она держала чашку горячего кофе. Хозяин поставил чашку на стойку. Том пил маленькими глотками. Слишком горячий. Выпив половину, он почувствовал себя плохо. Голова закружилась. Перед глазами все поплыло. Он увидел, как калека медленно задрала платье и обнажила протез: пластиковую ногу с шарниром в колене.

Сзади стоял мужчина и наблюдал за ними с ружьем в руках.

54

Угрожая револьвером, Трумэн привел Бетти в кухню и заставил раздеться. Потом привязал ее ремнями к столу.

— Умоляю тебя, я...

Скотч, заклеивший рот, заставил ее замолчать. Потом он вышел, чтобы включить электричество. Ему хотелось видеть все до мельчайших деталей. Он так долго ждал этой минуты!

Трумэн достал из сумки большой нож и несколько минут смотрел на Бетти, лежавшую перед ним обнаженной, в непристойной позе. Он как можно шире развел ее ноги, чтобы сделать то, что задумал. Потому что для нее он приготовил изощренную пытку, особый ритуал, который обдумывал много лет. С того самого дня, когда она сказала, что убила его ребенка. Подобно пауку, терпеливо плетущему свою паутину, он ждал удобного случая. Когда ненависть достиг-

нет наивысшей точки, за которой только безразличие. Точки, когда становится возможным буквально все.

Он ликовал при мысли, как она будет унижена, охваченная животным ужасом. Она покрылась испариной. Ее била дрожь. Вытаращив глаза, она что-то тщетно пыталась ему сказать. Но он больше ничего не хотел знать о ней.

Зато с каким наслаждением он рассказал ей о своих преступлениях, во всех подробностях. Чтобы разрушить ее бутафорский рай, заставить подозревать Тома, этого жалкого фотографа! И еще потому, что он не мог выносить чужого счастья. Затем поведал о том, как здорово провел этих простофиль полицейских. Про письмо, подсунутое в карман Барна, из-за которого у него в семье все полетело вверх тормашками. Про призрак в квартире напротив окон Линча... Проще простого надеть парик, а потом взять манекен и изобразить, что душишь его. А что до профайлера, то он проверял, насколько она умна, посылая ей знаки. Что-то вроде игры в шахматы.

Прежде чем начать свой мрачный ритуал, он еще раз внимательно посмотрел на Бетти, на эту женщину, которая когда-то так сильно влекла его и к которой он теперь ничего не испытывал. Она была всего лишь грудой плоти, заключавшей в себе сатанинскую душу. Ему представилось, что у нее в голове сидит насекомое. Мерзкая, съежившаяся, вонючая тварь с ядовитым жалом.

Он с презрением ощупал ее грудь. Слишком дряблая. Трумэн расхохотался. Неужели это могло его возбуждать?

Он машинально вытер нож о штанину. Ему нравилось блестящее лезвие. В отличие от новобрачных, ей он отрежет руки в последнюю очередь. Это будет даром его матери, рожденной без рук. Он часто повторял себе, что его жизнь сложилась бы совсем иначе, если бы мать не была калекой. Как может ребенок, которого мать никогда не обнимала, а сверстники вечно травили, вырасти нормальным в этом глупом мире? С него содрали кожу в момент рождения. Чтобы выжить, ему пришлось одеться в броню. Стать жестким. Отринуть все чувства. И эта стерва Бетти разрушила все, на что он потратил столько лет...

Он отрежет ей руки в последнюю очередь. Чтобы она оставалась в сознании до конца пытки, которую он задумал.

55

Том очнулся на автостоянке в луже рвоты. Вывеска бара была выключена. Он с трудом поднялся. Пошарил в карманах. Бумажник исчез...

Машина стояла на месте. Том забарабанил в дверь бара. На втором этаже открылось окно, и раздался голос:

— Убирайтесь, а то башку прострелю.

Хозяин целился в него из ружья.

Том сел в машину и исчез в темноте.

Он двигался как автомат. И не мог понять, наяву он сейчас едет по дороге или только мечтает об этом, а кошмар на самом деле продолжается. Его опять замутило. Том открыл окно. От свежего воздуха стало как будто легче.

Вдали на дороге кто-то голосовал. Силуэт в черном пальто и черной шляпе. В свете фар Том увидел мужчину без лица. Оно было размытым, как на тех фотографиях. Его словно молнией пронзило.

Он вспомнил сцену из фильма "Изгоняющий дьявола", которая ужаснула его больше всего: старуха без лица едет по улице в двуколке с дикими лошадьми в упряжке — символ смерти.

Поравнявшись с голосовавшим мужчиной, Том увидел, что тот исчез. Испарился! Как дым. Он машинально взглянул в зеркало заднего вида. Призрачный силуэт снова появился на том же месте.

Том уже не понимал, была ли это галлюцинация от наркотика, растворенного в кофе, или он сам уже на пути в мир иной.

56

Увидев куклу Алисы, Бетти закричала. Но крик заглох у нее в груди. Мучитель раздвинул ей ноги и воткнул голову куклы в ее вагину. Надавил изо всех сил. Бетти надеялась, что он не тронул ее дочь. Но от этого изверга можно было ожидать самого худшего. Теперь она это знала. Прежде ей и в голову бы не пришло, что он на такое способен. И однако Бетти бросила его, потому что смутно чувствовала в нем что-то пугающее. Пугающее и нездоровое. Она не заметила этого сразу, очарованная его обаянием. Как всякий убийца, он прятал в своем сердце нож. Бетти хотелось крикнуть, спросить, что он сделал с Алисой. Броситься на него и разорвать на куски.

Он надавил снова. Бетти ощутила, как по ногам потекло что-то горячее. Руки куклы уже были внутри нее. Она подняла голову и увидела всюду кровь.

Когда он вдавил в нее куклу целиком, Бетти потеряла сознание.

Ей нельзя сейчас умирать, разозлился Трумэн и ударил ее по щеке, чтобы привести в чувство. *Она должна чувствовать все, что я для нее приготовил...*

Он взял огромный нож мясника, поиграл им, вытер о штанину. Медленно, тщательно.

Бетти знала, ей осталось всего несколько секунд, чтобы подумать. Главное — не растратить их зря. И она вспомнила первый поцелуй Тома. Тогда будто электрический ток по ней пробежал. После рождения Алисы она уже такого не чувствовала. Роды словно убили в ней женщину. Их отношения с Томом стали иными. Вроде нежной дружбы. Чудесное время. Бури и грозы остались позади.

Адская боль пронзила все тело. Внезапно и быстро. Трумэн отрезал ей руку. Когда он резал другую, Бетти уже не было в живых.

Она не успела попросить у Тома прощения за то, что скрывала от него свое прошлое. Но по сути, какая разница? Если бы он знал, что бы от этого изменилось? Может, он меньше любил бы Алису, знай он, что это не его дочь... Нет, аборта она не делала. Она все выдумала, чтобы сохранить ребенка и вырастить его вместе с человеком, в которого влюбилась без памяти. И Том любил Алису, как любят родных детей...

Бетти завела смертоносную машину в день первого поцелуя с мужчиной своей жизни. Именно в то мгновение она поняла, что ошиблась, согласившись выйти за Трумэна.

Из-за этого поцелуя погибла Алиса, убитая собственным отцом...

Бетти унесла свою тайну в заоблачные дали, где все "важные вещи" не имели уже никакого значения.

57

— Эта псина начинает меня доставать, — проворчал Линч.

Песик уже какое-то время жалобно повизгивал.

— Может, он писать хочет? — предположил Барн.

— По-твоему, сейчас время? Ты видел, сколько машин? Мы уже час не можем с места сдвинуться.

Барн погладил собаку, чтобы ее успокоить. Не получилось.

— Ты не знаешь, куда едут все эти ослы? — ярился Линч.

— Сегодня выходной. Наверное, за город.

— Разве я уезжаю на выходные? Это же тоска смертная.

— А мне нравится. Отдохнуть можно, — признался Барн.

— Да? Любишь прогулки, альпинизм и прочую ерунду?

— Нет, мне на пляж ходить нравится.

Линч посмотрел на коллегу с жалостью. Он никогда не понимал стремления людей тащиться за сотни километров, чтобы полежать на пляже, переполненном, как метро в час пик. А уж любителей велосипедов или пеших прогулок он понимал еще меньше, так как сам терпеть не мог спорт. В детстве он ненавидел уроки физкультуры.

Пес принялся лаять. Линча это окончательно вывело из себя. Только этого не хватало, тем более в пробке.

— Я его прогуляю, шеф, — предложил Барн. — Чуть дальше есть стоянка.

— Да? А поводок у тебя есть?

— Он не сбежит, я буду следить, не волнуйтесь. Кстати, как его зовут, не знаете?

— Э-э... Потом вспомню, но сейчас провал в памяти. Возраст...

— Да нет, это от усталости, шеф, — вежливо возразил Барн.

— Ты настоящий подхалим, знаешь об этом?

— Знаю. Отец мне всегда говорил: чтобы продвинуться в полиции, нужно уметь пить и врать.

— Да? А чем твой отец занимался?

— Разводил легавых.

Барн взял собаку и вышел из машины. Линч наблюдал за ним. Он считал, что Барн изменился с тех пор, как его бросила жена. Период отчаяния и восклицаний "вот стерва!" сменился мыслями "такой, как она, больше не найти", и наконец все вернулось на круги своя, можно начинать заново. Уверенный взгляд и растрепанные волосы, прощай ровный пробор. Барну это очень даже шло. Когда-то Линч видел его жену. Барн пригласил его домой на ужин. Линчу тогда показалось, что он попал в телесериал про идеальную домохозяйку, похожую на кухонный комбайн "Мулинекс", только с завивкой. И он возблагодарил Бога за то, что тот создал шлюх.

Погруженный в свои мысли, Линч вздрогнул, когда кто-то постучал в стекло. Грузный мужик в футболке, потрепанной за годы сидения у барной стойки, требовал, чтобы Линч ехал.

— Вы всех тормозите! Нашли время дрыхнуть за рулем! И вообще пристегнитесь! На копов нарветесь — штраф обеспечен.

Линч увидел, что дорога свободна. Он опустил стекло и окликнул Барна. Того нигде не было. Собаки тоже. Он громко позвал его. Никто не ответил. Линч немного проехал вперед и остановился на обочине.

Он снова позвал Барна. Прошел несколько шагов в ту сторону, где его высадил. Никого. Линч закрыл машину и углубился в лес...

58

Трумэн поднял руку, которую бросил посреди кухни. Снял обручальное кольцо и повесил его на цепочку, которую носил на шее. Кольцо оказалось рядом с двумя другими, снятыми с убитых невест.

Он с удовольствием их оглядел. Потом распахнул ворот черной рубашки и снова надел цепочку, поправив кольца и разместив их на месте отрубленной головы татуированного кота. Он специально так подобрал длину цепочки, чтобы кольца висели именно там.

Он не сразу осознал, что его мать не такая, как все. То, что у нее не было рук, вовсе не лишало его материнской любви. Она часто улыбалась ему, гладила его ступнями и обнимала ногами. Каждый раз, вспоминая об этом, он чувствовал сильный запах ее влагалища, прижатого к его шее. Отец бросил его сра-

зу после рождения, оставив им своего кота. Мать вырастила сына одна, и он ни с кем не общался, пока не настала пора идти в школу. Тогда-то он и попал в жестокий и безжалостный мир детей и понял, что однажды будет убивать.

Он годами сдерживал свою ненависть. Она росла в нем как плотоядный цветок, пожирая его изнутри. Она питалась его обидами, муками и всеми унижениями, которые ему пришлось вынести. Сердце у "сына безрукой", как его называли, было раздавлено шутками и насмешками жалких сопляков, которые обстреливали его словесными стрелами. Слова всегда ранили Трумэна сильнее ударов. Власть слов казалась ему убийственней любого насилия. И чтобы защититься, он возвел вокруг себя стену молчания, давая лишь поверхностные ответы на чужие вопросы. Лишь бы не привлекать внимание. Он ненавидел болтливых людей. Разговоры не доставляли ему никакого удовольствия. Мать была, пожалуй, единственным человеком, которого он любил. До того дня, когда он объявил, что хочет уйти из дома...

И тут ему открылась совсем другая женщина. Она кричала: "Если уйдешь, можешь не возвращаться. Ты мне больше не сын. Ненавижу тебя!" Он заплатил соседке, чтобы та о ней позаботилась. А матери пообещал часто ее навещать. Через неделю ее нашли мертвой под лестницей в погребе.

Соседка сказала, что она, скорее всего, споткнулась о кота. Трумэн всегда ненавидел это животное, напоминавшее ему об отце. И в ярости, что-

бы отомстить за смерть матери, отрубил коту голову. Без всякой жалости.

Трумэн поднялся наверх, чтобы завершить свою миссию.

59

Алиса в полусне попыталась нащупать куклу и прижать к себе. Не найдя ее на привычном месте, возле подушки, куда она укладывала ее каждый вечер, девочка окончательно проснулась. Зажгла ночник. Посмотрела на полу. Потом под кроватью. Куклы нигде не было. Может, она ушла погулять? Как-то вечером мама читала ей сказку про то, как игрушки по ночам оживают. А с восходом солнца снова принимают обычный вид. А вдруг она спустилась по лестнице? Для куклы это опасно, у нее ведь маленькие ножки... Тем более она уже раз оттуда свалилась!

Алиса подбежала к двери, хотела открыть, но дверь оказалась заперта на ключ. Она забарабанила изо всех сил. Стала звать маму. Никто не ответил. Рассердившись, девочка вернулась и села на кровать. Что это еще за глупости? Она подошла к окну и открыла его. Слишком высоко. Слишком темно. Почему мама ее заперла? Вот злюка! Может, она с тем гос-

подином, который крутился у дома и приказал ей молчать, а не то он ее убьет?

Она услышала шаги на лестнице. Тяжелые, словно удары молота. Все ближе и ближе. Это не мамины, она часто поднималась так, что Алиса и не слышала. И не папины, хотя он мог неожиданно вернуться. Но на улице не было его машины.

Что-то подсказывало ей, что надвигается опасность, и она спряталась в шкаф.

Было слышно, как повернулся в замке ключ. Шаги приблизились к кровати, потом к открытому окну. Потом к шкафу. Девочка услышала чье-то дыхание. Вздох. Чья-то рука ощупывала деревянную дверцу ее ненадежного убежища. Алиса задрожала, и ей показалось, что вместе с ней дрожит вся земля.

Если бы с ней была кукла, чтобы прижать ее к груди! А вдруг ее украл он, тот, что снаружи? Чтобы с ней поиграть... Может, он пришел вернуть ей куклу? Почему он так тяжело дышит? А вдруг это людоед? Или какое-то чудовище?

Дверь шкафа со стуком распахнулась.

60

Резкий толчок! Линч рухнул ничком на землю, усыпанную сухими листьями. И хотя они смягчили падение, несколько секунд он не мог понять, что с ним произошло. Слегка оглушенный, Линч встал и осыпал проклятиями эту чертову ветку, о которую он споткнулся.

Становилось темно. Теперь он различал только угрожающие силуэты деревьев с полысевшей кроной. Ветки, словно руки мертвецов, тянулись к небу. Да где же Барн шляется с этой глупой собакой? Нашел время разгуливать по лесу!

Внезапно Линч услышал лай. Тут, совсем рядом... Он пошел туда. И увидел собаку, попавшую лапой в капкан. Линч погладил пса и раздвинул стальные зубья. Насколько он мог разглядеть, рана была неглубокой. Он взял песика на руки и позвал Барна. Потом громче. Ответа не получил.

Линч вернулся к машине и увидел своего товарища, тот стоял, опершись на капот.

— Ну и где он был, этот идиот? — проворчал Барн. — Я его всюду искал.

— Угодил в капкан. У тебя есть спиртное?

— Гм... Я не пью, шеф.

— Вот и зря! А мог бы спасти бедную зверюшку от ампутации. К счастью, я всегда готов помочь ближнему, — сказал Линч, извлекая из кармана флягу.

— Чего ж вы меня тогда спрашивали? Проверяли, хороший ли я полицейский?

— Люди, которые не пьют, не курят и не трахаются, всегда казались мне подозрительными, — сообщил Линч. — Просто я хотел сохранить неприкосновенный запас для себя.

Он всегда имел при себе немного виски, на какой-нибудь экстренный случай. И хотя он избегал пить днем, все равно приятно было знать, что "индивидуальный пакет первой помощи" всегда при нем.

Они сели в машину, и Линч обвязал псу лапу своим платком, смоченным виски.

— Он от одного запаха опьянеет! — хмыкнул Барн.

— У меня был коллега, который соревновался со своим псом — кто больше выпьет. И пес часто побеждал!

Барн улыбнулся, поглаживая пса, свернувшегося у него на коленях. Ему нравились такие истории.

— Вы так и не вспомнили его кличку, шеф?

— Вспомнил. Его зовут Долли.

— Кошмар, — вздохнул Барн.

— Да уж! Некоторым очень не везет в жизни... Слушай, ты что, будешь его на руках держать?

— Он же ранен, шеф!

— Ну уж нет! Посади его назад. У него из пасти воняет, сил нет.

— Бедный песик...

— Ладно уж, — согласился Линч и открыл окно.

Машина сорвалась с места. Надо было нагонять упущенное время. Но если и есть на свете что-то, чего не нагонишь, так это как раз время.

61

Том с облегчением увидел свой дом. Окна темные. Бетти и Алиса наверняка спокойно спят. Он радовался, что наконец доехал и в случае чего сможет их защитить. Все его страхи были на пустом месте.

Он поискал ключ и не очень удивился, обнаружив дверь открытой: Бетти считала, что в деревне не так опасно, как в городе. Ей всегда казалось, что природа защищает ее.

Том поднялся по лестнице. Ему хотелось нырнуть в постель к жене под бочок. Вдохнуть ее запах, прикоснуться к ее коже. Ощутить мягкость волос. Он тихонько отворил дверь спальни, чтобы не разбудить Бетти, и склонился над подушкой взглянуть, как она спит. Кровать была пуста.

Он зажег ночник и с удивлением обнаружил, что постель даже не разостлана. Он бросился в комнату Алисы. Ее кровать тоже была пуста.

Одеяло валялось на коврике. Какое-то пятно на полу привлекло его взгляд. Он потер его пальцем. Кровь!

Том живо спустился вниз. Его сердце бешено колотилось. Он зажег свет в гостиной. Все выглядело как обычно. Он бросился в кухню.

Когда он увидел Бетти, лежавшую на столе, ее несчастное тело, привязанное ремнями, и глаза, в которых застыла боль, у его ног словно разверзлась земля. И поглотила его навеки. Как будто чья-то гигантская пасть схватила его и, захлопнувшись, раздробила сердце. Выпила разом всю кровь. Он превратился в бесплотный призрак. У Бетти не было рук. Он подумал, что на него еще действует подмешанный в кофе наркотик. И все, что он видит, просто галлюцинация. Дурной сон. И он засмеялся. *Это не Бетти, это манекен.*

Подойдя ближе, Том увидел, что из ее разрезанного живота выглядывает маленькая головка. А потом заметил маленькие ножки, торчащие из влагалища. Кукла Алисы...

Том перестал смеяться. Его вырвало. Впервые в жизни он ощутил едкий вкус ненависти. Той, от которой не избавиться никогда, которая остается в душе даже после смерти.

Белокурые волосы Бетти валялись на липком полу. Слипшиеся пряди спутались и напоминали отвратительных слизняков. Ее волосы, которые так хорошо пахли и хранили столько его мечтаний...

Обезумевший Том двинулся в прачечную. Обо что-то споткнулся. Нагнулся и поднял руку жены. Поглядел на нее, не понимая. Какой-то цветок с закрытым венчиком. Он раскрыл лепестки и увидел, что линия жизни исчезла.

Ее ладонь была сожжена.

Том взревел, как больной волк перед смертью.

И долго стоял оглушенный, не решаясь толкнуть дверь прачечной. Он знал: если войти в ад, обратно уже не выйдешь, разве что превратившись в дьявола.

62

Когда солнце садилось, Трумэн становился другим человеком. У него случалось раздвоение личности. И он не мог сказать, какая из двух хуже...

В детстве ему часто снились кошмары. Он просыпался в поту и звал маму. Чаще всего ему снился дождь рук, падающих на землю. Едва упав, они разбегались в разные стороны и захватывали планету. Плотоядные руки пожирали все на своем пути и превращались в чудовищ. Об этом он не мог рассказать матери. И никому другому.

Он ехал по пустынной дороге, довольный завершением своей "миссии". Единственным богом, в которого он верил, был он сам. Убийство давало ему головокружительное ощущение абсолютной власти. Он испытал ни с чем не сравнимое удовольствие, убивая молодоженов. И разрабатывая мизан-

сцену в окне для этого пьянчуги копа... Хотел, чтобы у того в голове помутилось. И у него бы получилось, не будь этот парень таким упертым.

По какому праву другие наслаждаются счастьем, которого он лишен? С самого детства в его жизни были только тычки да насмешки. Он долго не мог простить матери, что она не прятала свое уродство. Летом ходила с короткими рукавами, демонстрируя культяшки. И он стыдился ее. Но она говорила: какой ты есть, такой есть, и скрывать этого не нужно. Говорила, что это проявление мужества и силы духа... Она думала только о себе. А как же он? Она хоть раз попыталась понять, как стыдно было ему перед одноклассниками?

Ее стремление подать сыну пример стойкости он расценивал как эгоизм. В нем копилась обида на мать. Она отравила ему жизнь. И только после ее смерти он понял, как ему ее не хватает. Но поздно. Она была единственной, кто любил его. Пусть ее любовь и была авторитарной и собственнической.

Трумэн ненавидел всех женщин, кроме матери. Но с Бетти все оказалось иначе. Потому что она была поразительно на нее похожа! Тот же изящный овал лица в обрамлении длинных волос. Те же глаза и главное — главное — тот же мягкий голос...

В Бетти он видел новое воплощение матери. Возвел ее на пьедестал. А эта тварь предала его! И тогда он повел игру с ней и со всеми, кто попадал в его поле зрения.

Что до Коко, то через нее он выплескивал свое отвращение к женщинам. И испытывал при этом величайшее наслаждение, словно топтал цветы. Или давил птичьи яйца, выпавшие из гнезда. Ему нравился хруст скорлупы под подошвой. Он сделал все, чтобы Коко влюбилась в него и страдала. Слезы шлюхи возбуждали его.

Стук из чемодана на заднем сиденье заставил его резко обернуться. А ведь он думал, что оглушил девчонку!

Река уже недалеко. Еще несколько минут — и он швырнет ее в воду. Он прихватил веревку — она лежала в багажнине, — чтобы потом привязать к чемодану камни. Тело не найдут никогда — течение сильное, а чуть дальше, на плотине, регулярно открывают шлюзы.

Он проехал туннель, и дорога пошла вдоль реки. Выезжая из туннеля, он снова услышал глухой стук в чемодане. Опасаясь, как бы девчонка не открыла крышку, он сбавил скорость. И обернулся назад посмотреть. Внезапно машину подбросило и закрутило. Она снесла парапет и исчезла в мутных водах реки.

63

Когда Линч с Барном въехали на дорожку, они сразу поняли, что что-то неладно. Во всем доме горел свет. А в такой час люди обычно спят. Они оставили пса в машине. Осторожно вошли в дом. Линч достал пистолет. Следуя чутью, сначала направился в кухню, а Барн стал подниматься по лестнице. Дело было даже не в чутье. А в запахе... Запахе смерти. Он научился мгновенно улавливать ее присутствие. Порой ему даже казалось, что он ее слышит. В какой-то особой давящей тишине. Словно душа покойного летает по комнате в поисках выхода.

Над столом потрескивала лампочка, нагнетая тревогу. Страшная сцена открылась Линчу не сразу. Сначала ему показалось, что он видит разделочный стол, а на нем кровоточащую тушу. Или какую-то странную фигуру. Потом разглядел ноги. Рук не было. Линч

подошел ближе и узнал Бетти. Кроме застывшей маски ужаса, ничего не осталось от красивой женщины, стоявшей возле загородного дома на снимке, который он видел в лаборатории. Белое лицо, остекленевшие глаза, улыбка, искаженная гримасой. Грудь не тронута. Живот вырезан в форме телеэкрана, а в середине окровавленная кукольная голова.

Линч повидал немало покойников, но так и не привык к невыносимому зрелищу растерзанной жизни.

Он пошарил в поисках фляги. Самое время выпить. Но он все истратил на пса. Линч выругался. Сзади послышался вздох, и по его спине побежали мурашки. Кто-то стоял позади и наблюдал за ним с той минуты, как он вошел. Линч притворился, будто осматривает труп, и резко обернулся, держа револьвер наготове.

На него пустым, невидящим взглядом смотрел сидевший на табуретке Том. Линч медленно подошел и встал возле него на колени. Но Том пребывал в иных сферах. Быть может, встретил Фрэнки в стране эскимосов?

О брате не было никаких вестей. Линч ждал, что однажды получит открытку с полюса. А на ней белые медведи вылизывают баночки из-под йогурта.

Появился Барн и вскрикнул при виде ужасной картины. Закрыл глаза. Глубоко вдохнул. В такие минуты ему действительно не хватало жены и детей. Его пугала мысль, что после такого кошмара придется вернуться в пустой дом.

— Позвони Ники, — сказал Линч. — Она нам понадобится...

— Бедный парень, — сокрушался Барн, глядя на Тома. — Смотрите, кажется, у него что-то за пазухой, вы заметили?

Линч увидел, что свитер у Тома действительно оттопырен. Он осторожно потянулся к Тому, но тот не пошевелился. Раздвинув ворот, Линч обнаружил руку со сжатой в кулак кистью, словно там был спрятан самый страшный на свете секрет.

64

Вавилон сидел рядом с Ники, словно вглядываясь в пейзаж. Несмотря на срочный вызов, Ники ехала не слишком быстро. Покойники не убегут. Спешка лишит ее сил, а они ей очень и очень пригодятся. Вместо того чтобы ехать короткой дорогой, она выбрала кружной путь вдоль реки. Ей всегда нравилось смотреть на воду. Средоточие жизни. От того, что ей предстояло увидеть, у нее заранее кололо глаза, словно в них вонзались ножи. Как бы хорошо, если б ночь уносила дурные воспоминания дня и каждое утро все начиналось заново. Но обычно стоило ей сомкнуть веки, как перед ней снова вставали кровавые картины. И порой она просыпалась на подушке мокрой от слез.

Барн сказал, что ее ждет кошмар. Она попросила рассказать подробности, чтобы приготовиться. Но он

сообщил только, что преступление приблизительно похоже на убийство молодоженов.

— Руки нашли?

— Да, одну. У мужа за пазухой...

Уж не Том ли, симпатичный фотограф, снимавший новобрачных, совершил это новое преступление?

Бывает, что человек действует по одной и той же схеме, вплоть до ритуала убийства. Такое уже наблюдалось у людей под действием наркотиков.

— Надо взять его кровь на анализ, — сказала Ники.

— Будет сделано, — заверил Барн.

— А где девочка?

— Ее не нашли. Искали повсюду. Даже в подвале. А Том не разговаривает.

Ники надеялась, что девочка жива, но сомневалась. Она видела ее фотографии и пыталась вспомнить лицо, чтобы установить с ней контакт. И дала себе слово подарить ей красного слоника, если обнаружит ее живой.

По дороге в голове Ники вставали не жестокие сцены убийства, а знаки, поданные убийцей. Именно они всплывали на поверхность памяти, оставляя все прочее в необозримых глубинах сознания, изъязвленного виденными ею зверствами. "Венера с ящиками", "Распятие"... Том совершенно точно не убивал новобрачных. Но он вполне мог спятить и убить своих близких. Разве она сама не испы-

тала когда-то садистское удовольствие, уничтожив то, что любила? В детстве она подожгла домик с куклами. А ведь она обожала их. Поверяла им свои тайны. Может, для того и сожгла, чтобы они никогда не проговорились? Она чувствовала какую-то дикую радость, глядя, как корчатся в огне кукольные лица. Кощунство, совершенное ею, восхищало ее. Ники посмотрела в смеющиеся глаза Вавилона. Как и всякий раз, когда вспоминалось что-то тревожное или грустное. И слоник ее всегда успокаивал.

— Что ты об этом думаешь, Вавилон?

Ничего. Слоненок ничего не думал. И Ники ему завидовала. Хотелось бы и ей не иметь никаких мыслей. Чувствовать только хорошее и забыть все остальное. Один приятель предложил ей использовать метод маятника. Пациент подвергается гипнозу и за несколько сеансов избавляется от душевных травм. Отличное средство! Когда-нибудь, может быть... Но пока она была не готова потерять над собой контроль.

Внезапно Ники заметила большой открытый чемодан. Она оставила машину у обочины. Здесь мало кто проезжал, люди предпочитали ездить короткой дорогой.

Она подошла к чемодану. Что-то закапало ей на плечи. С дерева сочилась кровь.

65

Вавилон остался в машине. Он смотрел на девочку, висевшую на ветвях дерева. Из раны на ноге лилась кровь.

Ники влезла на дерево. Посадила малышку на плечи и спустила на землю. Девочка зарыдала.

— Не бойся, я не сделаю тебе ничего плохого.

Та взглянула на Ники с недоверием и заплакала еще громче.

Ники достала из кармана конфету. Она всегда их с собой носила. Не потому, что любила их есть, а из-за запаха. Некоторые нюхают кокаин. А она — конфеты. Это тот бомж, что сидел на лавочке в сквере у ее дома, при каждой встрече протягивал ей конфетку. Девочка взяла красный шарик, но есть не стала. Она посмотрела на Ники и, кажется, слегка успокоилась.

— Как тебя зовут? — мягко спросила Ники.

— Алиса.

— Алиса? Твой папа — фотограф?

— Да... Я хочу к папе и маме...

— Послушай... — Ники запнулась. — Ты увидишь их завтра. Сейчас ночь и...

— Нет! — взмолилась девчушка. — Я хочу к ним сейчас...

И она снова расплакалась. Ее ручонки цеплялись за руку Ники, а та не знала, как ее унять и, главное, как поступить, чтобы девочка не сразу узнала, что случилось с родителями. После того, что она пережила, она не вынесет такого удара.

— Хорошо, — заверила Ники, — я тебя к ним отвезу. Но сначала расскажи, что произошло.

— Это тот дядя. Он злой и запер меня в чемодане. А потом не знаю. Было темно.

Чемодан был мокрый. Ники предположила, что убийца бросил его в реку и он плыл, пока его не прибило к берегу. Почему он не нагрузил его?

В машине девочка перестала плакать и посадила на колени слоненка.

— Это твой?

— Да.

— Он милый.

— Он не только милый! Он волшебный. Когда с ним спишь, он отгоняет дурные сны.

— Правда? Он их ест?

— Что-то в этом роде... Нравится?

— Да.

— Тогда он твой.

Девочка поглядела на Ники, чтобы убедиться, что та не шутит.

— Правда?

— Конечно. Это подарок. Но ты будешь о нем заботиться?

— Обещаю. Как его зовут?

— Вавилон.

— Странное имя...

Ники хотелось попросить Алису дать ей в последний раз обнять слоника, но она знала, что он ей уже не принадлежит. У игрушек есть душа, и он наверняка сердит на нее за то, что она сделала. Но она поклялась, что если Алиса найдется живой, она подарит ей то, что ей дороже всего на свете, — воспоминание о любви отца и запах своего детства. Вавилон знал все ее секреты, был ее ангелом-хранителем и спасательным кругом среди украденных и растерзанных жизней, которые в конце концов изуродовали ее собственную настолько, что отпугнули от нее всех мужчин. Теперь ему пришло время зажить спокойно.

Небо налилось свинцом. Машина устремилась вперед, в кошмар надвигающегося дня. Маленькая

Алиса уснула, как и надеялась Ники. Она долго ехала, чтобы не разбудить ее, проезжая по незнакомым дорогам. Ники вела машину наугад. Подальше от дома, где жил Том. Туда, где солнце на рассвете не обжигает глаза тем, кто проснулся.

66

Прошло несколько месяцев.

Том и Алиса кое-как восстановили более или менее нормальный уклад жизни. Девочка часто думала о матери. Том не сказал ей, как она умерла. Он старался подбадривать ее историями о стране Зазеркалье. Стране по ту сторону зеркала, где сбываются все мечты.

Каждый раз, засыпая, Алиса сжимала в объятиях своего слоненка. Он стал ее другом и хранителем. Благодаря ему ей не снились дурные сны. Она иногда виделась с Ники, и та спрашивала ее, как поживает Вавилон.

Тому трудно было одному воспитывать дочь. Раньше обо всем заботилась его жена. А теперь ему, помимо работы, приходилось еще хозяйничать и готовить.

Через месяц он дал в газете объявление, и словно по волшебству на его пороге возникла домработница.

У миссис Плим были рекомендации. Она работала у полицейского. Тому она показалась неприветливой и некрасивой, но зато очень дельной.

В день рождения Тома она даже предложила приготовить ужин, хотя это не входило в ее обязанности, она нанималась только убирать квартиру. Том с радостью согласился, поскольку повар из него был никудышный. Полдня миссис Плим провела, уткнувшись в кулинарную книгу. Купила все, что нужно, и принялась стряпать. Под вечер соседка снизу привела Алису из школы, и миссис Плим отослала девочку в ее комнату поиграть, пока она сама чистит картошку. Она собиралась приготовить рагу с овощами.

Перед возвращением Тома миссис Плим позвала Алису, чтобы та попробовала ее стряпню.

Когда она наклонилась, чтобы положить еду на тарелку, девочка заметила татуировку у нее на груди. Кот без головы... И цепочку, на которой висели три обручальных кольца.

— Почему у твоего кота нет головы? — спросила Алиса.

Миссис Плим как-то странно на нее посмотрела. Ее волосы поползли в сторону.

— А что у тебя с волосами? Они съехали! — крикнула девочка.

Том, этот негодяй, занявший его место и испортивший ему жизнь, получит отменное блюдо. Достойное Тантала. Женщина сжала в руке огромный

нож, который тщательно вытерла о фартук. Ей нравилось, когда лезвие блестит…

Выстрел ударил через окно, и миссис Плим рухнула на пол.

Парик Трумэна отлетел в другой конец кухни.

Ники впервые в жизни совершила убийство.

Слова благодарности

Я хочу поблагодарить Стефана Бургуэна, Жиля Бабена, Пиша, Франсуа Герифа, Женевьеву Перрен, Лизу Сюлливан и Жан-Пьера Жёне за их бесценные советы.

Также благодарю моего мужа и моего сына Жорди, который подарил мне образ таинственного человека на фотографиях.

И наконец, особая благодарность Марселю Моро, который, стоит мне споткнуться, поднимает меня одним взмахом пера...

CORPUS

НАДИН МОНФИС

ГРЕЗЫ ВАВИЛОНА

16+

Главный редактор Варвара Горностаева
Художник Андрей Бондаренко
Ведущий редактор Ирина Кузнецова
Ответственный за выпуск Ольга Энрайт
Технический редактор Татьяна Тимошина
Корректор Ольга Иванова
Верстка Марат Зинуллин

Подписано в печать 03.06.13. Формат 84×108/32
Бумага офсетная. Гарнитура "*OriginalGaramondC*"
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15.12
Тираж 2000 экз. Заказ № 3092м

ООО "Издательство АСТ",
127006, г. Москва, ул. Садовая-Триумфальная, д. 16, стр. 3, пом. 1

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

Типография ООО «Полиграфиздат»
144003. г. Электросталь, Московская область, ул. Тевосяна д. 25

По вопросам оптовой покупки книг обращаться по адресу:
123317 г. Москва, Пресненская наб., д. 6, стр. 2, БЦ "Империя", а/я №5
Тел.: (499) 951 6000

ИЗДАТЕЛЬСТВО CORPUS ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Иэн Рэнкин
Контролер

Шотландец Иэн Рэнкин, автор знаменитой серии детективных романов о Джоне Ребусе, начинает новую сагу о полиции Эдинбурга. Инспектор Малькольм Фокс работает в отделе контроля и жалоб, расследующем нарушения закона внутри самих правоохранительных органов. Внезапно его монотонная жизнь превращается в театр абсурда: с одной стороны, весьма необычное задание, с другой — убийство сожителя сестры, в котором Фоксу вот-вот достанется роль главного подозреваемого. Концы не сходятся с концами, профессиональный долг вступает в противоречие со здравым смыслом, враги и друзья ежедневно меняют маски. Но контролер — страж закона "в квадрате", он обязан докопаться до сути, даже зная, что рискует репутацией, карьерой и, вероятно, жизнью.

УЖЕ В ПРОДАЖЕ!

ИЗДАТЕЛЬСТВО CORPUS ПРЕДСТАВЛЯЕТ

КАРИН ФОССУМ

Не бойся волков

Инспектор Конрад Сейер, герой серии романов Карин Фоссум, — типичный норвежский полицейский: серьезный, пунктуальный и немного старомодный. В "Не бойся волков" он занят расследованием двух вполне заурядных по нынешним временам преступлений, разгадка которых, как и мотивы, вроде бы лежат на поверхности: убийства пожилой женщины, одиноко живущей на своей ферме, и ограбления банка с захватом заложника. Однако, как постепенно выясняется, во всех этих событиях непонятным образом замешаны весьма необычные персонажи.

Карин Фоссум называют норвежской королевой детектива. Серия ее романов об инспекторе Конраде Сейере принесла ей мировую известность и переведена на 16 языков. На русском языке выходили два ее романа: "Глаз Эвы" и "Не оглядывайся!"

УЖЕ В ПРОДАЖЕ!

Larisa_F